

Санкт-Петербургский государственный университет
Академия социальных и гуманитарных наук Фонд Рабочей Академии

БУДУЩЕЕ ЗА ОБЩЕСТВОМ ТРУДА

Под редакцией проф. В.Я. Ельмеева

Санкт-Петербург 2003

ББК 60.5 Б 90

Авторы: *В.Т. Долгов, В.Я. Ельмеев, М.В. Попов, Е.Е. Тарандо и др.*

Рецензенты: докт. экон. наук проф. *И.К. Смирнов* (С.-Петербург. гос. ун-т); докт. экон. наук проф. *В.Н. Волович* (С.-Петербург. гос. горный институт (технич. ун-т)).

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета

Санкт-Петербургского государственного университета

Будущее за обществом труда / В.Т. Долгов, В.Я. Ельмеев, М.В. Попов, Е.Е. Тарандо и др.
// Под ред. проф. В.Я. Ельмеева. — Б 90 СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2003. — 272 с.

ISBN 5-87403-090-9

Монография посвящена проблемам дальнейшего развития общества. Авторами обосновывается концепция, согласно которой общество капитала уступит место обществу труда, где критерием прогресса выступает развитие работника. В этой связи дается критический анализ ныне модных теорий постиндустриального, информационного, постэкономического общества.

Рассчитана на специалистов в области общественных наук, преподавателей и студентов гуманитарных вузов, экономических и социологических факультетов университетов, всех интересующихся актуальными проблемами развития общества.

ББК 60.5

Публикация осуществлена при содействии Фонда Рабочей Академии.

ISBN 5-87403-090-9

© Авторы материалов, 2003

© В.Я. Ельмеев, 2003

© С.-Петербургский государственный университет, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Людей не могут не волновать проблемы своего будущего. Каждое новое поколение надеется на лучшую жизнь. И сегодняшняя социальная практика побуждает мыслить не только о том, что есть, но и о том, чего нам не достает и что нас ожидает. Это обстоятельство привлекает особое внимание к учениям, в которых разрабатываются концепции будущего.

После того, как в России был реставрирован капитализм, причем по самым последним западным монетаристским рецептам, вопрос о социалистическом будущем России в официальной прессе снят. Отечественным авторам, примирившимся с этим, ничего другого не остается, как обратиться к западным постмодернистским концепциям, предлагающим в качестве будущего постиндустриальное, постэкономическое, информационное и т. п. общества. Стало очевидным, что противопоставить социализму в качестве будущего монетаристический капитализм, разрушивший экономику России, не имеет смысла. Поэтому ухватились за постмодернистские варианты, в которых будущее рисуется как некое «посткапиталистическое» общество, хотя на самом деле речь идет всего лишь о смене его капиталистического названия.

Особенно усердствуют в этом присно известный Г.Х. Попов и выпускающий книгу за книгой по западным образцам В.Л. Иноземцев. Первый в своей книге «Будет ли у России второе тысячелетие» заявляет, что социализм в России был преодолен не реставрированным капитализмом, а постиндустриализмом, который иногда, мол, «ошибочно называют современным капитализмом»¹. Второй предсказывает конец обществу, основанному на экономике и труде, производящем материальные блага. «В отличие от К. Маркса, который первым применил в своих работах понятие экономической эпохи, мы полагаем, — пишет он, — что важнейшим условием ее преодоления является не устранение эксплуатации или уничтожение товарного обмена, заменяемого плановым хозяйством, а осуществление необратимых изменений в характере человеческой деятельности, обуславливающих ее трансформацию из трудовой в творческую»².

Авторы предлагаемой читателю книги противопоставляют этим суждениям концепцию, согласно которой будущее принадлежит обществу труда. Только на трудовой основе можно построить общество вековой народной мечты — общество социальной справедливости и социальной правды. Труд был, есть и навсегда остается тем фундаментом, на котором возникло, существует и будет развиваться человеческое

¹ Попов Г.Х. Будет ли у России второе тысячелетие. М., 1998. С. 117,256

² Вопросы философии. 2001. № 1. С. 4.

общество. «Труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь»³.

Авторы понимают, что в настоящее время не так легко восхвалять труд. Люди труда вправе сказать: все мы, наши предки и наши дети трудились и трудятся в поте лица своего, но никто за счет своего труда не стал богатым. Богатыми становятся другие, причем за счет нашего труда.

Действительно, трудящийся люд так и не смог вырваться из-под ига наемного труда. Лишь иногда радость труда облегчала им подневольную жизнь наемников и батраков. Неужели и в будущем, могут подумать они, нам кроме этого труда ничего не светит? Даже церковь нам обещает на том свете жизнь без труда.

И все же в земной жизни общество и люди без труда обойтись не могут. Все зависит от того, смогут ли трудящиеся создать такое общество, где плоды труда будут доставаться им самим, и их собственность будет базироваться на собственном, а не черном труде.

Безусловно, характер и содержание труда не остаются постоянными, они подвергаются изменениям в ходе истории. Можно согласиться с тем, что труд будет приобретать все более и более творческий характер, что он не будет трудом, производящим стоимость. Процесс производства и труда превращается в арену применения сил науки, экспериментальную материально-творческую и предметно-воплощающуюся науку. Вместе с тем труд не потеряет своего предметного характера и созидателя потребительных стоимостей, не станет только умственной деятельностью, не предполагающей материального воплощения своих результатов, т. е. предметной, физической деятельности ее материального продукта.

Подход к анализу будущности общества с позиций труда является серьезным методологическим принципом. Труд служит надежным ключом к пониманию не только всей предшествующей истории, но и развития общества в последующие эпохи. Особую значимость для познания будущего приобретает разработка политической экономии труда, призванной заменить политическую экономию капитала. К этому сводится одна из основных задач данной книги.

Авторы в определенной мере следуют традициям великих социальных мыслителей прошлого — Кампанеллы и Т. Мора, социалистов-утопистов — Сен-Симона, Фурье, Оуэна, социалистов-рикординцев. Не чужды для них и научные поиски будущего у

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 51.

современных социологов и экономистов, в частности видного американского социолога и экономиста И. Валлерстайна, который призывает сегодня измышлять тот новый общественный строй, который придет на место капитализма, и бороться за его сотворение. «Ведь никоим образом не гарантировано, что конец неэгалитарной исторической системы приведет к появлению лучшей. Борьба открыта. Сегодня нам нужно определить конкретные институты, через которые, наконец, сможет найти свое выражение освобождение человека»⁴. И. Валлерстайн полагает, что уже в XXI в. капиталистический мировой порядок может быть разрушен на основе своих внутренних противоречий, и на его место придет социалистический мировой порядок. Однако формы последнего для него остаются неясными.

Предсказывать их, да еще в их конкретном виде, дело трудное. Всегда есть опасность впасть в утопизм, о чем свидетельствует опыт общественнознания в годы правления Н.С. Хрущева. Неслучайно великие мыслители — К. Маркс, В.И. Ленин предупреждали не забегать вперед, учитывать реально существующие обстоятельства, условия времени и места.

В то же время без знания общих контуров будущего общества, его основ, к которым приводит логика социально-экономического развития, невозможно определить и конкретные способы и направления действительности, постоянно созидающей те или иные формы жизни. Авторы книги ограничивают себя одним аспектом — анализом места труда в будущем обществе.

Монография написана авторским коллективом. Авторами отдельных глав и параграфов являются:

Предисловие — В.Я. Ельмеев;

Глава 1 — В.Я. Ельмеев, В.Г. Долгов (§ 1), М.В. Попов (§ 2), М.В. Синютин (§ 3);

Глава 2 — В.Я. Ельмеев;

Глава 3 — В.Я. Ельмеев, В.И. Мишин (§ 1), В.Я. Ельмеев (§ 2, 3);

Глава 4 — В.Я. Ельмеев (§ 1, 3), Л.А. Лебединцева, Н.А. Пру-ель (§ 2);

Глава 5 — Е.Е. Тарандо;

Глава 6 — В.Я. Ельмеев, Е.Е. Тарандо (§ 1), В.Я. Ельмеев (§ 2), В.Я. Ельмеев, В.Г. Долгов (§ 3);

Заключение — В.Г. Долгов.

⁴ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 186,398.

ГЛАВА 1. В ЗАЩИТУ ИСТОРИЗМА

§ 1. Нищета постмодернизма в трактовке настоящего и будущего

Можно ли понять будущее, если не придерживаться принципа историзма, отрицать развитие общества, его переход в то или иное качественное состояние?

Ответ очевиден: этого сделать нельзя, ибо без признания развития о будущем сказать нечего. Несмотря на это, сегодня вошли в моду всякого рода теории о «постсовременном обществе», получившие названия «постмодернизма». Одни предлагают вместо «индустриального общества» «постиндустриальное», вторые – вместо «экономического» «постэкономическое общество», третьи – вместо «человеческого» общества «постчеловеческое» и т. п. Предполагается и соответствующая формула, по которой кроится вся и всякая история: «до–теперь–после», и короче «до-после». Все, что было обычно называется традиционным обществом, что есть – модерном, что будет – постмодерном. Под эти рубрики подводится вся история общества, а само деление истории приобретает следующий вид:

- традиционно – современное – постсовременное общество;
- доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное общество;
- доэкономическое – экономическое – постэкономическое общество и т. п.

По такому же образцу стали¹ делить историю философии, социологии и других гуманитарных наук. Так, философию подразделяют на доклассическую, классическую и неоклассическую (постклассическую), социологию – на доклассическую, классическую и постклассическую. Остается лишь таким же образом расчленить историю, т. е. на историю до человека, человеческую и постчеловеческую (нечеловеческую), что тоже уже делается.

Обратим внимание прежде всего на то, что здесь обозначается термином “пост (post)”. По существу у постмодернистов это означает конец истории. В постисторический период, по словам Ф. Фукуямы, нет ни искусства, ни философии, остается лишь тщательно охраняемый музей человеческой истории. В общем, речь идет о конце истории как таковой, завершении эволюции человечества универсализации либеральной демократии как окончательной формы правления², т. е. после капитализма уже не может быть истории, наступает конец истории общества, конец истории человечества.

Чтобы обнаружить пустоту деления истории на «до–теперь–после», достаточно поставить вопрос: что последует за «после», т. е. что будет после «после», да еще после третьего «после» и т. д.? Вразумительного ответа на этот вопрос не получить. Так называемая «постальтернатива», «посту» – это номенологическая инсинуация, т. е. лишение термина смысла его деморфимизации. Что такое, например, постчеловек? В лучшем случае нечеловек – это вымысел, в худшем – деградация, смерть человека, когда же требуют еще определить что такое постнечеловек, то это уже самый настоящий мошеннический трюк.

Не зря многих из постмодернистов, в частности Ж. Делеза, причисляют к интеллектуальным мошенникам³. В.А. Кутырев называет рассуждения о постчеловеке «Евангелией антигуманизма» – «благой» вестью о смерти⁴, приводя соответствующее место из книги Ж. Делеза о работах М.-П. Фуко: «В наши дни мыслить можно только в пустом пространстве, где уже нет человека... Всем тем, кто хочет говорить о человеке, его царстве и освобождении, всем тем, кто еще ставит вопросы о том, что такое человек в его сути, всем тем, кто хочет исходить из человека в своем поиске истины..., всем этим несуразностям и нелепым формам рефлексии можно противопоставить “лишь философический смех”»⁵.

Приведенные слова говорят и о другой стороне постмодернизма – о его приверженности к архаике, к идее необратимости регресса по отношению к современности. Выступая против будущего, постмодернисты его симметричную альтернативу видят в прошлом. «Пост» в их лексиконе служит не только для обесмысливания будущего, но и настоящего, современности.

Это можно показать на примере постмодернистских рассуждений о современном положении России, о ее капиталистическом настоящем. Вместо того, чтобы увидеть в современном капиталистическом положении российского общества кризис самого капиталистического типа общества, представитель российского модернизма настойчиво твердят, что это кризис установившегося в России архаического, а не современного капитализма. «Как видим, – пишет Ю.Н. Давыдов, – и непромышленный характер “нового русского” капитализма, и фискально-политическое происхождение “новых русских” капиталов, и поразительная “социальная близость” его основных персонажей соответствующих фигурам античного капитализма, – все это позволяет причислить наш нынешний капиталистический тип к архаическому»⁶.

Модернисты готовы причислить к капитализму не только античное, но и первобытное общество, лишь для того, чтобы обелить современный «цивилизованный» западный капитализм и модернизировать Россию по его образу. Они готовы признать

существование христианства до рождения Иисуса Христа, лишь бы Россия встала на путь развития «нравственно-религиозно ориентированного рыночного хозяйства, аналогичного тому, что возникло в свое время на Западе “из духа” протестантской этики индивидуального труда, частной собственности и личной инициативы»⁷. Они верят в учение о капитализме не А. Смиту, Д. Рикардо, К. Марксу, а М. Веберу, у которого, по словам всемирно известного исследователя капитализма Ф. Броделя, «однозначное “идеалистическое” объяснение, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления, всего лишь увертка..., чтобы ускользнуть от [признания] мысли Маркса»⁸.

У постмодернистов формула истории из трех компонентов «до–теперь–после» расщепляется на дихотомические пары, что еще больше уменьшает ее способность выражать историчность общественной реальности. В первой дихотомии «до–теперь» образуется симметричная ретроальтернатива, во второй – «теперь–после» – постальтернативная симметрия. При этом полюса дихотомий выступают не как взаимоотрицающие и взаимополагающие друг друга противоположности, а как сосуществующие в разрыве типы дихотомии. Так, «после» только тем отличается, что оно не «до», т. е. внеположенным по отношению к «до», оно ничего определенного не отрицает и ничего определенного не утверждает. Эта дихотомия не выражает ни развития, ни изменения.

Чтобы каким-то образом оправдать «деконструкцию» категорий противоречия и отрицания, объясняющих возможность развития, их заменяют понятием «дихотомическое различие». При этом обычно ссылаются на антиномию Канта, используют их «метафизичность». Кант противопоставляется Гегелю, который, как известно, подверг серьезной критике Канта в этом вопросе. «Гегелевское противоречие, – писал, например, Ж. Делез, – как бы доводит различие до конца. Но это тупиковый путь, сводящий его к тождеству, придающий тождеству достаточность, позволяющему ему быть и быть мыслимым»⁹.

На самом деле у Гегеля речь идет о переходе от тождества к различию, доведенному до противоречия, которое затем разрешается на основе взаимопроникновения противоположностей, одна из которых ставится основанием разрешения противоречия и перехода к новому состоянию, отрицающему старое. Для Ж. Делеза же «история идет путем решения задач и утверждения различий, а не отрицания и отрицания отрицания»¹⁰. Постмодернисты, как и И. Кант, не знают положительного значения антиномий для объяснения реального развития общества не только потому, что относят их только к разуму, а главным образом потому, что не допускают единства

(тождества) противоположностей, абсолютизируют разрыв с одинаковой необходимостью сосуществующих полюсов. Для них становится неприемлимым даже среднее звено в формуле «до–теперь–после», поскольку оно может служить опосредствующим средним членом обычного логического умозаключения, т. е. опосредствовать связь предшествующего «до» и последующего «после». Трехзвенность диахронного процесса заменяется дихотомическим различием «до» и «после», не знающим опосредования.

Между тем без обусловленности настоящего прошлым, будущего – настоящим нет истории. Из-за того, что предшествующее и последующее выступают как противоположности, они не остаются в состоянии дихотомического разрыва двух симметричных, а потому и обратимых, полюсов. Они опосредствуют друг друга как противоположности, переходя в процессе развития и изменения одна в другую. Причем одна из противоположностей может стать опосредствующим звеном, представлять собой более высокую степень развития.

Анализ современности, и тем более постсовременности, на основе дихотомии постоянно и неизменно симметрично сосуществующих разорванных полюсов по существу повторяет азы дуализма, уже давно отвергнутого в науке как логически и методологически несостоятельного принципа. История не знает сослагательного наклонения и в этом смысле она не дуалистична, а монистична. Настоящее в своем переходе к будущему многовариантно в выборе путей, но уходя в прошлое, оно опять становится монистичным. Поэтому дуализм предшествующей истории как одной и той же сущности бессмысленен, что и выражается в известной формуле об отсутствии сослагательного наклонения. Дуализм не приемлем не только для обоснования принципа развития, но и для противопоставляемой ему теории общественных изменений.

Метод дихотомии в логическом отношении тоже непригоден. И не только потому, что он еще у Зенона (Элейского) использовался для запутывания мысли. Полюса дихотомий «до–теперь», «теперь–после» обычно бывают представлены сами по себе как единственности, обладающие одним признаком – не быть чем-то другим. В таком суждении, как, например, «после – это не теперь», термин «после» ничего не говорит ни о содержании этого термина, ни о соотношении его с понятием «теперь». «После» – это одно, «теперь» – другое. Здесь ничего определенного не отрицается и не утверждается, полюса этих дихотомий внеположны и не свидетельствуют ни о развитии общества, ни об его изменениях. Это – пустые дихотомии, они не конститутивный момент, а деконститутивный способ мышления, характерный для метафизически мыслящих авторов.

Научный смысл антиномии приобретают лишь в том случае, если их полюса рассматриваются как взаимосвязанные противоположности, противоречия между которыми преодолеваются через их взаимопроникновение и их отрицание в конкретном единстве. В этом отношении единство противоположностей «до–теперь», «теперь–после» и подобных им других полюсов как раз и образует движение общества, историю подобно тому, как единство прерывности и непрерывности образуют принцип движения как такового, которое одновременно и прерывно и непрерывно.

Модернисту или постмодернисту такие рассуждения оказываются неприемлемыми, ибо они разрешают антиномии, т. е. распутывают любимые ими парадоксы, жонглированием которыми они создают себе имидж «современных» мыслителей, преодолевших, например, Гегеля, хотя и не сумевших его понять.

Недаром ученый мир Запада скептически воспринял постмодернизм, окрестив его родоначальников нелестным именем «интеллектуальных мошенников». Об этом можно узнать из рецензии Р. Давкинса на книгу А. Сокала и Ж. Брикмонта «Интеллектуальные мошенники», переведенную на английский язык под названием «Модный нонсенс»¹¹. Автор рецензии, имея в виду тезис постмодернистов об уникальности и ситуативности всего происходящего, приводит соответствующее место из Ж. Делеза: «прежде всего события-сингулярности (singularities-events) соответствуют гетерогенным сериям, которые организованы в систему, которая никогда не бывает ни стабильной, ни нестабильной, но “метастабильной”, наделенной потенциальной энергией, внутри которой распределяются разности потенциалов между этими сериями..., во-вторых, сингулярности способны к самоунификации (autounification), являясь всегда мобильными и свободно перемещаясь в пространстве до тех пор, пока какой-нибудь парадоксальный элемент не пересечет эти серии и не вызовет их резонанс, объединив тем самым соответствующие сингулярные точки в единую случайную точку, а все эмиссии, по такому раскладу, в единый пучок»¹².

Этой цитате рецензент предпосылает очень нелестную оценку сути стиля постмодернистских авторов как интеллектуальных мошенников, которым нечего сказать в науке.

Из отечественных ученых против постмодернистского мошенничества и колдовства в науке в последнее время резко выступают из естественников академик РАН Э.П. Кругляков (см. его книгу «Что же с нами происходит». Новосибирск, 1998), а из представителей общественных наук – доктор философских наук В.А. Кутырев (см. его статью «Человек XXI века: уходящая натура...» // Человек. 2001. № 1. С. 9–16). Так, В.А. Кутырев, обсуждая модернистскую дихотомию «человек–постчеловек», оценивает

«теорию» постчеловека как Евангелие антигуманизма, как благую весть о смерти человека. Действительно, вывод о «нечеловеке», и тем более о «постчеловеке» – это мошеннический трюк. Вместе с тем он характеризует переход части современной интеллигенции не только к колдовству, астрологии, но и к крайним формам человеконенавистничества. Достаточно привести высказывание пристно известного М. Фуко, чтобы убедиться в этом. «В наши дни, – пишет он, – мыслить можно только в пустом пространстве, где уже нет человека... Всем тем, кто хочет говорить о человеке, его царстве и освобождении, всем тем, кто еще ставит вопрос о том, что такое человек в его сути, всем тем, кто хочет исходить из человека в своем поиске истины... всем этим несуразностям и нелепым формам рефлексии можно противопоставить “лишь философический смех”»¹³.

К сожалению, из отечественных авторов нашлись апологеты постмодернизма, которые усматривают в нем некий методологический позитив – чуть ли не ложку современной социологии, адекватной некому «контенгентному» сдвигу, точнее, сдвигу в головах некоторых социологов и философов. Полагают, что согласно «дихотомичной логике» постмодернизма «теория развития» и «теория общественных изменений» составляет неразрешимую антиномию вечно сосуществующих теоретических конструктов.

Почему же эта антиномия наукой не разрешима? Оказывается потому, что так считал Кант (Гегель, вроде бы, здесь не причем) и так думают Поппер, Нисбет и Будон. «Можно критиковать и отвергать, – утверждает один из новоиспеченных наших постмодернистов, – конкретные теоретические модели развития или изменений, но доказать принципиальную несостоятельность теории развития или теории изменений как способов теоретизирования невозможно, оставаясь в рамках социологии, поскольку, как показал опыт Поппера, Нисбета, Будона, сама критика базируется на ценностном разрешении антиномий “универсальность – уникальность”, “детерминизм – индетерминизм”, “дедуктивность – индуктивность”, которые выводят проблему “развития или изменения” в область вопросов, названных Кантом метафизическими»¹⁴.

Можно привести из дискурсов автора образец «анализа» дихотомий на основе их ценностной оценки, причем по «ясности» мысли не уступающего делезовским. «Итак, – обобщает автор, – если овеществление – результат реализации ценностей, то развеществление – симптом их деактуализации. Симуляции, выдающие отсутствие реальности за ее присутствие, умножаясь, становятся самодостаточны и делают проблему реальной и иррелевантной. Понимание существа современности как виртуализации / развеществления общества порождает массу теоретических проблем. Но единственно

существенная возникает как следствие решения вопроса о ценностях: как возможно общество, лишенное ценностей? На столь зловеще звучащий для многих вопрос возможен столь же иронично звучащий ответ: как виртуальная реальность. Если нет того, о чем “во всем постоянно идет дело”, то социальные институты, возникшие как следствие овеществления, теряя свою власть над индивидом, становятся образом, включаемым в игру. И в этом смысле телефакс, избавляющий от сервиса – надзора такого социального института как почта, есть “распочтовывание”. Ксерокс – “растипографирование”, видео – “раскинематографирование”, персональный компьютер – “разофисирование”¹⁵.

Понять, что здесь есть развеществление или присутствие отсутствия, нормальному человеку и нормальному разуму вряд ли возможно.

Есть еще одна особенность постмодернизма, на которую следует обратить внимание. Это – сведение самого понятия «современность» к бессмыслице – к принципу «здесь и сейчас», не знающего никакой историчности. Современность – это вроде бы то, что эмпирически наблюдается только здесь и сейчас, но не там или после.

Деление истории на два («до» и «после») неизбежно подводит дискурс на эту тему под апорию Зенона «Дихотомия», согласно которой проблема движения во времени неразрешима. Наблюдаемое здесь и сейчас, т. е. современности, в этом случае предстает как неуловимый миг между прошлым и будущим, между «до» и «после». Ведь можно утверждать, что то, что было вчера, час, минуту, секунду и т. д. тому назад, это уже прошлое, а что будет завтра, через час, минуту, секунду и т. д. (деление времени бесконечно) – уже будущее. Настоящему места не остается, современность исчезает. В современность нельзя попасть не только дважды, но и однажды.

Но и этого мига может не быть, поскольку время между «до» и «после» может делиться бесконечно. Соответственно и движения истории не будет, оно не только может не начаться, но и существовать не может. Отсюда и обращение постмодернистов к К. Попперу, проповедующему бессмысленность истории, отсюда и постмодернистские теории «конца истории».

По-иному выглядит научное решение проблемы современности и постсовременности. Достаточно обратиться к Гегелю, чтобы современность понять глубже – прежде всего как существующую действительность, а постсовременность – как возможность, т. е. как то, что существенно для действительности, но остается только возможностью. С этой точки зрения современность предстает как действительность, которая «есть ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего»¹⁶. Поэтому, научное понимание современности не позволяет под нее подставлять все то, что непосредственно воспринимается, лежит на поверхности

общества, т. е. наличное бытие как явления. Современность в качестве действительности в своем раскрытии и реализации обнаруживает себя как необходимость. У Гегеля, как разъяснил в свое время Ф. Энгельс, необходимость является атрибутом действительности, и соответственно, разумна лишь та действительность, которая необходима.

Если подходить к современности с этих позиций, т. е. как к действительности текущей эпохи, то современным будет действующий с необходимостью процесс обновления, развития, прежде всего совершающийся научно-технический прогресс, поставляющий обществу новые знания, технику и технологию.

В общем социально-экономическом смысле современным будет то, что выступает отрицанием старой действительности. По мере развития все, что было прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою современность. Вместо отрицающей действительности возникает новая, жизнеспособная действительность. Все действительное в человеческой истории со временем становится неразумным, а все разумное предназначено к тому, чтобы стать действительностью, как бы ни противоречило существующей кажущейся действительности¹⁷.

И. Валлерстайн подобную необходимость преобразования существующей действительности называет «современностью освобождения», являющейся постоянной, вечной современностью, противостоящей консерватизму и либерализму. Он связывает ее с освобождением от капиталистической миро-системы, о кризисе которой свидетельствуют следующие современные тенденции: во-первых, подвергаются истощению ресурсы доступной дешевой наемной рабочей силы, особенно ее приток из деревни; во-вторых, происходит сжатие средних слоев общества как политической опоры существующей миро-системы; в-третьих, нарастает кризисная ситуация в экологии, обостряющая экономические проблемы; в-четвертых, увеличивается демографический разрыв между Севером и Югом¹⁸. Те, кто хотел бы продлить существование того, что есть сейчас, но в другом облики, полагает автор, еще очень сильны. Вместе с тем он выражает уверенность, что «это будет концом ложной современности и началом, впервые, подлинной современности освобождения»¹⁹.

Что касается постмодернизма, то он, по утверждению И. Валлерстайна, «вовсе не после-современность... Постмодернизм как концепция, претендующая на объяснение, лишь запутывает»²⁰. Постмодернизм является способом отрицания современной тенденции в науке, утверждающей, в отличие от ньютоновско-бэконовско-картезианской традиции, историчность мира природы. Вместе с тем постмодернизм, по мнению указанного автора, служит выражением острого морального и

институционального кризиса капиталистической миро-системы и в этом отношении является возвещением ее гибели. «Понадобится по меньшей мере еще 50 лет окончательного кризиса, то есть “хаоса”, прежде чем мы можем надеяться обнаружить себя при новом общественном строе»²¹.

И. Валлерстайн полагает, что для России 1989 год и последующий период не стали триумфом либерализма, скорее, наоборот, – это «крах либерализма и грандиозное политическое поражение тех, кто поддерживает капиталистический мир–экономику»²².

Так называемые «радикальные реформы», приведшие к деградации нашего общества, сопровождаются соответствующим идеологическим оправданием – концепциями модернизма и постмодернизма, призванными заменить теорию развития общества. Чтобы прикрыть отказ от теории развития, предполагающей переход от старого к новому, выдвигается суждение, похожее на признание обновления – приведение общества в современный вид, его «осовременение», «обновление». Обновить, например, Россию – это приспособить ее к современным условиям т. е. или к условиям, существующим на Западе, или возродить то, что было в России до социализма. «Суть перемен, которые идут в России и пост коммунистических странах, – сказано в одной из книг по модернизму, – заключена в понятии ”модернизация”. Термин, забытый после неудач деколонизации 60-х годов, вновь стал центральным для характеристики этого типа развития, связанного со сменой и поиском собственной идентичности, попыткой приблизиться к западной»²³. Именно для этого были востребованы модернистские концепции, возрождение которых прямо связывается с идеологическими потребностями правящих кругов посткоммунистических стран, особенно для проведения так называемой «либеральной» политики.

Какой предстает современная российская действительность в концепциях модернистов? Что в ней истинно современного в отличие от декларируемой якобы «ложной» современности социализма?

Поскольку капитализация страны не привела ее к действительному обновлению и развитию, в поисках «современного», приходится обращаться в область духа, а в ней – к духовной свободе человека, причем ценой отказа от других не менее важных принципов – равенства и справедливости. Суть современного либерализма, по справедливому утверждению академика В.Н. Страхова, «состоит в двух моментах: во-первых, “эгалите” (равенство) и “фратерните” (братство) выбрасываются как вещи непотребные и крайне опасные; во-вторых, “либерте” (свобода) связывается с фундаментальным принципом капитализма и западной цивилизации – “Интересы личности превыше всего”»²⁴. Сама же

свобода свелась к свободе слова, которую не зря называют ваучером демократии, но уже в области идеологического мошенничества.

Что же касается оценки того, что представляет из себя наличная российская современность, то модернизм ничего внятного не предлагает. Вот, например, рассуждения одного из «современных» авторов относительно существования в нашем обществе предпринимателей как наиболее заинтересованной в проведении либеральных реформ социальной группы. Предполагается, что эта группа обладает фактическим бытием, но не присутствует в социологическом опыте: понятие «социальная группа предпринимателей» означает присутствие, которое отсутствует. Отсутствие предпринимателей представляет собой то, что присутствовало, либо то, что могло присутствовать или могло не присутствовать, либо то, что будет присутствовать, либо то, что может присутствовать или не присутствовать, либо то, чего присутствовать не может. Все, что наличествует в присутствии «предпринимателей», каким-то образом уже присутствует в отсутствии. Вне присутствия «социальная группа предпринимателей» представлена своим отсутствием. Отсутствие изучается как уже–не–присутствие, либо как еще–не–присутствие: в самых общих чертах структуры отсутствия могут трансформироваться в прошедшие события и деструктурироваться отсутствием как «пережитки» прошлого присутствия, или стать будущими событиями, которые своими возможностями «притягивают» к себе присутствие»²⁵.

Из этой бессмыслицы, составленной по рецептам модерна, трудно что-то извлечь для понимания современности и тем более будущего, выходящего за пределы современности. Будущее России в концепциях постмодерна накрепко привязывается к прошлому, причем не к социалистическому, а к капиталистическому прошлому. Тем самым постмодернизм отрицает всякую теоретическую возможность рационального объяснения перехода к действительному будущему или на языке модернизма к постсовременности.

В самом деле, что можно сказать о том, что будет после современности, если не допускается развитие! Ровным счетом ничего вразумительного. Это обстоятельство вынуждает постмодернистских авторов прибегать, как показали А. Сокал и Ж. Брикмонт, к чисто мошенническим приемам и запутанному стилю изложения, прикрывающему отсутствие и невозможность подлинной мысли. «Предположим, – пишет Р. Давкин в своей рецензии на книгу выше названных авторов “Интеллектуальные мошенники”, – что вы – интеллектуальный мошенник, которому нечего сказать, но с сильной амбицией преуспеть в академической жизни. Какой стиль письма вы тогда предпочли бы. Наверняка не ясный, ибо ясность выставила бы напоказ отсутствие содержания в ваших писаниях»²⁶.

Пример с присутствием и отсутствием предпринимателей в современной России, приведенный выше, вполне подтверждает эту оценку постмодернизма. Такого рода алогизмы проистекают из модернистской трактовки социальной реальности, вернее, из отрицания ее объективности и из ее сведения к чисто субъективной конструкции. Ведь «присутствие» социальной реальности в форме «предпринимателей» обретает основание лишь в опыте социолога, ее смысл определяется «интенцией» социолога. В зависимости от угла зрения, под которым социолог воспринимает и интерпретирует свой опыт, один и тот же опыт может быть истолкован и как «присутствие», и как «отсутствие» чего-либо. В итоге социальная реальность будет определяться субъективным содержанием опыта и его интерпретацией социологом, т. е. отрицается сама возможность объективной истины, что лишает смысла применять здесь нормальную человеческую логику. Этого не позволяет солипсизм.

Столь же невразумительны модели прогресса в их постмодернистском «осмыслении». Так, модель экономического роста у представителя персоналистского постмодерна П. Козловски, антисциенистские сочинения которого распространяются у нас, выглядит как некая комбинация расширения и сокращения. Решение проблемы примитивно сводится к тому, чтобы найти середину между расширением и сокращением. «Ни человек, ни что-либо другое, – пишет он, – в природе не растет и не расширяется безгранично. Также и человеческая личность не является безгранично расширяющимся устройством, без конца поглощающим ограниченные ресурсы; она держится на хрупком равновесии двух тенденций или движений – движения расширения и движения сокращения... Как человеческая личность, так и жизненные порядки, философские истолкования общества, культура и экономика должны найти середину между сокращением и расширением. Двойное направление роста – вовне и вовнутрь – говорит о том, что и экономика должна расти вовне и вовнутрь и что способность к внутреннему углублению широко раздвигает границы роста»²⁷.

Очевидно, что искать середину между расширением и сокращением, между ростом вовне и вовнутрь – это бессмысленное дело. Но эта бессмысленность есть прием, посредством которого отрицается возможность прогресса и развития вообще. Они обесмысливаются. Ведь середина между расширением и сокращением чего-либо – это покоящееся состояние, оно остается таким, каким было.

Поверхностное понимание истории в понятиях «больше» – «меньше» давно преодолено в общественном сознании²⁸.

У нас функцию объяснить «посткоммунистическое» развитие России с позиций модернизма и постмодернизма взяли на себя несколько авторов (А.С. Ахиезер,

В.В. Козловский и др.), в том числе В.Г. Федотова из Института философии РАН. В своей книге «Модернизация “другой” Европы» она поставила целью дать «подробный анализ модернизационной (неомодернизационной) и постмодернизационной перспективы и представить контуры теории посткоммунистического развития»²⁹. Книга начинается с модернистского дискурса о судьбах России в зеркале методологии. Им оказывается не зеркало П. Глобы, выводящего эти судьбы из расположения звезд (звездного контекста), а из двух посылок модернистски трактуемой социологии знания: из степени самоочевидности того или иного типа знания (обозначающего) и из социального контекста типа знания.

Самоочевидным, по ее мнению, для России типом знания является не социально-теоритическое и не социально-технологическое, а мировоззренческое (идеологическое) знание. Это вроде бы самоочевидно, ибо первые студенты, посланные Борисом Годуновым за рубеж, проявили исключительный интерес к алхимии и к астрологии. Но это говорит, скажем мы, лишь о том, что в России не было алхимии и астрологии, и следовательно, не столь очевиден мировоззренческий тип знания применительно к России, если она не знала ни алхимии, ни астрологии, а на Западе они в то время процветали.

Типом знания обуславливается и социальный контекст. Россия может быть «обозначена как место (социальный контекст), отличающееся предпочтением особого типа социального знания», т. е. преобладанием мировоззренческого знания над научным. Соответственно, подход к проблеме модернизации общества должен быть, согласно автору, культурологически-цивилизационным, а не материально-цивилизационным. Это значит, что социальные сдвиги ею рассматриваются как следствие культурных и цивилизационных обстоятельств и главными из них – духовными процессами, т. е. она не скрывает свою приверженность субъективному методу, заявляя, что руководствуется посылкой о главенстве культуры, духовного контекста.

Что касается методологического подхода к выявлению путей развития России (термин «развитие» применяется исключительно в модернистской трактовке), то здесь речь идет не об обосновании особенного, но действительного пути развития, что требовала классическая методология, а о ракурсах интерпретации, понимания этих путей. Эти ракурсы интерпретации не должны быть онтологизированы, т. е. не должны быть представлены как реально возможные, они лишь точки зрения, не имеющие подтверждения. Спор о том единственном пути, который потом подтверждается историей, объявляется бессмысленным (как будто путь никогда не бывает единственным), тогда как

на самом деле бессмысленным является совмещение ракурсов интерпретации, если исследователь не выявляет тот реальный путь, по которому пойдет Россия.

Не имеет смысла их совмещение еще в одном ракурсе интерпретации – по типу развития, не знающего ни феодального, ни капиталистического, ни социалистического типа развития. При таком ракурсе интерпретации развитие стран уподобляется соревнующимся на лодках спортсменам. Россия оказывается во втором эшелоне в качестве «второй» Европы, побуждаемой внешним «вызовом» Запада. Она не имела и не имеет внутренних источников развития, не обладает органичностью, собственными потребностями и исторической судьбой, ее механизмы развития мобилизационные, характер развития – догоняющий, темпы – медленные. Как будто не было социалистического развития России (СССР), ошеломляющего всех своей инновационностью, небывалыми темпами, своими внутренними источниками развития. Как будто нет нынешнего Китая, Вьетнама, поражающих всех своим развитием на основе движения к социализму. Как будто падение в своем развитии нынешней России не объясняется тем, что она сошла с рельсов социализма и повернулась к Западу, хочет стать «другой» Европой, на пути к которой, т. е. к капитализму, она может превратиться только в колонию первой Европы. Автор без кого-нибудь доказательства утверждает, что именно путь России к «другой» Европе – это ее настоящий путь, который является позднеевропейским социальным развитием³⁰. На самом деле автор повторяет западный модернистский тезис о западном обществе как о первом мире, т. е. о современном мире, а об остальных – как о втором и третьем мирах.

В методологическом плане ракурсы интерпретации, тем более их совмещение на пути к «другой» Европе, не могли дать вразумительного результата. Его бессмысленность была заложена в модернистской методологии. Модернистское жонглирование терминами «до (традиционное, прошлое) – теперь (модерн, современное, западное) – после (постмодерн)» применительно к России ельциновского периода ничего внятного не дает. Ведь в этом случае традиционным прошлым, от которого надо убегать и переходить в современность, было бы самое высокое развитие, которого когда-либо достигала наша страна, а ее современностью – быть «другой» Европой в качестве колонии Европы. Ведь «после» – это не будущее, и не развитие. «После» может быть и гибелью.

На самом деле настоящая современность России, в отличие от сегодняшней «ложной» современности, – это социалистический тип ее развития в условиях коммунистической цивилизации. Эффективность этого пути уже доказана историей: как только она сошла с этого пути, она оказалась в тисках всеобщего кризиса.

Все согласны с тем, что история не имеет сослагательного наклонения. Это значит, что то, что прошло, прошло тем единственным путем, каким оно осуществилось. Отсюда и тезис о развитии общества как о естественноисторическом процессе, об объективной закономерности, объективной логике этого развития. Поэтому монистический взгляд на прошедшую историю – это единственный надежный подход. Г.В. Плеханов прекрасно и убедительно обосновал этот взгляд.

Что же касается настоящего и будущего, то относительно их можно и нужно говорить о разных, даже альтернативных путях развития, здесь уместен плюрализм, здесь «иное дано». Однако очень важно при познании настоящего и будущего определить тот закономерный путь, который оказывается единственным, как только настоящее и будущее становятся пройденными этапами исторического развития, уходят в прошлое, в историю.

Вариативность и плюрализм в этом случае опять переходит в монизм. Соответственно, монизм и плюрализм должны быть представлены как стороны противоречия. Когда они противопоставляются как две самостоятельные сущности и абсолютизируются, то, чтобы избежать дуализма, необходимо признать действительной одну из них: для прошлого это монизм и только монизм. Иначе надо отказываться от суждений об истории, не знающей сослагательного наклонения. Если же настоящее и будущее берутся в плане их историчности, то плюрализм и монизм выступают как взаимопологающие противоречивые стороны одной и той же сущности – общественного развития. Развитие в своих путях одновременно является и монистическим, и плюралистическим. В этом случае противоположности совмещаются, находятся в единстве, взаимопологают друг друга.

Когда читаешь модернистские бессмысленные «дискурсы», которые деконструируя логику противоречия, ничего не проясняют, невольно задаешься вопросом – откуда все это исходит, чем оно порождено?

Оказывается, что не только разумное, но и бессмысленное может стать действительным. Никакой необходимости в том, чтобы разрушать, например, СССР, экономику и культуру России или сжигать храм Зевса, не было. Но творить социальную действительность могут не только разумные люди и с помощью науки, но и люди с дурными намерениями и лишенные научного мышления. Действительность, в которой живет сегодня Россия, тоже продукт деятельности людей, но продукт неразумной, разрушительной деятельности. Сегодняшняя действительность не обладает достоинствами необходимости и разумности. Постмодерн как раз и есть, с одной стороны, отражение такого рода действительности, с другой – творение ложной действительности.

Корни модерна в конечном счете заключены в стоимостном бытии общества, в самоидентификации социального мира как товарного мира, в котором все вращается вокруг принципа стоимостной самождественности, не знающей развития. В теоретико-гносеологическом смысле это означает порочный круг, из которого нельзя выйти, не изменяя логике, не обращаясь ко всякого рода антинаучным трюкам. В социальном отношении – это защита вечности рыночного общества, олицетворяющего конец истории, особенно для России. С этой точки зрения она не имеет будущего, ее современность выпадает из истории: все, что есть, уже было.

Теперь очевидно, что Россия нынешняя, да еще при существующем политическом режиме, исчерпала возможности своего развития на капиталистической основе. Она живет не в модернистском, а в капиталистическом мире, теряющем свое историческое оправдание, свойства разумной действительности, а потому и признаков современного общества. Будущее России – не в ее положении «второй» или «другой» Европы, как этого хотят представители западного и отечественного модернизма, а в том, чтобы занять достойное место в процессе исторически закономерного перехода от мировой системы капитализма к мировой социалистической системе. Это и будет воплощением не постмодернистского или неомодернистского, а современного общества. Лишь на пути, на который Россия встала в начале XX века, т. е. на пути к социализму, она приобретет свойства разумности и, соответственно, действительности. Только на этом пути Россия в XXI веке может вновь оказаться на вершине мирового исторического развития.

Этого не хотят признать как западные теоретики, так и представители отечественного модернизма. П. Штомпка, например, считает, что достигнутое нашим обществом при социализме развитие «оказалось весьма далеким от истинной современности». Наше общество при социализме, по его мнению, представляло собой скорее «ложную современность», под которой он подразумевает «навязанную индустриализацию», «установление жесткого контроля» со стороны административного бюрократического аппарата и автократического государства и т. п. У нас вроде бы не могла быть «истинная современность», поскольку отсутствовали: частная собственность; индивидуализм; рациональная организация производства; свободный рынок; предпринимательская элита; плюралистическая демократия. «Каким-то образом эти общества, – пишет этот симпатизирующий Марксу польский социолог, – умудрились сконцентрировать в себе все худшие, кошмарные черты современности, не обретя при этом ни одной из лучших. Они оплачивают издержки, не получая прибыли. Столь

странное, если не сказать шизоидное, наследство все еще имеет место и, вероятно, сохранится в течение жизни целого поколения или даже нескольких поколений»³¹.

На самом деле шизоидным российское общество стало в последние 10–15 лет, когда оно приобрело «недостающие и упущенные» прелести капитализма: частную собственность; свободный рынок; индивидуализм; предпринимательскую (воровскую) «элисту»; невиданный по масштабам бюрократический чиновничий аппарат; огромные по численности карательные органы вместо разлагающейся армии.

Упадок и кризис российского общества является самоочевидным доказательством провала всех антисоциалистических, антикоммунистических концепций относительно будущего России. Этот упадок свидетельствует, что модернистские и постмодернистские модели для нее неприемлемы. Защищать их – значит не видеть пагубных последствий капиталистического выбора «современной» России. Сам капитализм, по свидетельству Дж. Сороса³², оказался в тупике и вряд ли он сможет поддержать, за исключением некоторых небольших стран, бывшие социалистические государства в их стремлении попасть в число развитых капиталистических стран, в компанию «золотого миллиарда».

Разорение России на пути к капитализму в прошлом и в настоящее время, а также стран третьего мира, разрыв в уровне жизни которых по сравнению с Западом достигает соотношения 1 к 60, одновременно доказывает неизбежность социалистического выбора.

В этой связи не следует соглашаться с некоторыми теоретиками из КПРФ, которые видят выход из создавшегося положения в возврате к тому же капитализму, но нэповскому, государственному. Они забывают, что в свое время из-за введения НЭПа партия коммунистов потеряла большую часть своих лучших членов, а те, кто остался в ней, не могли не быть причастными к тому, чем обернулась Россия нэповская в результате правления «коммунистов-нэпманов» типа М. Горбачева и Б. Ельцина. Она превратилась из России нэповской в Россию капиталистическую. Вряд ли народ воспримет капитализм в его нэповской форме, но со старыми мерзостями. Нынешние олигархи из бывших членов КПСС – это тоже прямые наследники нэпманов.

Современное состояние России в определенной мере аналогично ее положению в 1917 году до Октябрьской революции. Тогда, как и сегодня, Россия оказалась в состоянии катастрофы. Правящая верхушка, как в то время, так и ныне не предприняла никаких серьезных мер по преодолению кризиса, ибо их осуществление затронуло бы алчные интересы горстки капиталистов, посягнуло бы на их всевластие и безмерные прибыли.

Между тем, как писал В.И. Ленин в своей работе «Грозная катастрофа и как с ней бороться», эту катастрофу можно было не допустить, для этого надо было воспользоваться основным проверенным средством – организовать серьезный контроль, учет и надзор со стороны государства, заняться регулированием производства и распределением продуктов, сбережением народных сил, их экономией. К другим мерам он относил: национализацию банков и их объединение под государственным контролем; национализацию монополий, крупных синдикатов; отмену коммерческой тайны, создание потребительских обществ и других промышленных союзов и т. д.³³.

Их анализа кризисного состояния России В.И. Ленин сделал вывод о том, что нельзя спасти Россию и идти вперед, не идя к социализму. Он отвергал тогда и мы должны отвергать сегодня всякого рода суждения относительно того, что Россия не созрела для социализма. Образование крупнейших монополий и превращение России в страну государственно-монополистического капитализма является непосредственной предпосылкой перехода к социализму.

1. *Трансформации* в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 13.
2. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 135.
3. Dawkins R. Postmodernism Disrobed // Nature. Vol. 349. July 1988. P. 141–143. Рецензия на книгу Socal A., Bricmont I. Intellectual impostures. Profile: 1998. P. 274.
4. Кутырев В.А. Человек XXI века: уходящая натура... // Человек. 2001. № 1. С. 9–16.
5. Фуко М.П. Слова и вещи. М., 1994. С. 363.
6. Давыдов Ю.Н. Куда пришла Россия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 1(5). С. 100.
7. Давыдов Ю.Н. Куда пришла Россия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 4(8). С. 126.
8. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. М., 1986. С. 400.
9. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 318.
10. Там же. С. 323.
11. Dawkins R. Postmodernism Disrobed // Nature. Vol. 349. July 1988. P. 141–143.
12. Ibid. P. 141.
13. Фуко М.П. Слова и вещи. М., 1994. С. 363.
14. Иванов Д.В. Современные теории общественных изменений (Анализ логической структуры). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора социол. наук. СПб., 2001. С. 14.

15. *Иванов Д.В.* К пониманию современности: критический вызов // Проблемы теоретической социологии. Вып. 2 / Под. ред. проф. А.О. Бороноева. СПб., 1996. С. 110–111.
16. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 312.
17. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 275.
18. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 182-184.
19. Там же. С. 186.
20. Там же. С. 185.
21. Там же.
22. Там же. С. 181.
23. *Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г.* Модернизация: От равенства к свободе. СПб., 1995. С.3.
24. *Советская Россия.* 1999. 20 марта. С. 3.
25. *Качанов Ю.Л.* «Экономическая социология» в контексте политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 4. С. 43.
26. *Dawkins R.* Postmodernism disrobed. P.141.
27. *Козловски П.* Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистской философии. СПб., 1997. С. 91, 95.
28. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 90.
29. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 14.
30. Там же. С. 247, 253.
31. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 180.
32. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999.
33. *Ленин В.И.* Пол. собр. соч. Т. 34. С. 161.

§2 Медвежья услуга системно-структурного анализа: статика вместо развития

За один из самых современных методов анализа социальных процессов нередко выдается и поразительно легко принимается так называемый «системный подход» или, в более развернутом звучании, системно-структурный анализ. Так называемая «общая теория систем» выставляется как методологическая основа исследования социально-экономических процессов и управления этими процессами.

На самом же деле эта теория совершенно не пригодна для объяснения протекающих в обществе процессов. П. Штомпка вполне обоснованно полагает, что отрицание развития является порождением системной модели общества. «Весь концептуальный аппарат, – пишет он, – обычно используемый в анализе изменений, берется прежде всего из системной модели, даже если ученые и не осознают этого или не считают себя сторонниками системных и структурно-функциональных теорий. Лишь недавно системной модели был противопоставлен “альтернативный образ” общества, рассматриваемого с точки зрения процесса, или морфогенетического подхода, вследствие чего концепции, использовавшиеся в исследованиях социальных изменений, подвергались соответствующие модификации»¹.

Что касается требования систематичности, то оно является общепринятым неременным научным требованием. Не только сознательный сторонник диалектики с ее требованием рассматривать явление в целом, но и любой разумный человек будет выступать против бессистемности в науке уже потому, что наука — это система знаний, а не собрание сведений, кое-как приведенных в порядок. И поскольку речь идет о том, чтобы выступить против односторонней тенденции к метафизическому разрыву в науке тесно взаимосвязанных на практике социально-экономических процессов, о проведении принципа комплексности в исследовании социально-экономических процессов, постольку такие выступления можно только приветствовать. Важно, однако, чтобы все эти процессы рассматривались в органическом, а не в механическом единстве.

Для научного понимания общественной системы характерно не изображение ее в виде агрегата элементов, соединенных в некий механизм, а понимание ее как органической целостности. Теоретическое воспроизведение ее как целостной системы достигается не разложением на элементы и не соединением последних в некие структуры, а нахождением ее единой субстанциальной основы, ее сущности и форм проявления последней. Научный метод в применении к исследованию социально-экономических

процессов требует представить общество как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих структуру общества, данную общественную формацию.

Теоретическое изображение развития социально-экономической системы — это изображение ее движения от неразвитого целого к развитому целому, а не от части к целому. Что же касается оперирования категориями целого и частей применительно к исследованию развитых форм движения, то, как указывал Ф. Энгельс, «часть и целое — это такие категории, которые становятся недостаточными в органической природе. Выталкивание семени — зародыш — и родившееся животное нельзя рассматривать как “часть”, отделяющуюся от “целого”: это дало бы ложное толкование. Часть лишь у трупа»².

Если же части переименовать в элементы, а соединение частей выразить словом структура, то от этого, конечно, мертвенность и антидиалектичность этой схемы не исчезнут. Зададимся вопросом, сколько может быть разбиений системы на элементы? Очевидно, сколько угодно. Причем, какое разбиение ни возьми — расположение и связь их можно считать структурой. И к любым субъективным представлениям можно приспособить соответствующее разбиение системы на элементы с определенной структурой. Отсюда опасность проникновения в науку элементов субъективизма.

Известно, что даже из понятия производства, т. е. из понятия общей производственной системы, весьма мало содержательного можно извлечь о специфических отличительных особенностях конкретно-исторической системы производства. Тем более трудно ожидать чего-либо экономически содержательного от теории, провозглашающей своим предметом изучение общего у всех систем вообще, от системы социально-экономических процессов до самоката, включая решительно все, в том числе и «кучу песка или хлама»³, поскольку куча песка, камней или хлама тоже относится к разряду систем. Однако претензия на создание еще одной общенаучной теории наряду с философией, являющейся наукой «о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»⁴, заставляет ближе присмотреться к тому, что же представляет собой «общая теория систем».

История не существующей, но активно пропагандируемой «общей теории систем» насчитывает около восьмидесяти лет. Произведением, кладущим начало этому направлению, явилась «Всеобщая организационная наука (тектология)» (1913–1922) А.А. Богданова. По словам А.А. Тахтаджяна это была попытка «систематической

разработки общей теории структур и систем, общего учения об организационных типах и закономерностях»⁵. В 30-е годы с «Общей теорией систем» выступил австрийский биолог Л. фон Берталанфи. Несколько позже, в 50-е годы его идеи получили широкое распространение среди западных ученых, а в 1954 году в США было создано «Общество исследований в области общей теории систем». Развитие этих идей вместе с тем «быстро обнаружило, что понятие “общая теория систем” не имеет строго определенного смысла, и в этой связи в научный обиход вошли понятия “системный подход”, “системное исследование”, “системное движение”»⁶, а термин “общая теория систем” стал употребляться в двух смыслах: и как теория, «пытающаяся вывести из общего определения понятия “система”, как комплекса взаимодействующих компонентов, ряд понятий, характерных для организованных целых»⁷, и как понятие, объединяющее «работы, выполненные *под флагом* общей теории систем»⁸.

Чем же было вызвано стремление создать «общую теорию систем»? Прежде всего, было ли обусловлено возникновение «системного движения» объективными причинами? Да, конечно. Если развитие науки к середине XIX века дало возможность материализму стать диалектическим, то научные открытия конца XIX и первой половины XX века уже настоятельно требовали распространения диалектического материализма, никак не укладываясь в рамки метафизического мировоззрения. Но диалектический материализм, во-первых, требует для своего усвоения серьезного изучения, и «физической силы ума» в том числе и со стороны западных естествоиспытателей, а «вся обстановка, в которой живут эти люди, отталкивает их от Маркса и Энгельса»⁹, и, во-вторых, он слишком революционен, чтобы его мог принять в качестве мировоззрения и методологии буржуазный научный мир. «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹⁰. Но без мировоззрения и методологии науку развивать нельзя. Следовательно, нужен удобный и простой для «овладения» заменитель диалектического материализма. И этот заменитель создается. «Общая теория систем — это мировоззрение или методология, а не теория в том смысле, который придается этому термину в науке. Характерной особенностью этого мировоззрения, как следует из его названия, является то, что здесь подчеркиваются те аспекты предметов или событий, которые вытекают из общих свойств систем, а не из их конкретного содержания»¹¹.

Неприятие диалектического материализма, хоть и не сформулировано явно, предопределило роль «общей теории систем», ибо изживать механицизм без диалектики значит создавать новый, улучшенный, осовремененный, но все-таки — механицизм. Без марксовской диалектико-материалистической теории «мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»¹².

Надо отдать должное зарубежным представителям системного подхода, они признают его ограниченность. «Ограниченность этой теории и ее приложений в их настоящем виде совершенно очевидна. Однако, — утверждает Берталанфи, — ее принципы, как это показано на примере их применения в различных областях науки и техники, по-видимому, являются в своей основе вполне здравыми»¹³. Действительно, принципы системного подхода можно назвать принципами здравого смысла, т. е. рассудка, не достигающего высот теоретического мышления. Но поскольку почти в каждой специальной науке есть задачи, которые можно решить, оставаясь в рамках формальной логики, постольку «системный подход» находит себе применение, и успехи его, по существу, являются успехами специальных естественнонаучных дисциплин, выступающих от имени или под флагом общей теории систем, таких как системотехника, исследование операций, некоторые разделы математики и т. д. Положительной стороной деятельности зарубежных создателей в общем-то неудавшейся «общей теории систем» нельзя не назвать предъявление ими большого количества достойных внимания примеров существования общего в различных объектах.

Как отмечают И.В. Блауберг, В.Н. Садовский и Б.Г. Юдин, «в советской философской литературе круг методологических вопросов, связанных с системными исследованиями, общей теорией систем и т. п. стал обсуждаться с конца 50-х годов»¹⁴. Ряд философов увлекся идеями зарубежных системологов, перенял их терминологию. Слова «системный подход», «системный анализ», «общая теория систем» запестрели на страницах некоторых изданий, появилась весьма обширная «системная» литература. Характерной чертой почти всех работ в этом направлении является то, что каждый автор после краткого обзора других мнений дает свое определение системы, свое изложение сути системного подхода и его взаимоотношений с диалектикой, свои предположения о перспективах развития общей теории систем, при этом обычно подразумевается, что возможны иные точки зрения. Так в настоящее время имеют права гражданства около сорока определений системы, 34 из которых анализирует в своей книге А.И. Уемов¹⁵. По-разному трактуется и сущность системного подхода. Амплитуда мнений здесь такова: от провозглашения системного подхода гранью диалектики, конкретизацией диалектико-материалистического учения о всеобщей взаимосвязи и развитии явлений и процессов

действительности¹⁶ до низведения диалектического метода до уровня средства, подчиненного системному подходу¹⁷. При этом настораживает, что отечественные системологи, критикуя отдельные моменты (игнорирование материализма, попытка заменить общей теорией систем философию, введение так называемых «трансцендентальных систем») зарубежного «системного движения», не отделяют себя от него, не подвергают сомнению правомерность самой идеи создания «общей теории систем», не отвергают возможность объединения всех и вся под знаменем «системности», хотя многие подтверждают или считают само собой разумеющейся свою приверженность диалектике.

Чтобы понять, что представляет собой отечественная «общая теория систем», необходимо хотя бы кратко ознакомиться с основными интерпретациями системного подхода, особой формой проявления которого и является, по мнению одного из пишущих в этой области¹⁸, данная теория.

Вот как представлена суть системного подхода у В.С. Тьютина. Анализ познаваемого объекта как системы включает два уровня, два этапа исследования. Первый этап состоит из определения разновидности систем, к которой принадлежит объект, определения системообразующих компонентов системы, определения системообразующих свойств, связей, отношений, фиксирования входов и выходов системы, установления максимальных и минимальных значений переменных системы, определения структур, т. е. законов композиции, характеризующих функционирование и развитие системы. «Второй этап, представляющий собою более абстрактный уровень анализа, может быть назван структурным микроанализом, так как его специфической задачей является объяснение и выведение интегральных свойств системы из свойств компонентов, организованных в систему»¹⁹. В противоположность В.С. Тьютину И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин считают, что «с точки зрения системного подхода специфика сложного объекта не исчерпывается особенностями составляющих его элементов, а коренится прежде всего в характере связей и отношений между ними»²⁰. По-другому выражал суть системного подхода С.Н. Смирнов: «изучать объект как систему — значит, изучать его взаимодействие с окружающей средой», «система всегда изучается как элемент другой системы, охватывающей данную в качестве своего элемента, и такое ее изучение направлено на познание особенностей ее поведения как результата взаимодействия ее собственных элементов»²¹.

Каждый из приведенных «подходов», очевидно, статичен и односторонен, следовательно, метафизичен, поскольку в своей статичности и односторонности предлагается в качестве средства адекватного отражения действительности. Как

правильно пишет Н.Т. Абрамова, «частный метод исследования, будучи правильным при решении отдельных исследовательских задач, становится неверным, если подвергается методологической канонизации»²². А что если все (в том числе и не приведенные здесь) отдельные «подходы» собрать вместе и их совокупность объявить «системным подходом»? Получится набор верных рекомендаций относительно того, как изучать системные объекты, весьма полезный для ученого, не владеющего теорией развития. Но этот набор не дает метода, для понимания процессов развития системы. Прежде всего потому, что совершенно исключает из рассмотрения противоречия. Как писал Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «...системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия»²³. И пусть таким образом полученный «системный подход» гораздо лучше приспособлен к нуждам некоторых специальных наук, чем механицизм XVIII–XIX веков, все же довольствоваться этим метафизическим суррогатом науки в целом не может.

Системологи не отрицают диалектику прямо, но, тем не менее, именно ядро диалектики — учение о противоречиях — они не берут, они его полностью игнорируют. Преувеличенное внимание к системному подходу есть показатель умаления значения диалектического метода, а это не так безобидно, ибо далеко не все ученые им вполне овладели. «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его I главы, — писал В.И. Ленин, — не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя!!»²⁴. Но, может быть, поскольку овладение диалектическим методом дело непростое, между диалектическим методом и специальными научными методами нужна какая-то общенаучная методологическая прослойка? Существует мнение, что системный подход должен выполнить роль одного из проводников плодотворного воздействия философии на специально-научное знание.

Что касается этой роли «общей теории систем», то она была бы возможной, если бы все в мире объективно обладало (а не наделялось искусственно) некоторыми особыми «системными» свойствами, подчинялось бы каким-то особым «системным» закономерностям. При обывательском, поверхностном взгляде на вещи может показаться, что так оно и есть. Как известно, все явления находятся во всеобщей связи, кроме того, утверждение о том, что любой объект — система, в том смысле, что состоит из взаимосвязанных элементов, верно и содержательно, но заимствовано из философской диалектики. Можно привести еще ряд положений, верных, всеобщих, содержательных, использующих слово система, но являющихся не более чем переформулировкой, причем чаще всего неудачной, соответствующих философских положений. Никто еще не обнаружил ничего такого, что было бы присуще всему, но не охватывалось философской

диалектикой. И это не случайно: «логическое лишь тогда получает свою истинную оценку, когда оно является итогом опыта наук; оно представляется тогда духу общей истиной, стоящей не наряду с прочими предметами и реальностями как отдельное знание, но как существенное содержание всех иных званий» (слова Гегеля, выписанные В.И. Лениным с пометкой NB)²⁷. Для выработки этого существенного содержания всех иных знаний — философской диалектики — человечеству понадобилось более двух тысячелетий.

В соответствии с диалектическим способом мышления и пониманием «всего природного, исторического и интеллектуального мира как мира бесконечно движущегося, изменяющегося, находящегося в постоянном процессе возникновения и исчезновения» перед философией и перед каждой конкретной наукой стоит задача не мертвенного, статичного изображения того или иного момента развития или, тем более, той или иной стороны этого развития, а задача раскрыть «законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области»²⁸. Если же рассматривать не просто движение, а развитие как движение от простого к сложному, от низшего к высшему, то надо раскрыть противоречия этого развития и рассматривать процесс развития как процесс разрешения противоречий.

Нередко развитие сводится к простому изменению, понимается лишь как уменьшение и увеличение, лишь как переход в нечто другое, и в этом видится осовременивание, трактуемое как модернизм или постмодернизм. До известной степени такой взгляд на развитие возможен, поскольку количественные изменения и качественные переходы во всяком действительном развитии безусловно присутствуют и составляют его важную сторону, отражаемую законом перехода количественных изменений в качественные. Однако взять одну лишь эту сторону при определении развития было бы ошибкой, связанной с непониманием именно диалектической природы процесса развития. В.И. Ленин следующим образом разъяснял то, что никак не могут понять и усвоить сторонники теории изменений и системно-структурного анализа: «Развитие есть “борьба” противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени *само* движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект, etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника* “само” движения. Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая

дает ключ к “самодвижению” всего сущего, только она дает ключ к “скачкам”, к “перерыву постепенности”, к “превращению в противоположность”, к уничтожению старого и возникновению нового»²⁹.

И именно диалектика выдвигает требование системности в применении к науке как системе знаний, но это не системность мертвой статики, элементов некой структуры, а системность движущихся противоречий развития. В соответствии с диалектическим подходом к действительности недостаточно изучать отдельные противоречия, а необходимо брать их в системе, но не как элементы и структуру, а в содержательном развертывании одного из другого так, чтобы первое (исходное) противоречие лежало бы в основе всех остальных и результат выступал бы как развернутое начало. «Познание движется от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все *богаче* и *конкретнее*. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому... на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет в себе все приобретенное, и обогащается, и уплотняется внутри себя»³⁰.

Следуя диалектико-материалистическому методу исследования общества, мы уходим от мертвечины системно-структурного анализа, исключая изучение и даже простое рассмотрение источника движения и самодвижения общественных систем — противоречие их развития, и возвышаемся до научного понимания системы как системы противоречий развития данной общественно-экономической формации, будь это система противоречий капиталистического способа производства, рассмотренная К. Марксом в «Капитале» или система противоречий движения коммунистической общественно-экономической формации³¹.

Системно-структурный анализ, ставший дурной модой в социальных исследованиях и подменяющий метод изучения развития статическим изображением целого и его частей в виде элементов и структуры оказывает тем, кто к нему прибегает, медвежью услугу, закрывая путь к истинному познанию социального развития.

1 Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 20.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 528.

3. Холл А.Д., Фейджин Р.Е. Определение понятия системы // Исследования по общей теории систем. М., 1969. С. 263.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20, С. 145.
5. Тахтаджян А.А. Тектология: История и проблемы // Системные исследования. 1971. М., 1972, С. 205.
6. Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем // Исследования по общей теории систем. М., 1969. С. 4.
7. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969, С. 29.
8. Акоф Р. Общая теория систем и исследование систем как противоположные концепции науки о системах // Общая теория систем. М., 1966. С. 79.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 279.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.
11. Рапопорт А. Математические аспекты абстрактного анализа систем // Исследования по общей теории систем. М., 1969. С. 83.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 18. С. 146.
13. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор. С. 73.
14. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Б.Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39.
15. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М., 1973. С.103–118.
16. Плесский Б.В. К определению предмета общей теории систем // Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1972.
17. Кочергин А.Н., Уемов А.И. Методология, теория и практика системных исследований // Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1972.
18. См. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978, С. 4.
19. Тюхтин В.С. О подходах к построению общей теории систем // Системный анализ и научное знание. М., 1978. С. 42–43.
20. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 167.
21. Смирнов С.Н. Элементы философского содержания понятия «система» как ступени развития познания и общественной практики // Системный анализ и научное знание. М., 1978. С. 64.
22. Абрамова Н.Т. Системный характер научного знания и методы исследования целостности объектов // Системный анализ и научное знание. С.152.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, С. 377.

24. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.
25. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Б.Г. Философский принцип системности и системный подход. С. 39.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 29–31.
27. Там же. Т. 29. С. 90–91.
28. Энгельс Ф. набросок «Введения» к «Анти-Дюрингу» // Коммунист. 1985. № 18. С. 6.
29. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.
30. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики. М., 1972. Т.3. С. 306.
31. См. Попов М.В. Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма. Л., 1986.

§ 3. Неотвратимая поступь формационного развития общества

Модернизму и структурно-системному подходу противостоит историзм как универсальное свойство общественной реальности. Чтобы научно обосновать, куда движется общество, необходимо исходить из позиций теории развития, из того, какие ступени человеческое общество прошло, проходит и будет проходить. Ответы на эти вопросы может дать, прежде всего, теория развития общества как естественноисторического процесса. Отличительной особенностью этой теории стал взгляд на общество с точки зрения развития производственных отношений, с точки зрения представлений об основополагающей роли трудовых отношений и общественного положения людей труда для прогресса человечества.

В первую очередь эта теория дает понимание общества как смены общественно-экономических формаций. Исходным свойством развития является изменчивость, и чтобы представить что-нибудь хоть минимально изменяющимся надо выделить в нем различия, отдельные стороны, сохранив при этом понимание общего им основания. То есть развитие предполагает единство на базе различия, когда можно зафиксировать изменение или переход одного качества в другое. Но развитие – это не только изменчивость. Развитие – это единство сохранения и изменения, поэтому исходный момент развития – различие. Если различие абсолютно и нет общего основания, то два объекта друг с другом не связаны переходом одного в другой. Если единство абсолютно, то нет качественного различия объектов, а значит, и нет изменчивости. Определение развития требует найти все опосредующие звенья между противоположностями благодаря соотношению единства и различия. Единство истории, т. е. всех явлений и процессов общественной жизни, заключается в ее материальности, где первым звеном выступает определение общественно-экономической формации. Это значит, что при исследовании любого социального процесса логика приводит к конечному понятию общественно-экономической формации. Материализм указывает не только на генезис формаций, но и на их связь, а также подразумевает идеи социальной революции и исторического прогресса. Материализм не только выделяет важное в общественных процессах, указывая на трудовую деятельность общества, но и показывает, что эта деятельность служит основой связи всех остальных общественных процессов и проявлений человеческой жизнедеятельности вообще.

Попытки избавиться от теории смены общественно-экономических формаций часто искажают принцип материализма, сводя их к отношениям собственности, не

имеющих якобы отношения к производству. Поэтому известный американский социолог Д. Белл¹ берется утверждать, что формационная концепция игнорирует процессы производства. Сам же он подменяет процессы производства их технологическими аспектами, не касаясь действительных социально-экономических связей, т. е., например, отношений наемных работников и собственников средств производства, избегая видеть сущность современной истории в борьбе классов. Д. Белл видит в истории смену трех технологических эпох: доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной. В данном случае видна типичная фальсификация материалистического принципа первичности производственных отношений в обществе. Основопологающим рассматривается не определенный вид общественных отношений, а технологические способы процесса производства. Получается, что история определяется технологиями, привносимыми в общество какими-то случайными открытиями и изобретениями. В таком случае прогресс зависит не от всех трудящихся, а только от изобретателей и новаторов. Отношения в производстве здесь интересны только как отношения к объектам труда, лишены классового содержания.

Руководство принципом материализма в теории общественно-экономических формаций дает возможность рассматривать историю человечества как историю трудящегося человечества, как историю нескончаемого совершенствования производства. Само по себе выделение исторических эпох означает признание различных в качестве, времени и пространстве общественных отношений. Это признание существования отрезков времени с отличающимся восприятием и переживанием своего отрезка, каждый с присущими только ему процессами, событиями и явлениями, с отличающим его законом воздействия на человеческую волю, со своим критерием исчисления времени и событий. Поэтому появление теории общественно-экономических формаций в XIX веке объясняется не только началом сознательной организованной революционной борьбы эксплуатируемых трудящихся по изменению существующих общественных отношений, но и новым пониманием истории.

В середине XIX века К. Маркс разработал новые принципы общественного развития, на базе которых и была сформулирована теория общественно-экономических формаций. Она стала научным инструментом как преодоления абстрактной внеисторичности, так и выделения качественных ступеней развития. С помощью теории общественно-экономических формаций был найден способ определения важного и неважного в исторических событиях. Этот способ заключается в материализме как выделении производственных отношений из всей совокупности многообразных общественных отношений во все времена и у всех человеческих сообществ. Именно

материализм позволяет понять единство исторических судеб всех групп и человеческих сообществ. Это единство состоит во всеобщем и непрерывном процессе трудовой деятельности, благодаря которой только и существует человек, и как человек разумный и как живое существо вообще.

Формационный подход является распространением на историю идеи трудовой природы человечности и человечества. Поэтому все наиболее важное в истории человечества связывается с совершенствованием и развитием его производственных возможностей, и фиксируется в необратимых этапах прогресса способов производства. Для К. Маркса создание теории общественно-экономической формации было связано помимо собственно новаторской научной разработки с сознательным переходом на позиции рабочего класса. Это позволило выявить историческую миссию трудящихся на каждом из этапов общественного прогресса и обосновать стратегию и тактику революционной борьбы пролетариата в условиях XIX века.

Концепция общественно-экономических формаций смогла стать научной теорией, а не просто литературной фантазией или даже социологической гипотезой, благодаря созданию теории прибавочной стоимости. С этого момента изучение внутренней взаимосвязи моментов экономической структуры (производство, распределение, обмен, потребление) становится систематическим, а соотношение производительных сил и производственных отношений конкретизируется. Для каждой формации эти моменты не только принимают специфическую форму, но и характер их взаимосвязи меняется, накладывая отпечаток на роль того или иного момента в рамках той или иной формации. Специфика каждого способа производства выявляется в общественных условиях производства и распределения прибавочного продукта, лишь при капитализме принимающего форму прибавочной стоимости.

В основе каждой формации лежит способ производства. Он образует те основные общественные связи, которые делают общество целым организмом. Это способ, посредством которого производительные силы общества доставляются трудящимся и организуются для приведения ими в действие. Но на основе этого способа организации производителей все другие частные связи и отношения данного общества принимают специфический вид. Кроме того, сам определенный способ производства может иметь различные стадии своего развития, что важно осознавать при постановке задач преобразования общества. С этой точки зрения всякая общественно-экономическая формация должна отражать социальную структуру, т. е. характеристику людей, носителей общественных отношений.

Сама по себе каждая общественно-экономическая формация является исторически определенным типом общества с господствующим способом производства и соответствующим экономическим базисом, идеологической надстройкой и социальной структурой. Благодаря этому формация позволяет отличать общественные отношения по степени их влияния на всю систему и по роли в развитии этой системы. Совокупность производственных отношений на базе способа производства, или экономической структуры общества отличает одну формацию от другой. Но все остальные, менее важные общественные отношения не являются чем-то совершенно независимым от производственных отношений. Каждый способ производства обладает своим способом общения. То есть любые политические, идеологические или семейные отношения принимают такую форму, которая соответствует отношениям в производстве. Кроме того, каждый новый способ производства создает более высокую производительность, формирующую новые условия существования сообщества. Это значит, что совершенствование способов общения между людьми возможно лишь благодаря необратимому процессу развития производства. А переход от одного способа производства к другому, и от одной общественно-экономической формации к другой состоит в революционном перевороте трудовых отношений. В теории общественно-экономических формаций развитие общества в основном определяется общественным разделением труда и соответствующей дифференциацией общественных интересов. Здесь исследуется не только способ воспроизводства определенных производственных отношений, не только способ взаимодействия факторов производства и общественных групп, стоящих за этими факторами, но и характер выражения этих отношений в сознании людей.

Единство человеческой истории заключается в неразрывности исторических эпох, в неделимости человечества, во взаимозависимости всех проявлений жизни людей. Появление формационного подхода предопределено правильной постановкой и решением вопроса о единстве и многообразии истории. Основой этого служит единство и многообразие природы, и биологическое единство и многообразие человечества. Единство происхождения доказывается возможностью естественного смешения любых рас и этнических групп. При этом речь идет не только о биологическом, но и культурном смешении, о возможности не только производить общее потомство, но и воспроизводить единые производственные связи. Единство не исключает многообразие, а наоборот предполагает его, поскольку едиными могут быть только различные в чем-то вещи. Если они едины во всем, то это не единство, а тождество. Формационное единство охватывает все человечество, но многообразие человечества указывает на особенности исторического

развития отдельных сообществ, специфические тенденции движения отдельных формаций. Некоторые сообщества существуют в истории только как первобытные, а некоторые только как капиталистические, и т. п. В них нет внутреннего перехода из одной формы в другую. Для них смена форм связана с разрушением самих сообществ как таковых. Здесь единство и связь сообществ состоит во всеобщей формационной характеристике их как составляющих человечества в целом. Причем единство состоит еще и в том, что историческая связь формаций не может быть обратной, т. е. за рабовладением не может идти первобытное общество. В этом проявляется закономерность общественного прогресса.

Часто возникает вопрос, в чем же причина многообразия и направлений прогресса общественно-экономических формаций? Многообразие общественно-экономических формаций и человеческой истории в целом состоит в первую очередь во влиянии той среды, которая создает определенный способ производства. Эта среда определяется природой в широком смысле слова, т. е. геологической, растительной, животной, человеческой и другими формами природы взятыми вместе. Разная роль тех или иных факторов на определенных этапах истории может привести к тому, что роль человеческого сознания в определении характера развития может быть разной для разных сообществ даже при одной и той же стадии развития каждой. Например, отдельные ступени и виды общественно-экономической формации некоторые народы и сообщества могут миновать как стихийно, так и сознательно. Здесь большую роль играют окружающие их сообщества, т. е. воздействие со стороны. Такое воздействие может исходить как от более развитых сообществ, так и от менее развитых сообществ. Поэтому неравномерность рассматривается характеристикой неполного единства человечества, свойством человечества вынужденного существовать в виде частично разрозненных групп и сообществ. Именно в силу такого положения представления о движении некоторых сообществ возможны только как осознание сугубо внешнего воздействия, а не как результата внутреннего развития.

На фоне общего многообразия и неравномерности есть сообщества, последовательно прошедшие все стадии формаций, которые на этом основании принято называть классическими. К ним относятся Китай, Индия, Иран, Передняя Азия. Именно эти сообщества на протяжении нескольких тысячелетий являются основой мировой цивилизации и залогом необратимости формационных изменений в масштабах всего человечества. Тем более, что до последнего времени они составляли подавляющую массу населения земли и как производили, так и потребляли большую часть экономических благ. С другой стороны, особенностью развития способов производства является то, что

некоторые сообщества могут ассоциироваться исключительно с одной из форм. Так, например, бывает в случаях длительной изоляции одного строя (Китайский феодализм), или же в случаях целенаправленного построения чистых формаций, т. е. консервации строя (феодалное Иерусалимское королевство, капиталистические Соединенные Штаты Америки).

История цивилизованных народов не знает «чистых» формаций, т. е. такие общественные системы, которые содержали бы лишь один единственный способ производства без элементов других способов производства или хозяйственных укладов. Просто в совокупности способов производства один из них в какой-то момент выступает господствующим, превращая остальные в подчиненные ему и его законам уклады. В разных сообществах одна и та же формация протекает по-разному, в зависимости от исторической эпохи, природных условий, культурных и социальных факторов, и специфически реализует один и тот же способ производства. Точно так же как каждый отдельный человек по-своему проходит стадии детства, юности, или старости. Но соотношение способов производства – не игра случая и не результат чьего-то индивидуального решения. Борьба между укладами и стадиями реализуется через классовую борьбу, а значит, переход от одной формации к другой осуществляется революционным путем, через социальную революцию. Это движение и есть содержание прогресса.

Единство формационных стадий целиком соответствует лишь истории всего человеческого сообщества. Судьба его частных форм может нарушать общую логику, что объясняется не обратимостью истории, а внешними деструктивными воздействиями, которые, как правило, осуществляются в виде вооруженной агрессии конкурирующих государств. Но такие явления и тенденции дают почву некоторым социологам, особенно из стран третьего мира, полагать, что формационная теория проникнута европоцентризмом и может быть применима только к группе европейских народов.

Обязательный момент перехода общества из одного качества в другое – преемственность, наследственность. Но этот переход характеризуется также еще и противоположностью. Так, например, империализм, сменив капитализм, стал отрицанием свободной конкуренции через монополию, но сохранил капитализм, оставив способ эксплуатации труда. Такие переходы и перемены там и тут встречаются в истории человечества. Односторонний взгляд всегда подчиняет прошлые формы более поздним формам. Но формационная теория стремится преодолеть такую односторонность. Согласно этой теории, все общественные формы в равной степени относительно самостоятельны. То есть в каждой форме есть как то, что сближает ее с другими формами,

так и то, что делает ее независимой. Их соотношение обеспечивает прерывность и непрерывность прогресса. Поэтому, можно сказать, что настоящее, прошлое и будущее реальны, но они реальны в разной степени. Реальность общественных форм состоит в полноте их функционирования в составе целого сообщества. Поэтому направленность к высшим формам развития объясняется функционированием в целом.

Формации имеют не только внешнюю последовательность связи, но и внутреннее единство. Каждую общественно-экономическую формацию характеризуют особенные законы развития и функционирования. Каждая формация имеет социальные такие общественные группы или классы, которые соответствуют ее социально-экономической структуре. Эта структура проистекает из присущего формации способа производства, и из соотношения трудящихся групп населения с остальными группами. В цивилизованном обществе такие взаимоотношения сводятся к постоянной борьбе классов. Поэтому именно классовая борьба рассматривается главной движущей силой формационного развития классово-антагонистических сообществ. Но важна не сама по себе борьба, а борьба трудящейся части населения против своих эксплуататоров. Но в этой борьбе огромное значение имеет степень сознательности трудящихся масс. Поэтому формационный подход предполагает наличие партийности, т. е. точки зрения угнетаемого и эксплуатируемого класса, конечной целью имеющего коммунизм. На этом основании можно справедливо назвать формационный подход инструментом освободительной борьбы трудящихся в сфере идеологии.

При рассмотрении развития общества важно иметь в виду то, что исторический процесс содержит субъективные и объективные моменты. Сама целостность общества определяется отношением субъективного и объективного, их новым качеством. Объективные моменты обеспечивают совершенствование условий выбора. Но всегда люди задаются вопросом, какова роль человеческой воли в прогрессе? Итальянский мыслитель эпохи Возрождения, Николо Макиавелли полагал, что от человека зависит пятьдесят процентов, но по возможности он должен отвоевать у судьбы побольше от ее половины². Теория исторического материализма, лежащая в основе теории общественно-экономических формаций, утверждает, что людям надо действовать на основе познания необходимости. Это познание дает людям возможности приближать высшие формы действительности и изживать низшие, делая это целенаправленно, подчиняя, таким образом, движение своей воле и своим возможностям, т. е., делая из идеалов действительность.

Итак, крупнейшим качественным отличием исторических эпох и основой формационных различий является характер структуры производства. Структура,

обусловленная общественным разделением труда, предполагает наличие классов, эксплуатации и общественного принуждения к труду. Средством организации общественного принуждения к труду служит государство. Поэтому эксплуатация в сфере производства всегда требует поддержки особого аппарата, получившего название государства. Каждому этапу развития общественного разделения труда соответствуют свои формы государства, а также особые способы принуждения и эксплуатации. История классовой структуры общества знает три общественно-экономические формации: рабовладение, крепостничество, капитализм. Структура же, независимая от общественного разделения труда, свойственна формациям называемым первобытнообщинной и коммунистической. Им не ведомы классы, эксплуатация и общественное принуждение к труду. Здесь исключена частная собственность и господствует коллективный труд. Первобытное общество сохраняет естественное, или природное принуждение, а коммунистическое – сознательное, или моральное принуждение. В то время как первобытное состояние проходит две стадии (дикость и варварство), с системой общественного разделения труда, порождающего товаризацию производства, начинается цивилизация. Цивилизация осуществляется разными формациями и имеет свои уникальные пути у разных сообществ, но всегда она осуществляется с помощью государства и эксплуатации трудящихся. Однако возможность коммунизма сохраняет перспективу человеческого сообщества без неравенства и эксплуатации. Современная эпоха содержит лишь самые ранние формы сознательного движения в сторону коммунистической общественно-экономической формации. Это движение человечество может осуществлять с полным пониманием собственных целей и средств, когда оно вооружено передовой теорией общественно-экономических формаций.

Руководствуясь теорией общественно-экономических формаций, рабочий класс России впервые в истории человечества создал пролетарское государство, где интересы трудящихся стали господствовать над интересами других классов и слоев населения. Это государство просуществовало почти три четверти века и обеспечивало социалистические преобразования и различные социальные завоевания трудящихся во всем мире. Это государство своей экономической и военной мощью могло конкурировать с ведущими капиталистическими государствами, а значит, держать в страхе буржуазию даже там, где ее власть была надежно защищена политической властью. Более того, теория общественно-экономических формаций служила теоретическим основанием для организации революционной борьбы трудящихся в течение всего двадцатого столетия. Однако буржуазная контрреволюция, победившая в начале 1990-х годов в СССР, быстро поставила задачи ревизии, фальсификации и списания теории общественно-

экономических формаций. Естественно, что эти задачи решались с помощью уже имевшихся критических наработок в рамках буржуазной социологии.

Обычно буржуазные выпады против теории общественно-экономических формаций начинаются со стремления избавиться от марксизма вообще во всех его проявлениях. Один из лидеров ревизии марксизма в России, В.Л. Иноземцев стремится, как говорят многие современные социологи, преодолеть теорию общественно-экономических формаций, спекулируя на подобной обывательской и мещанской тяге к отказу от марксизма. На этой почве появляется ложное понимание термина «преодоление». В нем видится только разрушение, в то время как диалектическое преодоление есть совершенствование, возвышение теории общественно-экономических формаций на новый уровень. Поэтому если правильно использовать термин «преодоление», то надо иметь в виду, что совершенствование теории общественно-экономических формаций возможно только с марксизмом, с его полным усвоением.

Часто стремятся исказить цельность определения общественно-экономических формаций как проведения принципа материализма в истории общества. Этим искажением перечеркивается то принципиально важное обстоятельство, что все человеческие сообщества являются едиными социальными организмами на основе производственных отношений. В действительности форм, которые принимает сообщество, много, но вот только их целостность, возможная благодаря общественному производству, определяется как особая форма, как формация, как общественно-экономическая формация. Все попытки придать материалистическому принципу формационной теории иной смысл противоречат марксистским философским позициям. Они лишь свидетельствуют о желании ограничить применение теории исторического материализма и провозгласить ее несостоятельность в исследовании современного общества. Так, например, тот же В.Л. Иноземцев пытается убедить в ошибочности использования термина общественно-экономическая формация, принятого в советском марксизме³. Так, с помощью своих вульгарных изысканий он хочет указать на заблуждения советской науки, основанные якобы на неверных переводах трудов К. Маркса. Эти самым он старается перечеркнуть все позитивные достижения сделанные в этой области отечественными учеными, начиная с В.Л. Ленина, и подчинить формационный подход буржуазному мышлению. С точки зрения В.Л. Иноземцева формации рассматриваются по своей внутренней природе как общественные, и только одна из общественных формаций является экономической, в то время как другие экономическими не являются. Поэтому только для одной формации можно говорить о применении идеи фундаментальной роли экономики, и только этой формацией ограничивается применение законов исторического материализма. В итоге

В.Л. Иноземцев приходит к заключению, что все исторические эпохи эксплуататорских способов производства и классовых обществ объединяются в так называемой «экономической общественной формации» и переплетаются в ней как частные моменты. В итоге и рабовладение, и крепостничество, и капитализм теряют характер формации и становятся узкими явлениями в сфере производственных отношений.

В.Л. Иноземцев сначала видит у К. Маркса только три общественных формации: первичную или архаическую формацию, вторичную или экономическую формацию, и третичную или коммунистическую формацию. В итоге экономическая природа отрывается от общественной природы и противопоставляется ей. В.Л. Иноземцев демонстрирует непонимание связи экономических и социальных процессов, а значит и роли экономики в обществе. Поэтому он высказывает мнение об ошибочности трактовки «экономическую общественную формацию» как совокупность экономических отношений общества. Фактически он спорит против использования этого определения к созданным им конструкциям, которые заранее предполагают другое определение. Основным отличительным признаком каждой общественной формации В.Л. Иноземцев называет степень наличия эксплуатации, частной собственности и классовых отношений. Причем это явно противоречит его утверждениям о технологических характеристиках формационных отличий как исходных. Экономический характер формации он связывает напрямую с наличием эксплуатации. То есть экономика для него неотделима от эксплуатации. Такой вывод является типичным для многих буржуазных апологетов, которые считают невозможным избежать эксплуатации без таких технологий, которые позволили бы всему человечеству не работать, а руководить деятельностью машин и автоматов.

Начиная с триады общественно-экономических формаций, в дальнейшем В.Л. Иноземцев признает множество более частных случаев формаций. Тем самым он распространяет применимость термина «общественно-экономическая формация» для характеристики стадий как «экономической общественной формации» в смысле эксплуататорских формаций взятых вместе, а также двух других формаций (первобытнообщинной и коммунистической). Тем, что В.Л. Иноземцев допускает градацию формаций через расчленение больших формаций на маленькие, он лишает сам термин его научной строгости. Эти «маленькие» формации он различает уже по способу господства капитала (ростовщический, торговый, производительный). Основная задача таких фальсификаций состоит в отказе от ленинской разработки формационной теории, ставящей развитие формаций в один ряд, что позволяет сохранять единство материалистического подхода применительно ко всем стадиям человеческой истории.

Важно так же осознавать, что присущая В.Л. Иноземцеву склонность к выделению двойного смысла в понятии общественно-экономической формации свидетельствует о способе фальсификации им марксизма. Действенным инструментом такой фальсификации становится терминологический и текстологический анализ, превращающий марксистские определения в формальные словосочетания.

Для фальсификаторов марксизма свойственно также переносить законы отдельных общественно-экономических формаций на все их виды. Поводом к такому действию часто служит концентрация внимания К. Маркса на закономерностях капиталистической формации, и его центральном моменте – процессе создания прибавочной стоимости. На основании этого некоторые пытаются искать прибавочную стоимость во всех формациях, и видеть в этом единственно возможный способ эксплуатации. Это опять же свидетельствует о неисторичности буржуазной точки зрения, которая идеализирует капиталистические порядки, делая их неотъемлемыми атрибутами всякой экономической системы. Это должно наводить на мысль о смирении с существующим положением и указывать единственно возможный путь преодоления эксплуатации через повышение производительности и совершенствование технологических аспектов производства. А эти две цели как раз таки совпадают с интересами класса капиталистов. Более того, такая установка уводит рабочих от идеи классовой борьбы.

Одним из важнейших элементов ревизии марксистской теории общественно-экономических формаций служит стремление противопоставить труд творчеству. Так осуществляется попытка связать воедино общественное производство вообще, эксплуатацию, труд как несуществующие друг без друга звенья. Однако склонные к подобным рассуждениям теоретики, в частности В.Л. Иноземцев, забывают, что труд создал человека, что труд и человек тождественны, что исчезновение труда или «преобразование» его в творчество есть исчезновение человека, это исчезновение условий, создавших человека и воспроизводящих его как человека.

Чтобы сделать представление об общественной роли труда ограниченным, В.Л. Иноземцев пытается положить в основу периодизации истории не общественные отношения в процессе производства (классовую структуру), а технологию производства. В результате он вслед за американцем Д. Беллом рассматривает не отношения между людьми в производстве, а отношения людей к объектам производства. А в таком виде историю начинают определять характер ресурсов, характер технических средств, характер производительных операций⁴. В то же время сами производственные отношения между людьми рассматриваются исключительно со стороны обмена информацией, а отношения господства–подчинения и отношения культурных и ценностных различий исчезают.

Подобно Д. Беллу и В.Л. Иноземцеву многие современные буржуазные теоретики полагают, что формационная теория построена на технологическом детерминизме. Такие утверждение игнорируют социальную природу производственных отношений и ставят чередование способов производства от совершенствования главным образом средств производства. Из этого делаются ошибочные и вредоносные для революционного движения трудящихся выводы относительно автоматического прогресса, осуществляющегося вне классовой борьбы и вне сознательного целенаправленного стремления эксплуатируемых рабочих к реализации своих интересов. А технологическое развитие в рамках классового общества, наоборот, усиливает отчуждение рабочих от средств производства, фетишизирует их сознание и создает дополнительные трудности в движении к обществу труда.

Противники и фальсификаторы теории общественно-экономических формаций пользуются современной ситуацией в мире, когда глобализация капитализма и буржуазная контрреволюция в основной массе стран, прежде избравших социалистический путь развития, свели на нет прежние успехи мирового пролетариата. Однако такие исторические повороты находят объяснение в марксизме и не противоречат формационной логике истории. Согласно своей внутренней логике формационное развитие последовательно и закономерно, но внешние воздействия часто влияли на внутреннее развитие, меняя череду способов производства. То есть, если бы человечество всегда было однородно, и ни одна из его групп не могла бы опережать другую, а значит, все развитие определялось бы исключительно этими внутренними связями, то для всех групп каждый последующий способ производства и каждая последующая формация были бы всегда только усовершенствованиями. Однако человечество внутренне дифференцировано и его отдельные группы развиваются очень неравномерно, особенно пока общественный труд не позволит им выйти из рабской зависимости от природных условий. Речь не идет о полном преодолении этой зависимости от природы, это сделать невозможно, но возможно и необходимо изменить характер зависимости, превратив трудящегося человека в активный элемент усовершенствования природы. На пути этого движения человечество встречает периоды, когда отдельные его группы, достигнув более высокого, чем другие способа производства, вынуждены были совершать попятное движение под давлением извне. Обычно это бывало, когда менее развитые экономические общества завоевывали более развитые за счет военного превосходства. Примером может быть завоевания византийского феодального государства азиатскими кочевниками, находящимися на стадии варварства. Тогда насаждались более примитивные формы организации производства, что часто сопровождалось разграблением сосредоточенных

богатств и разрушением производительных сил. Этим не нарушалась формационная логика, а доказывалась необратимость способов производства, только в условиях их господствующего положения перед другими способами производства в масштабах всего человечества.

Сейчас для трудящихся всего мира остро стоит вопрос о коммунистической формации, социалистической революции в России и логике истории. Передовые трудящиеся стран Латинской Америки, Африки и Азии видят необходимость продолжения социалистической революции, несмотря на измену международному рабочему движению со стороны бюрократического партийного аппарата бывших социалистических стран. Социальные революции и перевороты начинаются легко там, где нет паразитизма на эксплуатации других стран, где нет привилегированного положения в международной системе социально-экономических отношений. Но даже трудящиеся Западной Европы и США по-разному включаются в это движение. К сожалению, рабочий класс России потерял свои позиции в виде авангарда антикапиталистической борьбы, разрушена его организация, подорвано политическое и экономическое положение, продолжается идеологическое разложение. Однако он еще представляет серьезную силу, поскольку обладает бесценным опытом и вооружен научной теорией.

Формационная теория рассматривает историю человечества как последовательное освобождение от животного рабства с помощью труда. Поэтому только человек труда является олицетворением, защитником и проводником интересов будущего. Это принципиальное отличие формационного подхода к истории человечества от всех иных взглядов. Но освобождение трудящихся не происходит исключительно через рост производительности труда, а требует реализации их интересов всеми существующими способами классовой борьбы. Как отмечалось, формационная теория видит в государстве инструмент организации эксплуататорских способов производства. Поэтому всякая социальная революция происходит в форме политической революции, сопровождающейся захватом государственной власти новым победившим классом. Подобные задачи всегда стояли перед трудящимися, но долгое время были неосуществимы.

Особенность современной эпохи заключается в том, что успешный опыт захвата в XX столетии государственной власти пролетариатом в ряде стран, хотя и прервался буржуазной контрреволюцией, но показал способности организации современного производства без эксплуататоров и паразитов. Таким образом, на начало нового тысячелетия человечество сохранило лишь единичные примеры государственных систем, которые в разной степени контролируются трудящимися. Сегодня сильнейшие мировые державы, за исключением Китая, подчинены интересам капитала. Но мощное

сопротивление эксплуатируемых трудящихся везде, где они не имеют власти, указывает направление дальнейшего движения способов производства.

1. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. NY, 1973.
2. *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 74.
3. *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995.
4. *Новая* постиндустриальная волна на Западе. Антология // Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 30.

ГЛАВА 2. ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

§1 Отказ от экономики как жизненной основы общества.

Одно из «изобретений» постмодернизма – это так называемое постэкономическое общество, которое наступает после предшествующего ему общества, базирующегося на экономике. В этом обществе, по словам В. Л. Иноземцева, труд по производству материальных благ теряет свое значение, исчезает мотивация труда во имя удовлетворения основных материальных потребностей. «В отличие от Маркса, - утверждает он, - который первым применил в своих работах понятие экономической эпохи, мы полагаем, что важнейшим условием ее преодоления является не устранение эксплуатации или уничтожение товарного обмена, заменяемого плановым хозяйством, а осуществление необратимых изменений в характере человеческой деятельности, обуславливающих ее трансформацию из трудовой в творческую... Как основная характеристика постэкономической эпохи, творчество противостоит труду и предтрудовой инстинктивной деятельности, характеризующей экономическую и доэкономическую эпохи»¹.

На что же опирается автор, разделяя общества и эпохи на экономические и неэкономические?

В первую очередь, конечно, на постмодернистский «логико-методологический» принцип дихотомии «экономическое – постэкономическое». Когда на историю накладывается формула «до – после», то ничего не остается кроме как делить ее на «экономические» и «постэкономические» эпохи.

Главное же сводится к тому, что такое деление дает возможность автору отказаться от материалистического понимания истории и общества. И не только отказаться, но и «опровергнуть» тот общепринятый естественный факт, что люди прежде чем создавать идеальные образы реального мира, в том числе и «виртуальные общества», должны есть, пить, одеваться, т.е. удовлетворять свои материальные потребности и для этого производить средства существования и орудия для их производства. Люди, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии делать историю².

Общество вынуждено кормить и тех людей, которых освобождает от производства материальных благ и которые обслуживают общество продуктами своего умственного труда. Среди них оказываются и те, которые играют роли на «сценах» истории и имеют дело с образами людей и вещей, в том числе и с виртуальными. В их головах мир и общественная реальность может представляться в любом виде, в том числе и без экономики, с одним лишь производством информации. Дело лишь в том, что неэкономическое общество существует лишь в воображении тех людей, кто из вещей делает понятия, создает их смыслы и значения. Таково их предназначение. Создается иллюзия: жизнь представителей «золотого миллиарда» за счет остальных 5 миллиардов живущего ныне населения как будто и есть образец для «построения» постэкономического общества.

Для обоснования своей концепции постэкономического общества В. Л. Иноземцев вынужден обращаться к авторитетам из деятелей мировой науки. На Аристотеля не смог опереться, ибо тот признавал экономику в качестве нормальной для своей эпохи стороны жизни и осуждал хрематистику, т.е. деятельность по выколачиванию барыша. Античность, следовательно, знала экономику, Аристотель не относил ее к доэкономическим эпохам.

Нашему постэкономисту трудно было обойти известную концепцию общественно – экономических формаций К. Маркса, поддержанную В. И. Лениным. В этом случае ему пришлось идти на искажение мысли К. Маркса: якобы К. Маркс писал не об «общественно – экономических формациях», а об одной и единственной экономической формации, которой начинается предистория, т.е. о капитализме³. Ссылка на К. Маркса, на его работу «К критике политической экономии», бьет мимо цели, ибо К. Маркс там писал о «буржуазной», а не какой-нибудь другой «общественной формации», которой кончается предистория общества⁴. В. Л. Иноземцев же слово «буржуазная» выбрасывает, заменяя термином «экономическая» и делает из этого вывод, что экономическое общество у К. Маркса – это лишь один период истории, когда превалируют материальные интересы в деятельности людей.

Не могут быть приняты и ссылки на авторитет Ф. Броделя. Насколько известно, ни Ф. Бродель, ни И. Валлерстайн в своих работах относительно капиталистической мироэкономики тоже имели в виду капиталистическое общество и не подвергали сомнению марксово понятие общественно – экономической формаций, высказываясь критически лишь по поводу их трактовки как обязательных и последовательных стадий истории. «Гений К. Маркса, - писал Ф. Бродель, - секрет силы его мысли состоит в том,

что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной исторической перспективе. Эти модели были увековечены в их первоначальной простоте тем, что к ним стали относиться как к жизненным законам, априорным объяснениям, автоматически приложимым ко всем обстоятельствам и всем обществам... Эта жесткая интерпретация ограничила творческую силу самой мощной системы социального анализа, созданной в прошлом веке. Восстановить ее возможно только в долговременном анализе⁵.

Понятие «исторической системы» как единицы анализа истории, используемое И. Валлерстайном, по существу аналогично понятию общественно – экономической формации К. Маркса. Он, сравнивая понятие исторической системы с понятием общества или общественно – экономической формации, полагает, что они более или менее синонимичны и речь идет о выборе формального символа. И. Валлерстайн считает ошибочным брать в качестве такой исторической единицы что-либо вещественное, например, то или иное состояние сельского хозяйства или индустрии и в этом смысле не допускает деления на общества «доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное», смешения капитализма с обществом, где господствует промышленность, т.е. с «индустриальным» обществом⁶.

Очевидно, что ни одно общество принципиально не может обойтись без производства средств к жизни, без труда, с помощью которого они изготавливаются, ибо все это является первичным условием жизни. Отказ многих отечественных авторов от материалистического понимания общества во многом объясняется догматическим толкованием экономики только как производства вещей, технологических процессов.

Материалистическое понимание истории требует особого внимания к особенностям применения его общей формулы, согласно которой определяющим моментом в историческом процессе является производство и воспроизводство общественной жизни. Но «к сожалению, - писал Ф. Энгельс о материалистическом понимании истории, - сплошь и рядом предполагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно»⁷. Эти предупреждения не потеряли своей актуальности и в наши дни. Например, в анализе таких социальных объектов, как духовное производство, производство знаний, информации некоторыми нашими авторами допускается не только ограничение общей формулы материалистического понимания истории, но в ряде случаев и отход от нее, ее искажение.

Отклонения обычно начинаются с того, что материальное производство берется не вместе с его определенной общественной формой, а лишь как материальная деятельность (труд) и ее средства (производительные силы). Так, например, противопоставление творчества, производства знаний труду, отрицание роли труда в постиндустриальном обществе в определенной мере объясняются тем обстоятельством, что из непосредственного трудового процесса трудно вывести причины возникновения и функционирования ряда важных общественных форм. Простое обращение к труду, по словам К. Маркса, наталкивается на необъяснимые вещи, которые обычно непосредственно не выводятся из труда. Так, для того, чтобы развить понятие капитала, нужно непосредственно исходить не из труда, а из стоимости, и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения. Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы – к паровой машине⁸.

Но это не значит, что труд перестает служить субстанцией капитала и стоимости, что стоимостью может стать не овеществленный в продукте труд, а, например, знание как продукт чисто познавательной деятельности, не получившей опредмечивания. Обращение к материальному производству, труду при анализе общества, в том числе духовной жизни, является обязательным требованием материалистического метода. Вопрос, однако, в том, чтобы правильно понимать само материальное производство.

Производство со своей наиболее простой и очевидной стороны предстает процессом созидания той или иной вещи, материального продукта. «Труд, как источник вещественного богатства, — отмечал К. Маркс, — был так же хорошо известен законодателю Моисею, как и таможенному чиновнику Адаму Смиту...»⁹. Этого знания, однако, явно недостаточно, если речь идет о сущности производства. Еще в «Нищете философии» К. Маркс выразил неудовлетворенность по поводу сведения производства к обычному процессу производства вещей. «Г-н Прудон-экономист, — писал он, — очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, холст, шелковые ткани в рамках определенных производственных отношений. Но он не понял того, что эти определенные общественные отношения так же произведены людьми, как и холст, лен и т. д.»¹⁰ В другом месте эту же мысль К. Маркс выразил в следующем виде: «Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять так мало! Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также общественные отношения, при которых они производят сукно и холст»¹¹.

Прудон и другие буржуазные экономисты доходили до признания того, что производство вещей осуществляется в системе определенных общественных отношений, например, в условиях частной собственности, в рамках капиталистического отношения. Они объясняли, отмечал К. Маркс, как совершается производство при указанных отношениях, но у них оставалось невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, как появляются новые общественные отношения?¹² Им недоставало понимания самого главного — того, как создаются общественные отношения, а также того, что производственные отношения, в которых движется процесс производства, являются в одинаковой мере его условием и его продуктом.

Это столь важно, что К. Маркс, реферируя свои рукописи («Тетради»), выставил данное обстоятельство условием правильного понимания всего вопроса, записав: «Правильное понимание общественного процесса производства»¹³. В отличие от буржуазных экономистов, которые лишь видят, как осуществляется производство в рамках капиталистического отношения, но не видят, как создается само это отношение, К. Маркс показал «не только, каким образом капитал производит, но и каким образом он сам производится и как он выходит из производственного процесса совершенно, изменившимся по сравнению с тем, каким он в него вступил»¹⁴.

К. Маркс усматривал главный результат общественного процесса производства не в вещах, не в производстве продукта, а в производимых общественных отношениях; при капитализме, например, — в создании и постоянном воспроизводстве отношения между наемным трудом и капиталом. Это социальное производственное отношение фактически является, по убеждению К. Маркса, еще более важным результатом общественного процесса производства, чем его материальные результаты¹⁵. Проследим эту мысль К. Маркса, начиная с первоначальных ее формулировок в рукописях «Капитала» и кончая формулировками, вошедшими в его окончательный текст. Остановимся сначала на сравнениях производственных отношений как главного результата процесса производства с другими его результатами.

Рассматривая буржуазное общество в его целостности, К. Маркс приходит к заключению, что конечным результатом капиталистического процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Что же касается вещных форм результатов этого производства, например, создаваемых продуктов, то они выступают в движении общества лишь как мимолетный момент. Более того, сам непосредственный процесс производства составляет тоже лишь момент всего движения общества; условия и предметные воплощения процесса производства, соответственно, не могут не быть всего лишь его моментами. На передний же план

выходят субъекты общественного производства — люди в их взаимоотношениях, которые как воспроизводят, так и производят эти отношения заново. Это их производство и воспроизводство образует постоянный процесс движения самих людей, «в котором они обновляют сами самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹⁶.

Называя вещественное богатство и материальные условия его производства моментами исторического движения общества, К. Маркс не отрицает важности и первичности создаваемых условий материальной жизни: обновление людьми своих общественных отношений и самих себя происходит в той мере, в какой совершается обновление материального богатства. Дело лишь в том, что материальное богатство и материальные условия производства в каждый исторический этап исчезают, в то время как общество сохраняет свое существование, переходя из одного состояния в другое. Общество, безусловно, каждый раз создает материальные условия для своей жизни в своем материальном производстве, являющемся фундаментом всей общественной жизни. Но не в этом только состоит роль и назначение производства. Оно есть одновременно — и это главное его назначение — производство и воспроизводство общественных отношений. Не только вещные условия процесса производства, поясняет К. Маркс, выступают его результатом, но таким результатом является и их специфически общественный характер: производятся, являются постоянно возобновляющимся результатом процесса производства общественные отношения, а следовательно, и общественное положение агентов производства по отношению друг к другу, сами производственные отношения¹⁷.

В первом томе «Капитала» приведенному положению придан характер обобщающего вывода: капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, т. е. в форме процесса воспроизводства, «производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение — капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой»¹⁸.

К. Маркс много внимания уделил механизму производства общественных отношений: поискам рычагов, посредством которых оно осуществляется, раскрытию звеньев и способов воспроизводства этих отношений. В капиталистическом обществе основным средством воспроизводства капиталистического отношения служит производство прибавочной стоимости. Отношение наемного труда и капитала и соответственно производство наемных рабочих и капиталистов выступают основным результатом процесса увеличения стоимости капитала. В рефератах к собственным тетрадям К. Маркс констатирует: «Главный результат процесса производства и процесса

увеличения стоимости: воспроизводство и новое производство самого отношения между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим»¹⁹. В другом, более позднем варианте рукописи «Капитала» Маркс, делая выводы из рассмотрения всего непосредственного процесса производства капитала, заключает: «Мы видели, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости... (при накоплении) оно есть вместе с тем производство капитала и производство и воспроизводство всего капиталистического отношения во все более расширенном (увеличенном) масштабе»²⁰.

Приведенные К. Марксом характеристики производства как производства общественных отношений имеют принципиальное значение для доказательства материалистического понимания общества²¹. Это доказательство, с нашей точки зрения, состоит не в простой констатации того факта; что без материального производства общество не может существовать, а в том, чтобы этим производством объяснить само движение общественных отношений, представить его их производством.

Это положение, к сожалению, не стало еще общепринятым толкованием результатов производства, которые обычно сводятся к той или иной форме или части общественного продукта. Конечно, осознается, что данный продукт создается производством в рамках определенной общественной формы, но производство самой этой формы пока не подверглось анализу. Производственные отношения в качестве предмета политической экономии рассматриваются не как то, что должно создаваться в процессе производства, а как форма, в которой осуществляется производство другого результата — продукта, вещей. Учебники по экономике ограничиваются определением, что производство есть производство материальных благ, имеющее своим результатом продукт, необходимый как для самого производства, так и для потребления.

Понимание производства как производства общественных отношений оказалось не реализованным и в работах по социальной философии. Такой реализацией не может считаться выведение производственных отношений из характера и уровня развития производительных сил, поскольку в соответствующем законе взаимодействие производительных сил и производственных отношений касается больше их функциональной, а не генетической зависимости. Функциональная связь, безусловно, имеет место, и закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил ее фиксирует надлежащим образом. Но этой связью не объясняется процесс созидания производственных отношений, который выражает более глубокую, генетическую связь, раскрывающую способы, источники и механизмы производства общественных отношений.

Из-за того, что производство в большинстве случаев не оказалось представленным производством общественных отношений и выглядело процессом создания вещей, возникли трудности (как в прошлом, так и в настоящем) в вопросах объяснения воспроизводства человека, его личности, его образа жизни, в том числе в проблеме воспроизводства рабочей силы, созидательных способностей человека, человеческого фактора производства. К числу этих вопросов следует отнести прежде всего вопрос о том, откуда надо выводить развитие человека, его созидательных способностей — из сферы производства или из сферы потребления.

На первый взгляд кажется, что человек в своем бытии оказывается непосредственным результатом потребительной деятельности, обеспечивает собственное непосредственное бытие потреблением, т. е. предопределяется в своем развитии сферой потребления, а не материального производства. В этой области мы встречаемся с таким же противоречием, которое обнаруживается при объяснении происхождения капитала — возникает ли он из сферы обращения, или его источником является сфера материального производства. Эти противоречия, как известно, не были разрешены ни в буржуазной политической экономии, ни в социологии.

В вопросе о соотношении производства и потребления классическая буржуазная политическая экономия остановилась перед дилеммой: с одной стороны, признавалось (например, Смитом и Рикардо), что труд, затрачиваемый на формирование производительных способностей рабочего, является непроизводительным, и следовательно, производство указанных способностей не есть область собственно производства, оно совершается в сфере потребления, не являющегося предметом экономической науки; с другой стороны, производительные силы рабочего включались в состав элементов производства и вместе с орудиями труда относились к основному капиталу, что позволяло рассматривать их воспроизводство так же, как и воспроизводство всего капитала, хотя делалась оговорка относительно отличия формирования способностей от производства вещей.

Названную дилемму не удалось решить и последующим школам экономической науки: ни представителям вульгарной политической экономии, ни авторам современных концепций «человеческого капитала». Наоборот, разногласия относительно того, в собственно материальном производстве или сфере потребления воспроизводится человеческий фактор производства, еще более углубилось. Одни теоретики продолжали искать объяснение воспроизводства созидательных способностей рабочего в потреблении, другие — в «производстве человеческого капитала».

А. Маршалл, например, защищал положение о том, что вложения капитала в воспитание и обучение рабочего, осуществляемого обычно его родителями, не должны отождествляться с вложениями капитала в вещественные факторы производства, от которых всегда ожидается превышение стоимости над себестоимостью. Человеческий же фактор, по его мнению, «не покупается и не продается, как машины и другие вещественные факторы производства. Рабочий продает свой труд, но сам он остается собственником самого себя; те, кто несет расходы по его воспитанию и обучению, получает лишь очень малую долю цены, выплачиваемой за его услуги в последующие годы»²².

Другие исследователи, занимая противоположную позицию, представляли созидательные способности рабочего таким же капиталом, каким являются средства производства у предпринимателя. Согласно данной концепции рабочий от инвестиций в свой человеческий «капитал» получает доход таким же образом, каким получает свой доход капиталист от инвестиций в средства производства. Вложения в вещественный капитал, с этой точки зрения, ничем не отличаются от инвестиций в «человеческий капитал». Капиталист может участвовать на равных с рабочим условиях в производстве «человеческого капитала», если он свои деньги будет вкладывать в формирование созидательных способностей рабочего: как рабочий, так и предприниматель будет иметь определенную долю от этих своих вложений. В данном случае совокупный капитал будет выступать как сумма вещественного (воплощенного в вещах) и человеческого (воплощенного в людях) капитала²³.

Ни та, ни другая позиция не оказалась способной решить противоречия, возникшие в экономической науке, прежде всего потому, что производство созидательных способностей человека в форме ли потребительной деятельности, или инвестиций в «человеческий капитал», отрывается от материального производства и от производственных отношений, складывающихся в материальном производстве. Без обращения к последним экономическая наука смогла лишь словесно «разрешить» противоречие — подогнать потребительную деятельность рабочего под формулу производства капитала, т. е. провозгласить, что рабочий своей деятельностью в сфере потребления, реализуя собственную заработную плату, создает «капитал» в форме своих способностей к труду, от продажи которых он получает возможность не только возместить издержки на их формирование, но и иметь дополнительную стоимость, приобрести соответствующий «человеческий капитал».

Действительное разрешение противоречия и проблемы применительно к

капитализму было сделано К. Марксом на базе трудовой теории стоимости. К. Маркс преодолел присущее прежней политической экономии отождествление труда и рабочей силы, доказав, что труд не имеет стоимости, что рабочим продается не труд, а способность к труду — рабочая сила. Это позволило ему обосновать положение, согласно которому рабочий каждый раз в процессе материального производства создает продукт, необходимый для воспроизводства своей рабочей силы.

Конечно, если подходить к процессу труда как к таковому, независимо от его общественной формы, то потребление жизненных средств рабочими можно включить в процесс труда и рассматривать его наподобие потребления машинами смазочного масла или других вспомогательных материалов²⁴. Но уже здесь, в отличие от работы машины, потребление рабочего может осуществляться лишь во время перерыва или вне рабочего времени, хотя оно социально может быть доведено и до аналогии с потреблением угля паровой машиной²⁵. Независимо оттого, где и когда происходит это потребление, рабочий для того, чтобы трудиться, сначала должен удовлетворить свои жизненные потребности, иметь соответствующие жизненные средства для восстановления и приведения в движение собственных созидательных, производительных способностей. Но главное не в этом. Хотя жизненные средства рабочего приобретают форму переменного капитала, обмениваемого на его рабочую силу, их реализация в потребительной деятельности рабочего для восстановления и развития своих созидательных способностей не является ни инвестицией в «человеческий капитал» (производительные способности), ни производством «капитала» (человеческого), т. е. здесь капитал не создается. Рабочая сила, конечно, производится и воспроизводится при капитализме как товар, имеющий стоимость, по этим не создается дополнительная (прибавочная) стоимость, переходящая в руки рабочего. Если постоянный капитал как таковой в процессе производства входит в форме той же самой потребительной стоимости, которую раньше имели составляющие его товары (средства производства), то иначе обстоит дело с переменным капиталом. На его место, т. е. вместо жизненных средств, в процесс производства вступает «живой фактор проявляющей себя в новых потребительных стоимостях рабочей силы, реального труда; здесь стоимость средств производства, постоянного капитала, как таковая, вступает в процесс увеличения стоимости, между тем как стоимость переменного капитала вовсе не вступает в него, а замещается создающей стоимость деятельностью, выступает в виде деятельности живого фактора, существующей как процесс увеличения стоимости»²⁶.

Заработная плата, обмениваемая рабочим на жизненные средства, служащие ему для восстановления и развития создающих способностей, не может участвовать в

производстве, приносить рабочему дополнительный доход, т. е. иметь свойство капитала. В производстве вместо жизненных средств (стоимости переменного капитала) участвует сам живой труд.

Это, конечно, не значит, что рабочая сила, способность к труду могут воспроизводиться вне потребления. Они воспроизводятся одновременно и в потреблении, и в производстве, но первоисточником жизненных средств рабочего является его наемный труд в материальном производстве. Соответственно, рабочая сила в качестве товара (стоимости) производится и воспроизводится на основе законов производства товаров, ее стоимость определяется общественными издержками ее воспроизводства, а необходимый продукт, за счет которого она воспроизводится, создается трудом рабочего в материальном производстве. С этой точки зрения, жизненные средства и их потребление уже не будут составлять особый элемент процесса материального производства. Он включает в себя лишь живой труд, его орудия и предмет, но без жизненных средств самого работника. Потребление последних, посредством которого воспроизводятся созидательные способности рабочего, оказывается как бы вне процесса производства, хотя без производимых жизненных средств не может совершаться живой труд, функционировать и реализовываться способности к труду. Налицо противоречие, нуждающееся в правильном разрешении.

Для будущего общества проблема — где и как происходит формирование и развитие способностей работника, — сохраняет свою силу. Ее решение, однако, нуждается в привлечении новых теоретических принципов. На основе трудовой теории стоимости объяснить воспроизводство созидательных способностей будущего работника невозможно, ибо рабочая сила теряет свойства товара иметь стоимость. Как для объяснения производства прибавочной стоимости нужно было обращаться к потребительной стоимости рабочей силы, так и для объяснения воспроизводства человека в качестве развитой личности необходимо от трудовой теории стоимости переходить к трудовой теории потребительной стоимости. Пока эти новые теоретические положения на базе трудовой теории потребительной стоимости не разработаны, неизбежны противоречия в науке, в частности в трактовке воспроизводства человека.

1. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 4.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 26.

3. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998. С. 176.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. С. 8.
5. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1997. С. 140.
6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 22, 34, 402.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.37. С. 396.
8. Там же. Т. 46. ч. 1. С. 207; Т. 49. С. 49.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. С. 23.
10. Там же. Т. 4. С. 133.
11. Там же. Т. 27. С. 408-409.
12. См.: Там же. Т. 4. С. 129, 139.
13. Там же. Т. 46. ч. II. С. 509.
14. Там же. Т. 49. С. 119.
15. См.: Там же. Т. 46. ч. II. С. 447.
16. Там же. С. 222.
17. См.: Там же. Т. 49. С. 119.
18. Там же. Т. 23. С. 591.
19. Там же. Т. 46. ч. II. С. 504.
20. Там же. Т. 49. С. 22.
21. См.: Там же.
22. Маршалл А. Принципы политической экономии: В 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 266-267.
23. Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование. М., 1978. С. 37-41.
24. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.49. С. 40-41.
25. См.: Там же. С. 60.
26. Там же. С. 43-44.

§ 2. Деструкция трудовой стоимости и виртуализация экономики.

Постэкономическое общество обычно связывается с деструкцией трудовой стоимости как отличительным признаком экономического общества. Существование стоимости, согласно мнению постэкономистов, исторически обуславливается главным образом тем, что как производители, так и потребители ориентируются в своей деятельности на удовлетворение материальных потребностей, придерживаются материальной (материалистической) мотивации¹. Стоимостью, соответственно, обладают продукты, к которым относятся как к средству удовлетворения материальных интересов. Повторяемость и однородность результатов обычного индустриального труда позволяют людям применять количественные стоимостные оценки его затрат применительно к общественной (а не индивидуальной) полезности создаваемых благ. В условиях постэкономического общества стоимость лишается объективных основ своего существования, превращается в субъективную, полезностную оценку особого рода благ – полезностей. Из основания существования стоимости исключается субстанциональность абстрактного труда, наличие частной собственности, наемной рабочей силы и ряд других объективных свойств экономики.

Из субъективистского понимания предпосылок существования стоимости выводятся и условия ее преодоления в постиндустриальном обществе – если она сводится к субъективной оценке, то и преодолевается путем изменения представлений о ней, экспансией субъективных мотивов и целей как социально-психологических основ человеческой деятельности. Достаточно, следовательно, поменять ориентацию на материальное производство (чтобы жить, надо производить средства существования) на мотивацию противоположную – на производство духовных благ и на индивидуальное развитие личности, как не будет необходимости в стоимостной оценке полезностей, в их подведении под какой-то общий знаменатель, измеряемый количественной мерой.

Постиндустриальное общество как раз и предоставляет такие условия: в нем материальное производство жизни и способ ее производства уже не будут составлять основу функционирования и развития общества; процессы обобществления труда и производства уступят место индивидуализации субъекта труда и потребления, их де-социализации.

Деструкция стоимости со стороны производства, по мнению В. Л. Иноземцева, в формальном отношении происходит потому, что в постэкономическом обществе становятся невозможными количественные измерения сугубо индивидуальных затрат сугубо специфического, индивидуального труда. Вроде бы стоимость существует лишь тогда, когда производятся однородные товары однородным трудом, редуцируемым к среднему труду, который можно подсчитать. Там же, где труд строго индивидуализирован, его затраты подсчитать невозможно, и следовательно, не будет и стоимости.

В сущностном же отношении, как он полагает, труд, превращаясь в интеллектуальную, информационную деятельность, перестает создавать субстанцию стоимости, ибо он уже не будет мотивироваться удовлетворением материальных потребностей². И это говорится в условиях, когда большинство населения земного шара, в том числе и России, живет не имея прожиточного минимума жизненных средств. Судить о переориентации населения с материальных благ на продукцию с символической ценностью, т.е. по потребительскому поведению, как выразился академик В. Н. Страхов, чавкающего борова (который, наевшись, требует «духовной пищи»), не только антинаучно, но и аморально.

В обоих случаях, как видно из приведенных суждений, существование стоимости ставится в зависимость от способности субъекта измерять затраты труда и мотивировать свою деятельность иными, чем материальные, интересами. Субъективизм еще более усиливается, когда автор рассуждает о деструкции стоимости со стороны потребления. Здесь он прежде всего берет на вооружение уже подготовленную субъективной школой предельной полезности замену стоимости полезностью, утверждая, что именно полезностные оценки, а не затраты труда, будут братья во внимание в постэкономическую эпоху.

К этому тезису субъективной школы он еще добавляет модернистскую трактовку полезности как высокоиндивидуальной, уникальной символической субъективной ценности, фиксируемой только «здесь и сейчас», в данной ситуации. Поскольку полезность индивидуализируется и субъективируется, то ни о какой соизмеримости полезностей не может быть и речи. Такого рода полезности уже не могут быть продуктом всеобщего, общественного труда, с которым связана стоимость. Автор вслед за Ж. Бодриаром заявляет, что предметом потребления становятся символические ценности, система знаков. «Объектом потребления действительно становится система знаков, и в этом отношении можно согласиться с социологами, обозначающими современный период

как период доминирования символической ценности»³. Боров, наевшись, довольствуется лицемерием этикеток.

Удалось ли В. Л. Иноземцеву обосновать действительную деструкцию стоимости в постэкономическом обществе? Нет, не удалось, ибо он борется не с реальной, а с виртуальной стоимостью. Он просто отождествил стоимость с полезностью, заменив первую второй, посчитав эту постмодернистскую операцию деконструирования понятия преодолением стоимости. Но ведь полезность была, есть и будет в любом обществе, она никогда не исчезала и не исчезнет. Если же стоимость определена как полезность, включена в понятие полезности, то она в этом качестве тоже остается в постэкономическом обществе. Чтобы как-нибудь согласовать свою позицию с марксизмом, основатели которого были решительными противниками вечности стоимости и ее сохранения в будущем обществе, он ссылается на раннюю формулировку Ф. Энгельсом понятия стоимости как отношения издержек производства к полезности продукта, от которой Ф. Энгельс впоследствии отказался, усмотрев в ней уступку маржинализму*.

Автору ничего другого не оставалось как объявить о преодолении стоимости не в действительности, а лишь в представлениях людей, т.е. опять-таки виртуально. Ведь об исчезновении стоимости, по его мнению, свидетельствует то, «что движение цен и других форм денежной оценки сегодня определяется не объективным отношением издержек и полезностей, а взаимодействием субъективных представлений об издержках и столь же субъективными представлениями о полезности»⁴.

Здесь стоимость как сущностное отношение подменяется ее видимостью, причем, доведенной до ее символизации в товарных знаках и этикетках. Сама же она остается по существу не тронутой. Она становится не нужной лишь как воплощение субстанциональности и, соответственно, как инструмент материалистического понимания экономической жизни общества.

Рассуждения, отрицающие стоимость, чаще всего нужны для того, чтобы «доказать» неприменимость трудовой теории стоимости К. Маркса и всего материалистического понимания истории к современному капитализму, который якобы уже становится «постиндустриальным» и «постэкономическим». На самом деле, мы наблюдаем необычное расширение стоимостных (рыночных) отношений: стоимость

* «Она совершенно устарела и полна неточностей, которые сбивают с толку читателя»//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.33. С. 174.

накладывается на все то, что раньше не могло и сейчас не может иметь стоимость (человеческое тело, человеческие органы, информация и т.д.). Отсюда масса искажений самой стоимости, которые выдаются за ее преодоление. Чаще всего эти искажения происходят за счет того, что стоимость пытаются выразить через полезность.

По утверждению известного исследователя современного капитализма И. Валлерстайна, начиная с 1968 г. «капиталистический мир – экономика столь настойчиво следовал своей логике бесконечного накопления капитала, что стал приближаться к своему теоретическому идеалу, превращению всего и вся в товар. Мы можем наблюдать, как это отражается во множестве социальных реалий: расширение механизированного производства; снятие пространственных ограничений на обмен товарами и информацией; дерурализация мира; приближение экосистемы к истощению; высокий уровень охвата процессов труда денежными отношениями; консьюмеризм / потребительство (то есть громадные масштабы превращения в товар самого процесса потребления)⁵.

Автор полагает, что капиталистическая мировая экономика вступает в новый период экспансии, в результате которого всемирные экономические процессы приобретут еще более товарную форму и еще сильнее станет поляризация вознаграждений. Лет через 50, по его мнению, мировая экономика впервые в истории будет функционировать полностью в соответствии с законами стоимости как она изложена в I томе «Капитала», что означает триумф закона стоимости во всех уголках, до сих пор сопротивляющихся его господству. Одновременно полная победа капиталистических ценностей является главным признаком кризиса капитализма как системы⁶.

Триумф закона стоимости одновременно означает и триумф товарного фетишизма, который в современном постмодерне представлен как виртуальная реальность, пришедшая на смену экономической действительности. Покидая экономическую эпоху, утверждает В. Л. Иноземцев, человечество перестанет быть общностью в той или иной форме, т.е. перестает по существу быть обществом. Субъектом становится не социум, не общность людей, а совокупность с самим собой согласных, обособленных в своей структурной уникальности индивидов, не подчиненных в своей деятельности никаким экономическим законам. Человечество «вступает в эру абсолютной субъективности, где действия отдельной личности обусловлены ее внутренними потребностями, продиктованными законами морали, имманентными каждому человеку новой эпохи»⁷. Автор даже не замечает, что для человека «новой эпохи», не нуждающегося в обществе, законы морали и сама мораль будут излишними.

Можно заключить, что в данном случае в основу жизни людей постэкономической эпохи кладется самый обычный субъективизм, доведенный до солиннизма. Отсюда и претензии деконструировать понятие общества по постмодернистским меркам. Замещение экономического постэкономическим, человеческого общества постчеловеческим отождествляется с заменой реального виртуальным, т.е. образом, симулирующим реальность, что означает, согласно Ж. Бодрияру, «упадок реальности».

На самом же деле виртуализация экономического мира проистекает из товарного фетишизма, из того, что социальные отношения, одевая форму товарной предметности, вещи, тем самым наделяются сверхчувственным свойством фетиша, в данном случае – товарного знака, денежной купюры и т.п. В самой бумажной предметности денежных купюр ничего таинственного или виртуального нет. Превращаясь же в товар и приобретая стоимостную предметность, эти купюры становятся представителями отношений между людьми, т.е. выступает вместо общественных отношений людей. Товарная форма денег, их обмен образуют отраженный, виртуальный мир людских взаимоотношений, превращенных в отношения самих денег как товара.

Это не означает, что происходит дематериализация, развеществление общественной жизни, как об этом твердят постмодернисты, а наоборот, идет ее фетишизация, все более широкое превращение социальных отношений в отношения между вещами и вещными символами. Даже самые что ни есть идеалисты не осмеливались заменять материю духом, хотя и не признавали субстанциональность материи. Представители же постмодернистской концепции виртуальности постоянно талдычат о дематериализации экономики, о ее постмодернистской ориентации, утрачивают способность к разумным умозаключениям. Об этом может свидетельствовать следующий набор слов, претендующий на итоговое заключение относительно понимания современности: «Итак, если овеществление – результат реализации ценностей, то развеществление – симптом их деактуализации. Симуляции, выдающие отсутствие реальности за ее присутствие, умножаясь, становятся самодостаточны и делают проблему реальности иррелевантной. Понимание существа современности как виртуализации – развеществления общества порождает массу проблем. Но единственно существенная возникает как следствие решения вопроса о ценностях: как возможно общество, лишенное ценностей? На столь зловеще звучащий для многих вопрос возможен столь же ироничный ответ: как виртуальная реальность»⁸.

В действительности виртуальность – это сверхчувственность социальной товарной формы, выраженной тем или иным вещным свойством. Такого рода мистицизм товарной

формы, ее превращение в «виртуальную реальность» выдается за постэкономическое общество. Это, однако, не «после-современность», а образ товарного производства на стадии его распада. Отчетливо обнаруживается то, чем ныне заполнено «постэкономическое время»: обслуживанием наркоманов, бандитизмом, коррупцией, деятельностью валютных проституток, игрой в рулетку, сидением за телевизионным ящиком и т.п. «Все это, - говорил А. Ф. Зотов в беседе за круглым столом, - по-моему и составляет суть мира, который вышел за пределы «экономического общества»⁹.

Несмотря на все это, фетишизм товарного мира, вещная видимость общественных отношений, а вовсе не ее преодоление, вводит в заблуждение экономистов, пишущих о постэкономическом обществе. Вместе с тем доведение этого фетишизма до крайности, до превращения всего и всякого в товар, приведет к обратному результату – к преодолению фетишизации мира экономики. «Именно универсализация закона стоимости сделает в конечном счете невозможным сохранение мистического «туманного покрывала» товаров». Это произойдет потому, что противоречивые процессы текущей фазы капиталистической мировой экономики столь основательно демистифицируют технику господства, что сделают последнее политически несостоятельным¹⁰. Весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, должно исчезнуть, как только сами производители возьмут свою общественную жизнь, свое производство под собственный контроль¹¹.

Наш отечественный постэкономист по вопросу о судьбах стоимости должен был бы опираться на суждение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Л. Ленина, которые были решительными противниками теории вечности товарного производства, стоимости, выступали против их сохранения в обществе, следующим за капитализмом. Этого он не делает, видимо, потому, что они исчезновение стоимости не связывали с исчезновением самой экономики и производства материальных благ или основы жизни общества. Поэтому автор не знает, что в действительности приходит на место стоимости. Если полезность, то она уже им определена как стоимость и не может ее заменить. «Мы не ставим задачу предложить новую концепцию стоимости; мы лишь анализируем процессы, радикально подрывающие представления об основах обмена»¹². Не случайно он почти ничего не говорит о деструкции стоимости в основной области ее функционирования – в сфере обмена. Не потому ли, что в постэкономическом обществе сократятся почти все остальные стоимостные категории: товар, товарное производство, деньги, цена, прибыль и т.д. Некоторые оставляют и стоимость, объявляя в качестве стоимости знание, информацию и другие подобные же продукты (Т. Сакайя).

Кроме того, он не хочет иметь дело с марксистским пониманием будущего общества. Классики марксизма-ленинизма полагали, что в действительности стоимость преодолевается другим способом и при других предпосылках. Главным здесь выступает не потеря материальным производством своего значения основы общественной жизни и источника материальной мотивации жизнедеятельности, а развитие этой основы: прогресс производительных сил (производительности труда), предполагающий рост потребительной стоимости и уменьшение стоимости продукта; обобществление труда и производства, подрывающего частную собственность и отчуждение труда, с которыми опять-таки связана стоимость. Жизнь и богатство общества всегда будут базироваться на труде, а то, сколько времени и как будут трудиться люди будущего общества, должно определяться не стоимостью рабочей силы и жизненных средств для ее воспроизводства, не потребностями получения прибыли, а разумными потребностями людей и полезностью нужных для этого благ. Не отказ от потребления, а развитие производительной силы и поэтому развитие как способностей к потреблению (потребительной силы), так и средств потребления – это тоже условия преодоления отношений стоимости. Их сохранение во многом объясняется ограниченностью потребления масс, поскольку это потребление базируется на присвоении их рабочего времени капиталом. Поэтому полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда представляет собой последнюю ступень развития стоимости и основанного на стоимости производства¹³.

Стоимость может заменить только ее противоположность – потребительная стоимость, которую в свое время она вытеснила вместе с установлением господства товарного производства и которая составляет необходимую сторону любого товара, обладающего стоимостью. Знание законов движения потребительной стоимости и ее источника – труда, создающего не только стоимость, но и потребительную стоимость, создание ее трудовой теории дадут возможность определить исходные параметры будущей не-стоимостной экономики и не-стоимостного общества, вращающегося не вокруг стоимости, а вокруг труда, непосредственно производящего средства жизни и развития человека и общества.

1. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 307, 308.
2. Там же. С. 330-331.
3. Там же. С. 339.
4. Там же. С. 381.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 340.

6. Там же. С. 396.
7. Там же. С. 173.
8. Иванов Д. В. К пониманию современности: критический вызов // Проблемы теоритической социологии. Вып. 2. Под ред. Проф. А. О. Баронова. СПб., 1996. С. 110.
9. Вопросы философии. 2000. № 1. С. 19.
10. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 396.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 86.
12. Иноземцев В. Л. За десять лет. М., 1998. С. 378.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. ч. II. С. 212.

§3. К производству на основе закона трудовой потребительной стоимости

В отличие от теоретиков постиндустриального общества К.Маркс связывал преодоление отношений стоимости с развитием производства и крупной промышленности (крупной индустрии). Именно «по мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству»¹. По К. Марксу, именно развитие техники производства, применение науки к производству, а не просто развитие информации и средств информации, приводят к тому, что рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, «и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости... Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудности и антагонистичности»².

Что же приходит на место производства, основанного на меновой стоимости? По К.Марксу, – производство, которое являлось бы лишь средством для удовлетворения потребностей, производством ради потребительной стоимости, т.е. “таким производством, в котором господствовала бы только потребительная стоимость”³. Соответственно, стоимостная парадигма в теории должна уступить место трудовой потребительностоимостной парадигме.

Закон производства потребительной стоимости, взятый в своем простом виде, отражает связь между трудом и его продуктом, но иную, чем это имеет место в законе стоимости: если законом стоимости выражается связь, идущая от труда, взятого в его общественно необходимых затратах, к его результату, овеществленному в стоимости, то закон производства потребительной стоимости, наоборот, устанавливает обратную зависимость затрат живого труда от общественной потребительной стоимости продукта, от потребности в нем. В первом законе стоимость результата определяется общественно необходимым для его производства трудом, т.е. мы исходим из затрат труда. Вторым законом, т.е. законом потребительной стоимости, выражается обратная связь: мы исходим из потребительной стоимости продукта и идем в обратном направлении – к созидающему

ее труду, чтобы определить, сколько нужно затратить труда, чтобы иметь данную потребительную стоимость и удовлетворить данные потребности в ней. По закону стоимости этого нельзя сделать, ибо в нем трудом обуславливается лишь стоимость продукта, сама же “стоимость” труда, величина труда остаются необъясненными. Труд, его затраты в рамках закона стоимости не приобретают своей причинной обусловленности со стороны продукта, и поэтому мы лишены возможности определить величину труда, что, безусловно, свидетельствует об ограниченностях классической стоимостной теории и соответствующей ей практики. В законе потребительной стоимости преодолеваются эти ограниченности, он является законом, по которому общество определяет, сколько необходимо трудиться, уделять времени материальному производству, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности.

Ввести этот закон в экономическую науку, даже в его исходной общей форме, не так-то легко. Кажется чем-то самим собой разумеющимся определить действие закона потребительной стоимости через отношение полезности продукта к овеществленному в нем труду. Но как только трактовка данного закона переводится в эту плоскость, так неизбежно встаем на путь, который ведет к закону стоимости. Вековое господство отношений стоимости всякому взаимодействию труда и его результата, если даже результат берется как потребительная стоимость, заставляет придать стоимостной характер, рассматривать его в рамках теории стоимости и ее законов. Конечно, производство потребительной стоимости (как и стоимости) требует определенного, причем необходимого для удовлетворения данной потребности количества затрат труда. Но если потребительную стоимость (полезность) результата хотят определить через эти необходимые (предельные, оптимальные, дифференциальные и т.п.) затраты, то законы движения потребительной стоимости оказываются частным случаем (или дополнением) законов стоимости.

Этого, к сожалению, не избежал и В.В.Новожилов при анализе затрат и результатов труда. Он полагал, что общественные затраты труда и времени, необходимые по условиям потребления, а также соответствующие суждения К.Маркса об этом новом смысле общественно необходимого рабочего времени, свидетельствуют лишь о более развитом выражении закона стоимости, учитывающем не только условия ее производства, но и условия ее реализации в потреблении, т.е. если товар не покупается, то затраченный на него труд перестает быть необходимым. Поэтому, по мнению В.В.Новожилова, соответствие производства потребностям, а также труда, необходимого по условиям потребления (реализации стоимости), труду, необходимому по условиям производства стоимости, осуществляется на основе затраченного труда. Все потребительские оценки

как средств производства, так и предметов потребления должны быть выражены в той же единице, в какой измеряются затраты общественного труда⁴.

В этом случае измерение осуществляется по закону стоимости и речь идет лишь о том, чтобы учесть зависимость меновой стоимости от потребительной стоимости, т.е. то обстоятельство, что потребительная стоимость есть предпосылка меновой стоимости, без первой нет и второй. По этой причине приходится обращаться к услугам потребительной стоимости как предпосылке меновой стоимости и на этой основе считать необходимыми лишь те затраты на производство товаров, которые покупаются, потребляются. Затраты здесь ставятся в зависимость от потребления, платежеспособного спроса, что в какой-то мере выходит за рамки стоимостного отношения.

В рамках же закона потребительной стоимости необходимый труд и необходимое рабочее время приобретают совсем иной, противоположный смысл: они становятся необходимыми по требованиям удовлетворения потребностей в данных потребительных стоимостях. Необходимый труд, взятый в этом смысле, не имеет отношения к меновой стоимости, не является ее эквивалентом. В законе потребительной стоимости предпосылкой в движении последней выступают не затраты труда на ее создание, не ее обусловленность этими затратами, а наоборот, обусловленность затрат труда потребительной стоимостью продукта и стоящими за ней потребностями общества. Здесь мера потребления определяет меру труда.

Величина и пределы затрат труда в этом случае обуславливаются потребностями, а время труда, оставаясь полюсом данного экономического отношения, приобретает принципиально иное значение. Когда говорится о необходимом рабочем времени общества в смысле того времени, которое нужно обществу израсходовать для удовлетворения данных потребностей, то это время не выступает мерой стоимости продукта. Такого рода необходимый труд имеет отношение к потребительной стоимости, а не к меновой стоимости. Здесь имеется в виду не то рабочее время, которое необходимо для того, чтобы создать ту или иную стоимость, в том числе стоимость суммы благ, необходимых рабочему для своего существования и для воспроизводства своей рабочей силы. Речь идет об относительной необходимости удовлетворения потребностей продуктами тех или иных видов труда, например, об удовлетворении потребностей в питании посредством земледельческого труда, который в этом отношении является самым необходимым.

В общем же виде такого рода необходимое рабочее время определяется и многими другими обстоятельствами, связанными с потребительной стоимостью, ее потреблением и потребностями людей. Нужно указать прежде всего на то, что именно

потребительная стоимость жизненных средств работника диктует, сколько нужно затратить труда и времени на их производство. (Если эти затраты определять стоимостью жизненных средств, то мы оказываемся в порочном кругу: трудом определяется их стоимость, их стоимостью – труд). Рабочее время и количество производительного труда, необходимые для жизни общества, зависят от количества нуждающихся в средствах существования людей, т.е. от общего количества потребителей и потребительских “корзин”, от потребительной силы общества. Объем необходимого рабочего времени, в свою очередь, находится в зависимости от другого потребительностоимостного фактора – производительной силы общества. Последняя во многом предопределяет численность занятых производительным трудом, и, следовательно, общий объем необходимого рабочего времени данного общества.

Зависимость затрат труда и рабочего времени от потребностей общества и от необходимых для этого потребительных стоимостей, существующих в виде средств для жизни и средств для труда, очевидна. Возникает, однако, вопрос: не будут ли эти затраты, взятые по отношению к потребительной стоимости, ее мерой, измерением, т.е. нельзя ли потребительную стоимость измерять этим же затраченным трудом (как и стоимость), но с той лишь разницей, что он затрачен по условиям потребления, а не производства. Если воспользоваться примером К.Маркса относительно того, что Робинзон на своем острове распределял свое рабочее время и свои трудовые функции согласно полезным эффектам предметов потребления, то нельзя ли такое распределение рабочего времени (в зависимости от потребительной стоимости продукта) считать отношением, в котором «уже заключаются все существенные определения стоимости» (Маркс).

Такое утверждение будет неправильным, оно сводит потребительную стоимость к стоимости и возвращает к закону стоимости. Но это не значит, что эти два закона нигде не пересекаются, что закон потребительной стоимости не содержит в себе в снятом виде отрицаемое стоимостное отношение продукта к созидающему его труду, и, наоборот, что требование потребительной стоимости затрачивать труд, необходимый лишь по целям потребления (лишнее, не потребленное пропадает), не учитывается в законе стоимости. К тому же оба закона имеют общее основание – труд, затраты которого должны учитываться в любом обществе.

Вторым, более глубоким определением закона потребительной стоимости является выражаемый им принцип превышения результатов труда над его затратами. Если закон стоимости зиждется на принципе эквивалентности общественно необходимых затрат и стоимости товара, то закон потребительной стоимости в своем сущностном определении базируется на противоположном принципе – труд по условиям производства

потребительной стоимости не равен, не эквивалентен не только труду по производству стоимости, но и по созданию потребительной стоимости. Казалось бы, например, что вне эквивалентности затрат и результата, содержащейся в законе стоимости, не мыслимо соответствие между производством и потреблением. Но это не так. Закон стоимости на самом деле не предполагает такого соответствия, ибо движение стоимости находится в отношениях обратной пропорциональности как с ростом производительности труда, так и с возвышением потребностей. И, наоборот, соответствие производства и потребления достигается тогда, когда потребительная стоимость продукта превышает затраты труда на его производство. Этого рода диспропорциональность (неравновесность) как раз и обеспечивает пропорциональность производства и потребления, поскольку здесь осуществляется возвышение потребностей и их удовлетворения при минимизации трудовых затрат.

Этот принцип – главное в определении закона потребительной стоимости, ибо им объясняется все то, что не подпадает под объяснительную силу закона стоимости, например, понимание того, почему при эквивалентном обмене на жизненные средства рабочая сила производит прибавочную (дополнительную) стоимость. Превосходство результата труда по своей полезности (потребительной стоимости) над затратами труда на его достижение составляет, по нашему глубокому убеждению, смысл и назначение человеческой деятельности и всего развития общества. Поэтому объяснению того, как, по каким законам происходит прирост потребительной стоимости (полезности), нужно уделить особое внимание.

Здесь нельзя ограничиться абстрактным и простым определением закона потребительной стоимости: объяснением зависимости величины затрат труда от потребительной стоимости продукта и их пропорциональности по условиям потребления. Речь должна идти о возрастании, увеличении, получении прибавочной (дополнительной) потребительной стоимости. Для решения этих вопросов требуется более глубокое, сущностное определение самой потребительной стоимости, позволяющее понять ее динамику, изменение степени полезного эффекта блага. Подобно тому как для объяснения самовозрастания стоимости (производства прибавочной стоимости) недостаточны законы простого товарного хозяйства, так и для понимания процесса увеличения потребительной стоимости факторов и продукта производства нельзя ограничиваться знаниями того, что полезность продукта и потребность в нем обуславливают время, необходимое для его производства, и что время и труд должны распределяться пропорционально потребностям в определенной массе потребительных стоимостей. Необходимо еще знать закон, согласно которому прирастает потребительная стоимость факторов производства в процесс их

производительного потребления, а также полезность самого труда в процессе индивидуального потребления. Для этого надо предварительно определить потребительную стоимость основных факторов производства – средств производства и рабочей силы с точки зрения их участия в увеличении потребительной стоимости результата производства, в создании новой производительной и потребительной силы общества.

Известно, что согласно закону стоимости, средства производства лишь переносят свою стоимость на продукт по мере их износа. Что касается потребительной стоимости материальных средств производства, то она, реализуясь в производственном потреблении, сводится, в конечном счете, к замещению ими живого человеческого труда, к его высвобождению и, следовательно, к повышению производительной силы функционирующего труда. Конечно, это не исключает маргиналистской характеристики средств производства или производительных благ с точки зрения их служения удовлетворению человеческих потребностей, а также соответствующего определения их ценности через ценность создаваемого при их помощи продукта, в частности заключительного, конечного продукта, удовлетворяющего непосредственно человеческие потребности.

Проблема заключается в том, как определить полезность (ценность) самого этого конечного продукта, что взять для его оценки вместо субъективного критерия полезности. Трудовая теория потребительной стоимости предлагает для этого вполне объективный критерий – замещение, высвобождение средствами производства живого человеческого труда. Потребительная стоимость машины, как известно, – это замещение ею живого труда. Прошлый труд, овеществленный в виде потребительной стоимости средств производства, в этом случае выступает как средство высвобождения живого труда или уменьшения численности рабочих. При этом высвобождаемого труда должно быть больше, чем было затрачено на создание данных средств производства, на достижение данной экономии труда. Затраты же абстрактного труда (издержки производства), образующие стоимость, составляют некую антиполезность, должны вычитаться из полезного действия средств производства, из их потребительной стоимости. В итоге разность между высвобождаемым и затраченным трудом будет характеризовать величину полезности средств производства, их потребительную стоимость, реализуемую в процессе их производительного потребления.

По отношению к продукту производства потребительная стоимость средств производства и рабочей силы реализуется в более высокой потребительной стоимости самого продукта, которая, однако, выявляется в процессе его последующего

производительного потребления в виде, с одной стороны, новых материальных средств (техники), с другой – жизненных средств, потребляемых рабочей силой. Продукт, вступая в качестве средств труда в новый процесс труда, утрачивает свой характер продукта, становится “жизненным” средством труда.

Из определения потребительной стоимости продуктов труда, реализуемой в их потреблении как факторов производства, средств труда и рабочей силы, следует, что их потребительная стоимость может быть сведена к одной и той же основе – высвобождаемому, незатраченному труду, взятому в соотношении с затраченным на их производство трудом. Эта общая основа делает потребительные стоимости соизмеримыми. Тем самым получает решение одна из серьезнейших проблем экономической науки – соизмерение потребительных стоимостей, причем оно осуществляется на объективной, трудовой основе – посредством единицы высвобождаемого, сэкономленного труда. Отпадает, следовательно, тезис о несоизмеримости разнородных потребительных стоимостей, о том, что они могут соизмеряться только косвенно, через затраты труда (стоимость), хотя и учитывающие условия потребления.

Итак, закон потребительной стоимости в его сущностном виде выражает экономическую связь между трудом, высвобожденным в результате реализации конкретного труда в полезных свойствах продукта при его потреблении, и трудом, затрачиваемым на производство этого продукта.

Полезные свойства продукта, его потребительная стоимость в данном случае заключаются в совокупной величине замещаемого, незатрачиваемого труда, получаемого в будущем при использовании продукта в качестве средства производства или жизненного средства. На той и другой стороне отношения выступает труд, составляющий общую платформу для их взаимодействия и соизмерения: труд выполняет свое назначение создателя продукта в качестве конкретного труда, реализующегося в полезностных свойствах продукта, и сохраняет свое значение затрачиваемого рабочего времени на производство данного полезного эффекта, причем в количестве, определяемом объемом потребности в этом продукте. Закон, таким образом, выражает условия и предпосылки движения труда как источника потребительностоймостного богатства, а вовсе не изменение натуральных свойств продукта, или движение потребительной стоимости как носителя меновой стоимости, ибо в таком смысле потребительная стоимость относится к товароведению.

Сферой действия закона производства потребительной стоимости остается труд, рассматриваемый в качестве источника материального богатства. Теория закона исходит

из решающей роли труда и с этой точки зрения методологическим принципом исследования движения потребительной стоимости выступает трудовая концепция. Сохраняет силу и отношение произведенного полезного результата к источнику своего происхождения – реальному труду и к его естественной мере – рабочему времени. Дело лишь в том, что это время перестает служить измерителем потребительной стоимости. Им выступает уже не затраченное, а высвобождаемое время. В этом суть решения проблемы. Поиски единицы (предела) полезности наподобие особому весу самой тяжести или особой температуре самой теплоты не могли увенчаться успехом, ибо в такой постановке эта проблема не разрешима. Отсюда обращение к субъективным оценкам полезности. Между тем закон потребительной стоимости имеет не менее четкую количественную определенность, чем закон стоимости. Потребительная стоимость любого продукта может быть сведена к одинаковой основе – высвобождаемому, благодаря использованию его полезности, живому труду, а единица этого сэкономленного труда может служить не менее добротной мерой потребительных стоимостей, чем единица затраченного, овеществленного в них общественного труда для измерения стоимостей. Надо лишь иметь в виду, что экономия труда в роли полезного эффекта не имеет затратного характера, а потому единицей его измерения служит высвобождаемый труд, соизмеряемый с затратами труда на достижение указанного полезного эффекта. Во что превращается этот излишек труда – это другой вопрос. Обычно его связывают с социальной отдачей в виде свободного времени.

Величина потребительной стоимости продукта, соответственно, определяется экономией общественного труда, рассчитываемой как разность между количеством высвобожденного живого труда и объемом труда, затраченного на достижение данного полезного эффекта. Как в первом, так и во втором случае речь идет о труде, выраженном одной и той же мерой (временем), что создает общее основание для их соизмерения. Сведенные к нему различные потребительные стоимости становятся количественно сравнимыми. Их нельзя выразить количеством воплощенного в них труда. К ним применяется другое мерило, которое лежит вне природы продукта как меновой стоимости.*

Этой мерой, не обнаруживаемой в рамках отношений меновой стоимости и стоимостной формулы, является, повторяем, сэкономленный, незатраченный труд, т.е. совсем не тот труд, который овеществляется в продукте, затрачивается на его производство. Общественно необходимые затраты труда из доминанты превращаются в

* «В качестве потребительной стоимости, – отмечал К.Маркс, – предложение вовсе не измеряется овеществленным в нем рабочим временем, а к нему применяется такое мерило, которое лежит вне его природы как меновой стоимости» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 389).

условия производства потребительной стоимости. Если в законе стоимости потребительная стоимость продукта выступает в роли ограничителя стоимости, то в законе потребительной стоимости такую роль уже выполняют затраты рабочего времени. Они, не теряя своей функции созидающей продукт субстанции, тем не менее не могут составлять меру его потребительной стоимости. Высвобождаемый последней труд должен быть больше затрачиваемого. Нарушается, следовательно, стоимостное равенство. Вместо него принципом хозяйствования становится другое правило: труд по условиям производства должен быть меньше труда по условиям потребления. Соответственно, на практике хозяйство должно вестись так, чтобы результаты производства росли быстрее, чем затраты, чтобы наращивание вклада в удовлетворение потребностей происходило при наименьших затратах всех видов ресурсов. Такая желаемая всеми практика соответствует закону потребительной стоимости.

Поэтому нельзя полагать, что закон потребительной стоимости не имел и не имеет отношения к практике. Вплоть до возникновения капиталистической рыночной экономики в хозяйствах прежних формаций господствующим было производство потребительной стоимости. И в наше время, когда речь идет о развитии производительных сил (техники, технологии, труда), пользуемся потребительностоимостными категориями. Вся практика измерения производительности труда, например, базируется на потребительностоимостных принципах.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.
2. Там же. С.214.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 50.
4. Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967. С. 369.

ГЛАВА 3. ОТ КАПИТАЛА К ТРУДУ

§ 1. Капитализм под маской постсовременности.

Постэкономическое (постиндустриальное) общество в концепциях постмодернистов предстает еще в одном парадоксальном качестве – обществом без труда. Капитализм же под названием экономического (индустриального) общества, наоборот, изображается трудовым обществом.

Как можно объяснить подобную нелепицу? Если следовать модернистским дихотомическим теориям, то постсовременному нетрудовому обществу должен быть противопоставлен (по правилам дихотомического деления) ретроасимметричный тип общества, т.е. нетрудовому – трудовое общество.

Главная же причина в другом – в нежелании называть капитализм обществом, где господствует не труд, а капитал. В этом случае была бы обнажена эксплуататорская сущность капитализма, что невыгодно для его защитников. Отсюда и попытки деконструировать социальную сущность капитала, заменяя ее вещными характеристиками: индустриализмом, преобладанием производственного труда, потребительством и т.д.

Нельзя, однако, оправдать отечественных авторов, которые не только защищают концепцию «смерти труда» во имя торжества капитала, но и причисляют К. Маркса к социологам, считающим капитализм обществом труда. «Все они (имеются в виду К. Маркс, М. Вебер и Э. Дюркгейм – В. Е.), - пишет Н.Л. Полякова, - описывали одно и то же трудовое общество, в котором особую роль играла система производства и разделения труда»¹.

Более того, автор этого суждения полагает, что применение понятия «трудовое» к обществу, которое ранее называлось капиталистическим, индустриальным и т.п. «позволяет взглянуть на него совершенно по-новому и предполагает совершенно новую интерпретацию, исходящую из иной исторической перспективы»², ибо дает возможность создать социологическую теорию, которая уже не исходит из первенства общественного бытия, поскольку труд сменяется информацией.

Как же на самом деле определял сущность капиталистического общества К. Маркс? Он, конечно, не отрицал того, что производство, труд составляют основу, обеспечивающую существование любого общества, в том числе и капиталистического. Но из этого не следовало, что общественный строй каждого общества, определяемого производством, не обладает своей спецификой, характеризующей его историческую сущность. Что касается капиталистического общества, то его сущностью, по К. Марксу, является капитал, но не как вещь, и не просто как стоимость, а как общественное отношение, выражающее процесс извлечения из наемного труда прибавочной стоимости благодаря господству капитала над трудом. «Необходимо, - писал он, - точно развить понятие капитала, так как оно является основным понятием современной политической экономии, подобно тому как сам капитал, - абстрактным изображением которого служит его понятие, - является основой буржуазного общества»³. Не случайно К. Маркс назвал свой труд «Капиталом», т.е. понятием, точно выражающим сущность общественного строя капиталистической формации.

Каким выглядит капитализм в его современном виде, если подходить к его оценке с позиций этой его сущности? Его, конечно, никак нельзя трактовать как «послесовременность», ибо это было бы бессмыслицей, т.е. называть тем, чего нет. Что же касается ныне существующей капиталистической действительности, то для ее характеристики обратимся к оценкам, содержащимся в недавно изданной в России книге известного американского социолога и экономиста И. Валлерстайна «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» (СПб., 2001).

Автор книги исходит из того, что в настоящее время в мироэкономике существует лишь одна миросистема, которой является не постэкономика, а мироэкономика, и которая по определению является капиталистической, а не посткапитализмом, ибо социализм предполагает создание нового типа миросистемы, но ныне он, по мнению И. Валлерстайна, составляет периферию мировой системы капитализма⁴.

Действие капиталистической миросистемы он характеризует двумя фундаментальными противоречиями. Первое – это противоречие, на которое указывали марксисты XIX в., и которое он сам формулирует следующим образом: в то время как в краткосрочной перспективе максимизация прибыли требует максимизации изъятия прибавочного продукта из непосредственного потребления большинства, в долгосрочной перспективе непрерывное производство прибавочного продукта требует массового спроса, который может быть создан лишь перераспределением этого прибавочного продукта.

Второе противоречие, которое он связывает с работами Мао Цзедуня, сводится к тому, что подкуп оппозиции правящим классом с каждым разом растет в цене и перестает приносить выгоды этому классу⁵. Что касается функционирования производства, то оно базируется на центральном противоречии – противоречии труда и капитала⁶.

Все эти противоречия вызвали и обостряют кризис всей мировой капиталистической системы, причем речь идет не просто о циклическом спаде, а о вековой тенденции, поворотном пункте, когда поддержание деятельности системы как таковой уже не является осуществимым делом и жизнеспособным выбором. «Вопрос состоит в том, вступила или вступает историческая система, в которой мы живем, капиталистический мир – экономика, в такое время хаоса»⁷.

Отвечая на поставленный вопрос, И. Валлерстайн утверждает, что начало третьего тысячелетия (2000 – 2025 гг.) – это начало хаоса, расширение флуктуаций, в результате которых трудно будет вернуть систему в равновесие. Это новое состояние отличается от прошлого тем, что: 1) уменьшается способность государства поддерживать внутренний порядок; 2) люди начинают искать защиты с помощью всякого рода общественных групп, в том числе этнических, религиозных и др. как альтернативы гражданскому обществу и участию государства; 3) усиливается экспансия рода, миграция населения юга в северные районы; 4) еще более распространяется «черная смерть» - спид⁸.

В итоге после так называемой бифуркации, в 2050 или 2075 гг. «мы больше не будем жить в капиталистическом мире-экономике, вместо нее мы будем жить в каком-то новом строе или в новых строях, в какой-то новой исторической системе или системах»⁹. Если же такие оппозиционные силы как антисистемное движение и частные предприниматели во всемирной классовой борьбе окажутся сильнее сил, стоящих у власти, то в конце концов «мы увидим завершение перехода от капитализма к социализму с отмиранием государства и межгосударственной системы»¹⁰.

Из характеристики И. Валлерстайном современной капиталистической миросистемы следует, что существующие на Западе страны не вышли и не могли выйти за пределы капиталистического строя, их нельзя назвать посткапиталистическими, а капитализм объявить несуществующим. Наш отечественный автор В. Л. Иноземцев, к сожалению, продолжает настаивать на том, что эти страны уже стали постиндустриальными, эволюционировали за пределы капитализма, в них якобы прибавочный продукт уже служит всему обществу, о чем свидетельствует большая доля государственного бюджета в валовом внутреннем продукте этих стран¹¹.

Другие отечественные авторы, выступая от имени левой оппозиции, в этом вопросе тоже попали под влияние постмодернизма. Так, например, Б. Валентинов не прочь государственный капитализм признать за социализм, а капитал (общественный и частный) – работающим в интересах народа. Деконструируя на манер постмодернизма понятие социализма, он его называет государственным капитализмом. Чем большую часть необходимого и прибавочного продукта трудящихся государство будет изымать в виде налогов в государственный бюджет, тем вроде бы общество будет ближе к социализму¹².

Хорош был бы социализм, если бы основную часть своего внутреннего продукта тратил на обслуживание армии, милиции, государственных чиновников и т.п. Достаточно сказать, что в России в 1999 году в валовом внутреннем продукте производство товаров занимало всего 40,9 % , а производство услуг – 50,1%¹³, т.е. в этом отношении Россия догнала или перегнала США, что должно было свидетельствовать о торжестве социализма в современной России по сравнению с США.

На самом деле это свидетельствует о возвращении России к капитализму и переделке ее экономики по требованиям западной модели капитализма – по модели монетаризма. К сожалению, некоторые социалистические авторы этого не хотят признать. Какой же строй ныне в России? – спрашивает, например, А. Гилле и отвечает: рынка, рыночных отношений в смысле капитализма в России определено нет и не предвидится. Есть крепостное право, элементы феодализма. Государство – не буржуазное, не капиталистическое, а нечто вроде коллективного помещика¹⁴. Другой автор, Г. Элевтеров, также считает, что в современной России никакого рынка нет, нет настоящего акционерного капитала, фондового рынка, банковской системы, малого бизнеса¹⁵. Это говорить в то время, когда даже США признали Россию страной с рыночной экономикой, то есть капиталистической страной.

В действительности мы имеем капитализм, реставрированный по образцу самой приспособленной к грабежу населения модели – по монетаристской системе США. Разница лишь в том, что у США имеется возможность грабить весь мир, а у капиталистической России этой возможности нет, и ей пришлось и приходится грабить лишь свой народ: отобрали у него собственность на средства производства, теперь отбирают собственность на землю, а ещё раньше путём ваучеризации отобрали народные сбережения. Разве это не последнее слово в практике капиталистического грабежа! Разве ваучер не новое «завоевание» российских монетаристов!

Можно понять человеческие эмоции, когда российский капитализм называют диким, воровским, криминальным и т.п. От этого капитал краснеть не станет и не будет оправдываться в том, что он всегда так возникал или реставрировался. Другое дело, когда хотят «научно» обосновать дикость российского капитализма. По модернистским рецептам ретроальтернативы его дихотомическую симметрию ищут в архаике. Уже упоминавшийся Ю.Н. Давыдов, например, российский капитализм считает разновидностью архаического, древневосточного государственного капитализма. «Тот факт, - пишет он, - что мы имеем с ним дело сегодня, ещё не даёт нам никаких оснований считать его современным капитализмом. Типологически он гораздо ближе схож с «архаическим» капитализмом, заставляя ожидать от него то же самое, что он неизменно демонстрировал и продолжает демонстрировать сегодня на Западе»¹⁶. Но эти ожидания, по его мнению, напрасны, ибо удел России с её базарным капитализмом – катиться дальше вниз. Ей уготовлены «необратимый тотальный регресс – движение к деиндустриализации и демодернизации»¹⁷, т.е. эволюция вспять, к архаическим способам хозяйствования, доминировавшим в глубокой древности, а впоследствии отеснённым на периферию капитализма новоевропейского типа.

Для чего придумывается этот возврат к архаике? Для того, чтобы скрыть необратимость регресса всего мирового современного капитализма. Капитализм России не архаический (он скроен по рецептам западных советников). Вполне вероятно, что с него начнется разложение мировой капиталистической системы, поскольку вхождение в нее России идет полным ходом. Можно предположить, что антисистемное протестное движение тоже начнется с России, которая вновь может оказаться слабым звеном уже полностью созревшей мировой экономической системы капитализма.

Нельзя сбрасывать со счетов как общие процессы, ведущие к самоотрицанию системы капитализма в XXI в., так и всемирноисторические гуманитарные результаты, достигнутые человечеством на базе социализма в СССР, в Китае и других странах.

Еще в 1902 г. при обсуждении проекта Программы РСДРП по поводу плехановской формулировки целей социалистической революции («планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов») В.И. Ленин возражал: «Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать «за счет всего общества (ибо это включает и планомерность и указывает на направителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества». Как

известно, в СССР бесплатно трудящимся предоставлялось жилье, образование, медицинская помощь, в связи с чем наши «демократы» любят ерничать о бесплатном сыре в мышеловке... И как будто для них В.И. Ленин дополнительно разъясняет: «Такое «удовлетворение» «дает» и капитализм, но не всем членам общества и неодинаковое»¹⁸. А опыт СССР убедительно показал, что именно бесплатный социальный сектор обеспечивал на старте равные возможности для развития способностей всех людей, выявляя их таланты.

Научно-техническая революция, будучи величайшей революцией в производительных силах человечества, ярко высвечивает перспективы его прогресса; и наиболее глубокие аналитики на Западе стали о них говорить словами, напоминающими цитаты из К. Маркса и В. И. Ленина. Известный американский социолог и психолог Э. Фромм среди важнейших качеств Нового Человека называет «всестороннее развитие человека и его ближних как высшую цель жизни»¹⁹. Основатель знаменитого Римского клуба итальянец А. Печчеи убежден в «необходимости полного и всестороннего развития возможностей и способностей всех людей планеты, как неперемennого условия преодоления существующего неравенства и обеспечения здоровой и достойной жизни каждого. Именно этим целям должны быть подчинены все стратегии, политические программы и перспективные планы развития в национальных и глобальных масштабах»²⁰. Из подобных высказываний западных аналитиков можно составить целую книгу.

После разгрома фашизма возникло 13 новых социалистических государств. Сформировалась мировая система социализма, на долю которой приходилось 26% территории, 32% населения мира и 40% мирового промышленного производства. Это придало особую актуальность старой проблеме направленности исторического процесса. В 70-80-х годах на Западе модными становятся теории конвергенции капитализма и социализма (П. Сорокин, Дж. Гелбрейт, А. Сахаров и др.) и теория постиндустриального общества (Д. Белл, Р. Дарендорф, Э. Тоффлер и др.). Если раньше нормой была трактовка социализма как случайного отклонения от «естественного» пути западной цивилизации, то эти теории исходят из предпосылки, что капитализм и социализм имеют равное право на существование, и дальнейшее развитие человечества будет осуществляться путем их сближения и слияния. Изучение этих теорий убеждает, что они отражают процесс модернизации капитализма, вынужденного допустить многие новшества явно социалистического характера (регулирование и планирование производства государством, развитие бесплатного социального сектора, привлечение рабочих к управлению производством, выкуп рабочими предприятий в собственность рабочих кооперативов и

др.), что вполне обоснованно можно квалифицировать как самоотрицание капитализма. Даже Папа Римский Иоанн Павел II признает, что современный капитализм «изменился во многом благодаря социалистической идее, ...он изобрел социальные амортизаторы, благодаря деятельности профсоюзов, разработал социальную политику, оказался под контролем государства и профсоюзов»²¹. Конечно, в названных теориях есть и желание замаскировать антинародную сущность капитализма, объявить его несуществующим – «посткапитализмом» (термин Дарендорфа), информационным обществом и т. п.

Поражение СССР в «холодной войне» настолько обрадовало многих западных социологов, что они заключили о завершении прогресса человечества на стадии капитализма, о чем на весь мир объявил сотрудник Госдепартамента США проф. Ф. Фукуяма в нашумевшей работе «Конец истории» (1989), а З. Бжезинский в книге «Великая шахматная доска» (1997) подробно расписал военно-политическую стратегию США по обеспечению такого конца истории, т. е. для надежного господства США над всем миром²². В России появились свои антисоветские и антикоммунистические варианты теорий постиндустриального общества²³.

Однако крот истории продолжает свою работу, и процесс самоотрицания капитализма углубляется и расширяется. В июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро ООН провела конференцию по окружающей среде с участием государственного руководства и ученых 180 стран. Основательное обсуждение проблем экологического кризиса и надвигающегося ресурсного кризиса явно неразрешимы в условиях глобального диктата США (на их долю приходится 5% населения мира и 40% потребляемых энергетических и других ресурсов), в условиях рыночной стихии и частной собственности на новейшие технологии. Поэтому конференция провозгласила задачу поиска новой модели мирового развития, отличной от господствующей, т. е. капиталистической.

В марте 1995 года в Копенгагене ООН провела конференцию по социальному развитию с участием руководства и ученых 184 стран. В принятой здесь Декларации в качестве важнейшей цели развития на ближайшие годы рекомендуется достижение полной занятости работников и искоренение нищеты, бедности во всем мире. Иначе говоря, мировое сообщество признало те цели общественного развития, которые еще недавно оценивались как марксистская утопия и коммунистическая пропаганда. Нельзя не заметить также, что наши СМИ скрыли от своего народа информацию об этих конференциях – такой на деле оказалась ельцинская «свобода слова».

Все сказанное явилось, на наш взгляд, научно-психологической предпосылкой, ориентацией для одной интереснейшей инициативы ООН, которую без особого преувеличения можно оценить как поиск современного критерия общественного прогресса. В 1990 году в ООН была разработана Программа Развития (ПРООН) как противовес узкопрагматической программе «стабилизации и структурной перестройки», возникшей в начале 80-х годов в недрах Международного валютного фонда и Всемирного банка. «Устойчивость, однако, едва ли имеет смысл, если она означает устойчивость убогих и жалких жизненных возможностей: не может быть целью устойчивость человеческих лишений»²⁴. К работе над программой были привлечены значительные силы исследователей, которые ежегодно публикуют Доклады о развитии человека, начиная с 1990 года. К настоящему времени опубликовано более десятка объемистых выпуска, каждый из которых посвящен отдельной теме: 1996 – экономический рост и развитие человека, 1997 – развитие человека и ликвидация нищеты, 1998 – потребление в рамках процесса развития человека и т. д. 120 стран к настоящему времени представляют в ООН свои национальные доклады; Россия это делает, начиная с 1995 года.

Программа развития исходит из того, что «подлинным- богатством страны является ее народ. Цель развития состоит в создании для людей условий, в которых их жизнь была бы долгой, здоровой и наполненной творчеством. Эту простую, но важную истину часто забывают в погоне за материальными и финансовыми благами», – такими словами открывается первый Доклад (1990 г.). Все Доклады строго ориентируются на развитие человека, как высшую цель развития общества. «Для того, чтобы справиться с растущей угрозой безопасности человека, необходима новая парадигма развития, которая отдает человеку приоритет в развитии, которая рассматривает экономический рост как средство, а не как цель, которая защищает жизненные возможности настоящих и будущих поколений, которая уделяет внимание природной среде, обеспечивающей жизнь»²⁵.

Администратор Программы Развития Джеймс Густав Спет в предисловии к Докладу за 1997 год подчеркивает: «Основной мыслью через весь доклад проходит утверждение о том, что нищета не является больше чем-то неизбежным. В мире достаточно как материальных, так и природных ресурсов, «ноу-хау» и людей для того, чтобы превратить в реальность мечту о «безбедном» обществе за период менее срока жизни одного поколения... Около 160 лет тому назад весь мир сплотился для борьбы с рабством. Сегодня мы все должны объявить аналогичную войну нищете»²⁶.

Нищета при этом рассматривается, как главная помеха на пути развития человека: «Нищета с точки зрения развития человеческого потенциала означает полное отсутствие

выбора и возможностей, позволяющих вести нормальный образ жизни»²⁷. «У нищеты множество лиц. Это нечто гораздо большее, чем просто низкий уровень доходов. Сюда также входит неадекватность системы здравоохранения и образования, отсутствие доступа к знаниям и коммуникации, отсутствие возможности реализовать права человека и политические права, а также отсутствие уважения, уверенности и чувства собственного достоинства. Кроме того, наблюдается процесс экологического обнищания и обнищание целых стран, где практически все население живет в условиях нищеты. За столь различными обликами нищеты лежит мрачная реальность жизни в отчаянии, без какого-либо выбора и, нередко, в стране правительство которой не в состоянии что-либо изменить»²⁸.

Уже в первом докладе (Отчете) о развитии человека (1990) был введен специальный критерий для измерения развития человека, объединивший показатели ожидаемой продолжительности жизни, образования и дохода на душу населения. Это критерий получил свое наименование: Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

ИРЧП устанавливает максимум и минимум для каждого измерения (на основании статистических данных за длительный период), затем определяется где находится каждая страна относительно каждой из этих шкал, которые выражены величинами от 0 до 1. Так, поскольку минимальная грамотность взрослых составляет 0%, а максимальная – 100%, то показатель грамотности для страны, где грамотность составляет 75%, будет 0,75. Подобным образом формируются показатели ожидаемой продолжительности жизни и доходов; показатели для этих трех измерений затем интегрируются в общем индексе – ИРЧП.

Считается, что страны с ИРЧП ниже 0,5 имеют низкий уровень человеческого развития, страны с индексом в диапазоне 0,5 – 0,8 – средний уровень, а страны с Индексом выше 0,8 – высокий уровень развития. В ежегодных Докладах публикуются показатели и рейтинги ИРЧП для разных стран мира. Так, в Докладе за 2000 год в таблице рейтинга ИРЧП первую пятерку составили Канада, Норвегия, США, Австралия и Исландия; Россия занимает 62 место среди 174 стран, Белоруссия – 57, Украина – 78 и т. д.

Мировые потребительские расходы (частные и государственные) за последние 25 лет удвоились и составили в 1998 году 24 триллиона долларов; ожидаемая продолжительность жизни с 1960 года увеличилась с 46 до 62 лет в развивающихся и с 69 до 72 лет в промышленно развитых странах; уровень грамотности взрослого

населения вырос с 48% в 1970 г. до 70% в 1995 г. и т. д. Но за этими средними цифрами скрываются величайшие контрасты и вопиющие и несправедливости; в целях их отражения были введены в Докладе за 1997 год ИНН – индекс нищеты для наименее развитых стран, в Докладе за 1995 года ИРГФ – индекс развития с участием гендерного фактора, т. е. диспропорцией между мужчинами и женщинами и т. д.

Особое внимание в Докладах уделяется анализу растущего разрыва между странами «золотого миллиарда» и развивающимися странами. Реальные цены на сырье в 1990-е годы были на 45% ниже цен 1980-х годов и на 10% ниже самого низкого уровня периода «великой депрессии» 1932 года. Условия торговли для наименее развитых стран за последние 25 лет ухудшились на 50%. Ограниченный или неравный доступ к глобальным рынкам стоит развивающимся странам 500 млрд. долларов ежегодно, т. е. в 10 раз больше, чем они получают от зарубежной помощи. В итоге общая сумма долга развивающихся стран выросла за неполные три десятилетия в 22 раза – со 100 млрд. долларов в 1970 г. до 2,2 трлн. долларов в 1997. Поэтому в 70 странах, с численностью населения один миллиард человек, уровень потребления сегодня ниже, чем 25 лет тому назад. Происходит абсолютное обнищание их населения.

Таковую же перспективу Запад, его Международный валютный фонд упорно навязывает народам СНГ, в том числе и России. Резкое падение ВВП в странах с переходной к капитализму экономикой¹ в восточной Европе и СНГ вызвало не менее резкий рост нищеты по доходам – с 4% в 1988 до 32% в 1994 году, т. е. с 14 до 119 млн. человек; в России «за это время ожидаемая продолжительность жизни мужчины уменьшилась более чем на четыре года и составила 60 лет, что на два года меньше показателя для развивающихся стран»²⁹.

Администратор ПРООН Джеймс Густав Спет подчеркивал: «если современные тенденции будут продолжаться, то экономические различия между промышленно развитыми и развивающимися странами из несправедливых превратятся в бесчеловечные»³⁰. Увы, не только здесь, но и в других сферах развития настойчиво насаждается бесчеловечность, уродуется природа человека, развращается и расчеловечивается человек. В Докладе за 1998 г., посвященном анализу потребления, по этому вопросу представлен огромный и весьма доказательный материал. Эта разрушительная тенденция явно высвечивается в таблицах мировых приоритетов потребления (ежегодные расходы в миллиардах долларов). Затраты на военные расходы составили во всем мире 780, на рекламу – 435, на наркотики – 400, на алкогольные напитки в Европе – 105, на сигареты в Европе – 50 миллиардов долларов.³¹

О многих событиях и фактах, зафиксированных в Докладе за 1998 год, нельзя без возмущения писать и говорить. Сегодня государственное и личное потребление в Африке на 20% меньше, чем было 25 лет назад; средняя продолжительность жизни южнее Сахары не превышает 50 лет, но более 250 тыс. специалистов из Африки работают в США и Европе.

Только в Западную Европу ежегодно ввозятся 500 тысяч девочек и женщин в целях сексуальной эксплуатации, и доходы от этой новой формы рабства оцениваются в 7 млрд. долларов. Примерно 15 000 девочек и женщин из России и стран восточной Европы работают в «кварталах красных фонарей» Германии.

Главной статьей экспорта из США являются не самолеты и автомобили, а отвлекающие развлечения: в 1997 г. валовой доход от мирового проката голливудских фильмов составил 30 млрд. долларов. Доля Голливуда на кинорынке Европы составила 70%, в Латинской Америке – 83%, в Японии – 50%; но в самих США иностранные фильмы составили всего 3%. Поистине, у денег голос значительно громче, нежели у потребностей людей, не говоря об их совести и гуманности...

Доклады ООН о развитии человека убедительно свидетельствуют, что тенденция самоотрицания капитализма становится ведущим социальным мотивом развития в новом столетии. Концепция всех докладов исходит из убеждения, что «справедливость является равенством возможностей», а вовсе не равенством конечных результатов. Каждому человеку и каждому поколению представляется лишь возможность оптимального использования своих потенциальных способностей. Как они используют реально свои возможности и каких результатов добьются, является вопросом их собственного выбора. Однако они должны иметь возможность такого выбора, как сейчас, так и в будущем»³².

Не только это принципиальное положение возвращает нас к ленинскому пониманию целей социалистической революции; все Доклады ООН подтверждают, что идея устройства общества на социалистических началах находит растущее, пусть и неадекватное, понимание. Нельзя поэтому не согласиться с проф. Ф. А. Хайеком, посвятившим всю свою жизнь борьбе против социализма, когда он пишет в своей главной и последней книге, что «в принципе, чем умнее образованный человек, тем более вероятно, что он (или она) разделяет не только рационалистические, но и социалистические взгляды»³³. Среди таких Хайек называет Эйнштейна, Кейнса, Борна, Рассела, Моно и других корифеев науки. Можно не сомневаться, что грядущие события

будут ускоренно просвещать не только интеллигенцию, но и всех работников наемного труда.

Ни Чингисхану, ни Наполеону, ни Гитлеру не удалось и близко подойти к осуществлению мирового господства, а ныне, увы, уже становится реальностью планетарная диктатура самого агрессивного, самого хищного и наглого американского империализма. Крот истории и русская птица мудрости – Жареный петух – помогут понять, что весь мир объективно движется к социализму.

Материалы Программы Развития очень важны и интересны для уяснения того, что реставрация капитализма в России – событие временное, исторически случайное и безнадежно тупиковое, ибо оно противостоит не только коренным интересам и традициям нашего народа, но и закономерной направленности прогресса современного человечества. Поэтому народно-патриотическим силам России есть смысл заинтересоваться этими материалами и всерьез позаботиться об их использовании и популяризации. Доклады ООН «вызывают оживленные научные обсуждения на страницах журналов и на различных семинарах. Они захватили воображение многих людей во всем мире, вызывая к жизни критику и дискуссии, оригинальные разработки, разного рода усовершенствования и добавления»³⁴. Во всем мире, но не в России. Здесь и Доклады ООН остаются неизвестными для научной общественности, скрываются от народа, хотя они издаются и на русском языке, который с самого начала ООН был признан одним из рабочих языков.

1. Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990. С.7.
2. Там же.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 288.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуации в современном мире. СПб., 2001. С. 57.
5. Там же. С. 56-57.
6. Там же. С. 409.
7. Там же. С. 350.
8. Там же. С. 365-369.
9. Там же. С. 370.
10. Там же. С. 398.
11. Иноземцев В. Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С. 13.
12. Валентинов В. Оболгали мечту // Советская Россия. 8 декабря. 2001.
13. Россия – 2000: экономическая конъюнктура. Вып. 2. М., 2000. С. 19.
14. Советская Россия. 23 октября. 2001.
15. Советская Россия. 25 октября. 2001.

16. Давыдов Ю.Н. Куда пришла Россия // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. № 1. С. 96, 102.
17. Там же. Т. II. № 4. С. 109.
18. Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 6. С. 232, 248.
19. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 193.
20. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 205.
21. «За рубежом». 1993. № 46-47. С. 3.
22. Фукуяма Ф. Конец истории. // «Вопросы философии». 1990. № 3. Бжезинский З. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1998.
23. Попов Г. Х. Будет ли у России второе тысячелетие? М., 1998; Иноземцев В. Л. За десять лет. Концепция постэкономического общества. М., 1998.
24. Отчет по человеческому развитию за 1994 год. Нью-Йорк. 1994. С. 13.
25. Там же. С. 3-4.
26. Доклад о развитии человека за 1997 год. Нью-Йорк. 1997. С. III-IV.
27. Там же. С. V.
28. Там же. С. III.
29. Там же. С. 85.
30. Доклад о развитии человека за 1996 год. Нью-Йорк. 1996. С. 40.
31. Доклад о развитии человека за 1998 год. Нью-Йорк. 1998. С. 37.
32. Отчет по человеческому развитию за 1994 год. Нью-Йорк. 1994. С. 73.
33. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 94.
34. Доклад о развитии человека за 1999 год. Нью-Йорк. 1999. С. 16.

§ 2. Несовместимость капиталистической стоимостной основы с дальнейшим развитием общества.

Каких бы названий не приобретал капитализм, под какими бы масками не выступал, даже если отказывается от признания своего существования и объявляет себя «посткапитализмом» (Р. Дарендорф), он оказывается исторически обреченным. В этом случае его идеологам ничего не остается делать как объявить капитализм завершающим историю обществом, после которого может наступить, как об этом известил мир сотрудник Госдепартамента США профессор Ф. Фукуяма, лишь конец истории. Неужели гибель капитализма приведет к гибели человечества?!

Суждения о границах общества, основанного на капитале, можно найти не только у К. Маркса, но и у многих современных авторов. Так, в книге Д. Медоуза и др. «За пределами роста» подтверждается ранее ими сделанный в книге «Пределы роста» вывод о том, что если будут продолжаться существующие тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения окружающей среды, истощения ресурсов, то пределы роста на планете будут достигнуты в течение ближайших ста лет. Что касается пределов по загрязнению в ряде областей и темпам использования ряда ресурсов, то они уже превышают допустимые границы¹. Отечественный автор М. М. Голанский полагает, что начиная с 2010 года будет происходить спад всей мировой экономики, будут положен конец развитию и саморазвитию, причем к этому приводит капиталистический рынок².

И. Валлерстайн полагает, именно современный капитализм стал умирающим, вступил в последнюю стадию своей жизни. Причина, по которой существующая капиталистическая миросистема вошла в эту стадию, состоит в том, что механизмы, которые применялись, чтобы выводить мировую экономику из периодов стагнации и вновь способствовать расширению системы, столь необходимому для накопления капитала, теперь включили в себя движение по асимптотическому приближению к пределам³. Россия в этом отношении, как уже было сказано, бежит впереди всех самых современных стран капитализма и возможно первой из них вновь перейдет на другой, исторически оправданный путь – путь социализма, трудового общества.

Теоретическое обоснование дальнейшего социального и экономического развития общества самым тесным образом связано с преодолением стоимостной основы жизни, которая касается не только экономики, но и всей социальной сферы. Стоимость и ее законы, будучи законами функционирования экономической основы общественной

жизни, имеют прямое отношение ко всему тому, что обусловлено этой основой, т.е. к социальному.

Достаточно сказать, что на стоимостных критериях базируются многие социальные нормы: по стоимостным меркам оцениваются благосостояние и уровень жизни людей различных классов и социальных групп, размеры и способы получения доходов, а также состояние социального равенства и неравенства, свободы и т.д. и т.п. Так, социальное равенство на деле не равных экономически и социально людей сводится к тому, что люди относятся друг к другу как равноценные субъективированные меновые стоимости. Поскольку обмениваемые меновые стоимости имеют равную величину, то стоящие за ними индивиды в акте обмена подтверждают себя как равные друг с другом субъекты. Каждый свое предметное социальное бытие обменивает на равноценное бытие другого, т.е. в обмене субъекты оказываются равновесными по стоимости и существуют друг для друга как субъекты их эквивалентного бытия. Их одинаковая стоимостная сущность исключает специфичность их личности.

На этом же стоимостном базисе основывается и их свобода. В процессе обмена меновыми стоимостями каждый выступает по отношению к самому себе как самоцель и как средство для другого, т.е. одновременно является и целью и средством. Преследуемый каждым свой индивидуальный интерес реализуется посредством их общей обоюдной воли к обмену и тем самым осуществляется их свобода: сделка добровольная, никто никого не насилует, соблюдается общий интерес, складывающийся из суммы индивидуальных интересов.

В гуманитарных областях жизни многие процессы и явления оцениваются посредством их подведения под стоимостной принцип тождественности, равновесия: зло должно быть, по крайней мере, уравновешено добром, преступление - наказанием и т.п. Обществоведы в этом отношении походят на математиков - без знака формального равенства не решают ни одной социальной задачи.

Стоимостная эквивалентность (равнозначимость) составляет одно из исходных теоретических оснований распространенных в современном обществоведении суждений о равновесности факторов и вариантов общественного развития, а также равнозначности существующих точек зрения, концепций в науке⁴. Отсюда – настаивание на том, что, например, социология и экономическая наука могут развиваться лишь на основе плюрализма теоретических парадигм, т.е. на основе дуализма, поскольку плюрализм есть не что иное как умноженный дуализм. Эклектику и дуализм из средств, препятствующих

развитию общественной науки, предлагают превратить в условия ее “успешного” развития.

Применительно к истории общества это проявляется в отрицании того, чтобы настоящее могло превзойти прошлое, будущее - настоящее. Настоящее преподносится как “постмодерн”, ибо в нем ничего нового не допускается, оно представляется тождественным как с прошлым, так и с будущим. Во многих современных концепциях, касающихся будущего, обычно утверждается, что человеческое сообщество может сохранить себя в дальнейшем лишь при установлении глобального равновесия: силы, которые содействуют росту населения и капитала, должны уравновеситься с силами, содействующими их уменьшению⁵. Рождаемость, соответственно, должна быть равна со смертностью, инвестиции капитала - с его амортизацией и т.п. Согласно этой логике существующие пропорции богатых и бедных, разрыв в доходах которых ныне достигает соотношения 1 к 74 и более, тоже вроде бы должны уравновеситься, т.е. сохраниться, хотя об этом предпочитают не высказываться.

Модернистский способ мышления выставляет на первый план принцип тождественности исторических условий и реалий современности, что имеет опять-таки своим основанием стоимостной принцип равенства предпосылок и результатов, их обратимость. В теориях модернизации общества развитие отрицается в том смысле, что оно ограничивается приведением данной социальной системы в состояние, соответствующее уже установленным стандартам, например, стандартам западного общества с его свободным рынком, автономно-суверенными индивидами, правовым государством и т.п. Имеется в виду не спонтанное движение общества в прогрессивном направлении, а некое копирование образцов, существующих моделей. Теория неомодернизма, по словам П. Штомпки, освободила себя от всех наслоений эволюционизма и теории развития, она не настаивает ни на какой-либо конечной цели, ни на необратимом характере исторических изменений⁶.

В этих условиях вполне обоснованным выглядит суждение о кризисе гуманитарного знания, о поиске новой парадигмы в этой области. Некоторые из современных российских социологов, к сожалению, связывают этот кризис не с обнаруженной тупиковостью рыночной модели, а с марксистским подходом к социалистической ориентации общества на максимальное удовлетворение потребностей каждого человека и на его всестороннее развитие.

Между тем эту ориентацию не только марксисты, но и многие другие прогрессивно настроенные ученые необходимым образом связывают с отказом от подчинения экономики производству прибыли. Можно сослаться на авторитет А. Эйнштейна, по мнению которого производство ради лучшего удовлетворения потребностей должно сменить производство ради прибыли. Он сознавал, что экономический кризис его времени разразился из-за того, что экономическая система работала на прибыль, а не на удовлетворение человеческих потребностей.

На Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992г.) было признано, что модель развития, которую использовали богатые страны и которая предполагает систему производства во имя прибыли, исчерпала себя и дальнейшее следование ей может привести человеческую цивилизацию к краху. Конференция ООН по социальному развитию (Копенгаген, 1995г.) тоже констатировала удручающие отрицательные последствия этой модели: увеличение разрыва между бедностью большинства и богатством немногих; увеличение численности людей (свыше миллиарда), живущих в крайней бедности, многие из которых испытывают ежедневное недоедание, лишены доступа к доходам, образованию, медицинскому обслуживанию; рост безработицы (более 120 млн. человек официально признаны безработными и гораздо большее число работает не полный рабочий день); увеличение числа нетрудоспособных (каждый десятый является нетрудоспособным по болезни и принужден к бедности).

Несмотря на признание всех этих отрицательных результатов существующей модели и желание поднять ведущее значение социального развития как для настоящего времени, так и для XXI века, все же такое развитие предполагается осуществлять на стоимостной, рыночной основе. Для этого считается достаточным перейти к устойчивому состоянию существующей мировой общественной системы, к так называемому устойчивому ее развитию.

На такой основе, однако, декларируемых целей не достигнуть, невозможно не только осуществить в будущем социально-экономическое развитие, именно развитие, но и обосновать его. Это в свое время убедительно доказал Й. Шумпетер в своей книге “Теория экономического развития”. Классическая политическая экономия с ее исходной теорией стоимости, согласно Й.Шумпетеру, была и останется теорией, объясняющей статичное, стационарное, а не динамическое протекание экономических процессов. Теория этого стационарного процесса фактически образует, писал он, “основу всей теоретической экономической науки, и мы, будучи экономистами-теоретиками, не многое можем сказать о факторах, которые следует рассматривать как первопричину исторического развития”⁷.

Подобная характеристика им относится и к теории предельной полезности. Л. Вальраса он считает классиком статичного подхода к экономике: его концепция не только строго статична по своему характеру, но и применима исключительно к статичному процессу⁸.

Непригодность теории стоимости для понимания экономического и социального развития объясняется тем, что стоимость, согласно ее закону, не может превосходить затраты на ее получение, и следовательно, не может удовлетворять основному условию развития – возникновению нового и превосхождению им старого. При производстве стоимости нельзя добиться никакого превышения стоимости результата над стоимостью издержек. С этой точки зрения, ни один продукт не в состоянии обеспечить превышение над стоимостью услуг труда и земли⁹.

Как же быть тогда с прибавочной стоимостью и ее производными (прибыль, процент, рента), которые обычно считаются результатом, превышающим затраты?

В рамках стоимостного равенства, по мнению Й. Шумпетера, такого быть не может. Если речь идет о функционировании рыночного хозяйства в условиях равновесия, то прибыль как разница между нормой затрат и доходом равнялась бы нулю. «Отсутствие чистой прибыли в рыночном хозяйстве означает, что стоимость продуктов вообще не превышает стоимость средств производства. Чистой прибыли в этом смысле не существует также в замкнутом хозяйстве, поскольку в нем стоимость всех продуктов в конечном счете вменяется изначальным средствам производства.»¹⁰ Й. Шумпетер в этом вопросе вполне соглашается с К. Марксом. Свой тезис о том, что при полном равновесии процент был бы равен нулю, он считает сходным с положением К. Маркса относительно того, что постоянный капитал не производит прибавочной стоимости.

Как ни парадоксально, но рыночное хозяйство в самом совершенном (равновесном) состоянии должно было бы функционировать, не принося никакой прибыли. Такое утверждение, по мнению Й. Шумпетера, не означает, что в народном хозяйстве, когда оно лучшим образом сбалансировано, производство не дает никаких результатов. Речь идет о том, что результаты в этом случае могут быть полностью отнесены на изначальные факторы производства. Так что отрицание прибыли, ее отнесение к характеристике старой модели развития ничего еще не дают для обоснования новой модели.

Не случайны, с этой точки зрения, рассуждения отдельных современных авторов о том, что мировая экономика в своем равновесном состоянии, функционирующем на основе закона стоимости, уже дала все, что могла дать для саморазвития капиталистического хозяйства. Начиная с нового, XXI века ориентация на прибыль теряет

смысл, произойдет спад всей мировой экономики, придет конец ее развитию и саморазвитию¹¹.

В этом показном безразличии к прибыли и в непризнании прибавочной стоимости немало лукавства. Ведь известно, что прибавочная стоимость, прибыль составляют основу развития общества в условиях рыночной системы, хотя результаты этого развития достаются немногим, причем за счет тех, кто их лишается. Прибавочная стоимость и прибыль при стоимостном равновесии вовсе не исчезают. Возникают они не вне закона стоимости и не из-за его нарушения. В рамках стоимостного отношения необходимость прибавочной стоимости (прибыли) не отрицается, за ней стоит прибавочный труд. Прибавочная стоимость эквивалентна прибавочному труду, т.е. требование закона стоимости здесь выполняется. Причем это вовсе не мешает ее присвоению и отчуждению от ее создателей. Стоимостное равенство тоже сохраняется: сколько теряют одни, столько же приобретают другие.

Чтобы не ставить вопроса о присвоении прибавочного труда и прибавочной стоимости как основы эксплуатации и развития для немногих, обычно апеллируют к простому закону стоимости, к его очевидному требованию эквивалентности при обмене всего и всякого товара. И в прошлом, и в наше время можно встретить утверждения, что меновая стоимость по определению гарантирует всеобщее равенство. Если же этого не достигается, то виноваты в этом формы прибавочной стоимости (прибыль и др.), искажающие истинную сущность меновой стоимости. Этими искажениями можно пренебречь, восстановив первоначальную природу меновой стоимости. Можно обойтись без противоречий, если речь идет об исходных и развитых формах стоимости, т.е. свести прибыль, процент к отношениям простого товарного обмена, а возникающие здесь противоречия объявить обычной видимостью.

Из того, что прибыль не выводится из эквивалентного обмена, предполагаемого законом стоимости, вовсе не следует, что она не имеет экономического основания и не объясняется другой, но не стоимостной парадигмой – неэквивалентным обменом, неравновесностью. Если ее невозможно объяснить из эквивалентного обмена стоимости на стоимость, то это не значит, что нельзя ее вывести из неэквивалентного обмена стоимости (капитала) на потребительную стоимость рабочей силы (труда). Вопрос лишь в том, что здесь вместо стоимости появляется ее противоположность – потребительная стоимость.

Однако это обстоятельство не согласуется со стоимостной парадигмой. Приходится вообще отрицать прибавочную стоимость (прибыль) во имя “глобального равновесия” системы, ее “устойчивого развития”, вытекающих из стоимостной равновесности рыночной экономики. В этой ситуации бывает лучше “отказаться” от познавательно-объясняющих услуг прибыли, чем от закона стоимости с его требованиями эквивалентности и равновесности.

Если же из стоимостного равенства не удастся вывести возможность социального и экономического развития и, если “не хочется” признавать прибавочный труд и прибавочную стоимость в качестве основы этого развития, то ничего другого не остается как свести стоимость к потребительной стоимости (полезности), а источником стоимости объявить производительность труда и полезность других факторов производства. “Именно за счет роста производительности труда расширяется объем прибавочного продукта и увеличивается прибавочная стоимость”¹². Причем на уровне предприятия рабочие никакой стоимости сверх стоимости своей рабочей силы якобы не создают, поскольку на микроэкономическом уровне господствует равновесность затрат и результатов. Прибавочная стоимость вроде бы создается всем обществом, а не отдельным рабочим¹³.

Между тем в рамках стоимостной парадигмы только увеличением прибавочного и уменьшением необходимого труда может быть объяснено возникновение прибавочной стоимости и экономическое развитие на ее основе. Что же касается повышения производительности труда, то оно влияет лишь на изменение соотношения необходимого и прибавочного труда в пользу последнего, затраты которого равны получаемой прибавочной стоимости. В общем же случае рост производительности труда уменьшает стоимость продукта. В этом противоречии заложены причины тех трудностей, которые возникают, когда пытаются согласовать прибавочную стоимость с устанавливаемой законом стоимости эквивалентностью.

Когда выводят из “игры” прибавочный труд и неэквивалентный обмен, то ничего другого не остается, как обращаться к услугам потребительной стоимости, в частности, к производительности труда, техническому прогрессу, природным силам и т.д. Но для этого надо отказаться от обращения к стоимости для объяснения развития, необходимо перестать укладывать потребительную стоимость в прокрустово ложе стоимости, необходимо исходить из потребностоимостной парадигмы.

В потребительной стоимости как раз и заключена возможность объяснения того, как из труда работника можно извлечь больше, чем ему возвращается. Стоимостная

эквивалентность и “великий” принцип равенства затрат и результатов этой возможности не только не дают, но и скрывают первопричину возникновения прибавочной стоимости. Для этого нужен другой, не менее великий принцип – принцип неравенства затрат и результатов, неэквивалентности, возникающий не из стоимости, а из потребительной стоимости обмениваемой на капитал рабочей силы, т.е. из живого труда.

Если возможность развития не выводится из стоимостной парадигмы с ее принципом равновесности и кругообращения, то логично допустить в качестве основания для признания развития другой, противоположный принцип – неравновесность. Чтобы более отчетливо выявить смысл последнего принципа, надо его рассмотреть в том же ракурсе, что и равновесие – с точки зрения взаимодействия затрачиваемых условий (ресурсов) и получаемых результатов. Кроме того, экономический аспект взаимодействия (затраты-результаты) следует расширить до общесоциологического взаимодействия условий, предпосылок, на одной стороне, и результатов - на другой, составляющих вместе моменты всякой социальной деятельности.

Такой методологический подход существенно превосходит ныне модный и распространенный системный принцип, особенно в анализе процессов развития. Концепция равновесности и устойчивого развития опирается не только на стоимостную парадигму, но и на представление об обществе как об устойчивой системе, в которой развитие исчерпывается изменениями элементов внутри системы. “Весь концептуальный аппарат, обычно используемый в анализе изменений, - по свидетельству П. Штомпки, - берется прежде всего из системной модели, даже если ученые и не осознают этого или не считают себя сторонниками системных и структурно-функциональных теорий. Лишь недавно “системной модели” был противопоставлен “альтернативный образ” общества, рассматриваемого с точки зрения процесса, или морфогенетического подхода, вследствие чего концепции, использовавшиеся в исследованиях социальных изменений, подверглись соответствующей модификации”¹⁴.

В этом отношении не могут быть приняты в качестве параметра системы исторического действия переход от движения к порядку (равновесию), или простое сочетание этих принципов. Системная модель в данном случае приводит к тому, что в конечном счете движение трансформируется в порядок и перестает быть постоянным преодолением равновесности (порядка) системы, в том числе системы деятельности (практики), и тем более - постоянным переходом от одного социального порядка к другому социальному порядку. Нарушается, следовательно, принцип абсолютности движения (развития) и относительности порядка (устойчивости, покоя).

Понятие “развитие” в отличие от понятия “изменение” не сводится к изменениям элементов внутри системы. Оно предполагает прежде всего преобразование, причем постоянное, условий существования социальной системы. Так, например в экономической области исходным феноменом развития выступают новые комбинации в производительных силах: изготовление нового орудия или потребительского блага; освоение еще не освоенного рынка сбыта товаров; использование новых источников сырья и новых материалов; создание новой организационной структуры и т.д.¹⁵

Другим феноменом развития выступает тот факт, что новые условия превращаются в соответствующие новые результаты, в которых условия не только воспроизводятся, но и преобразуются. Поэтому каждый раз полученный результат, образуя определенное историческое состояние общества, неизбежно предполагает предшествующее состояние, благодаря которому он возникает. Бытие людей, с этой точки зрения, представляет собой результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Поскольку же человек стал человеком, он как первая предпосылка человеческой истории, есть в то же время ее постоянный продукт и результат. Предпосылкой человек становится тоже только как собственный продукт и результат. В первом случае, на этапе органической жизни, человек еще не существует, а исторические условия органической жизни, когда возникают общества, заменяются общественными условиями. Именно последние, а не первые, полагаются обществом как условия своего существования, и они постоянно воспроизводятся. Мы можем, следовательно, представить социально-экономическое развитие как диалектику предпосылок и результатов, и вместе с К. Марксом заявить: “всякая предпосылка общественного процесса производства есть вместе с тем и его результат, а всякий его результат выступает вместе с тем и как предпосылка”¹⁶.

С одной стороны, при простом воспроизводстве первоначальные предпосылки, благодаря простой непрерывности процесса, создаются все снова и снова и тем самым закрепляются в виде результата. С другой стороны, при расширенном воспроизводстве непрерывность этого процесса прерывается, система изменяет траекторию своего движения и может перейти в новую, т.е. противоположную прежней, систему, что предполагает не кругооборот, не движение от равновесия к равновесию, а развитие.

С этой точки зрения, наиболее эффективной для обоснования развития является воспроизводственная концепция, исходящая из механизма расширенного воспроизводства. Можно сослаться на мнение Й. Шумпетера, высоко оценившего теорию воспроизводства К. Маркса. Й. Шумпетер справедливо считал, что классики политической

экономии и Л. Вальрас для теории развития сделали лишь то, что они ввели в нее фактор роста населения и фактор сбережений. Но эти факторы, по его мнению, могут приводить лишь к изменению элементов системы, но не к появлению нового в ней. Единственную значительную попытку обосновать развитие предпринял К. Маркс. Только ему присущи разработки проблемы “развития” непосредственно экономической жизни с помощью средств экономической теории. Его теория накопления, обнищания, гибели капитализма в результате краха его экономической системы строится действительно на идеях и соображениях чисто экономического порядка, и его взгляд постоянно направлен на достижение цели, заключающейся в том, чтобы мысленно постичь именно развитие экономики в целом, а не просто кругооборот хозяйства в определенный период времени¹⁷.

Вместе с тем Й. Шумпетер исключал материалистическое понимание истории из методологических средств, используемых для обоснования теории развития. Это он делал под тем предлогом, что материализм К. Маркса якобы не связан с его точной экономической теорией, не относится к экономике в собственном смысле, не дает возможности оперировать экономическими методами, теоремами и понятиями.

Сам К. Маркс в “Послесловии ко второму изданию” “Капитала” свою трактовку законов экономики как законов ее изменяемости, развития, перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому считал результатом материалистического понимания истории, материалистически понятых основ диалектического метода. Впрочем, Й. Шумпетер признавал, что его собственная концепция покрывает лишь небольшую часть поверхности здания, возведенного К. Марксом.

Диалектика взаимодействия предпосылок и результатов в социальной области не может дать полного представления о развитии, если не включить в это взаимодействие человеческую деятельность, практику. Обращение к труду, причем к труду, созидающему не стоимость, а потребительную стоимость (полезность), и к социальной деятельности вообще, составляет, как уже сказано, необходимое условие объяснения социально-экономического развития общества.

В этом отношении нужно приветствовать экономистов и социологов, которые исходят в своих концепциях из теории деятельности, социального действия, производства обществом самого себя. Можно, например, сослаться на известного французского социолога А. Турена, полагающего, что само социологическое понимание общества

становится возможным лишь тогда, когда общество рассматривается как результат труда, социальной деятельности¹⁸.

Вместе с тем деятельностный подход, претендуя на роль интегративной стратегической теории в социологии, не должен ограничиваться анализом "чистой" деятельности по формуле "движение все, а его условия и результат – ничто". Деятельность без предпосылок, без соответствующих условий (ресурсов) не может выполнять функцию созидания общества, источника его развития. Люди, делая свою историю, строят ее исходя из существующих обстоятельств и предпосылок. Конечно, не обстоятельства сами по себе творят историю. Ее создают люди в процессе своей практической деятельности, хотя сами они одновременно являются и продуктом создаваемых ими обстоятельств. Здесь важно исторические условия, в которых осуществляется деятельность, а также самих субъектов деятельности, не растворить в некоем "поле" взаимодействий, лишенном материальных носителей. "Разумеется, – справедливо замечает Ж. Сартр, – условия существуют: только они и придают направленность и материальную реальность изменениям, которые ими готовятся, хотя человеческая практика их сохраняя, превосходит в своем движении"¹⁹. Необходимо подчеркнуть, что именно условия (ресурсы) выступают детерминантом направленности деятельности, их следует ставить впереди, а не позади этой направленности. Тем более их нельзя отождествлять с порядком, относить на его сторону, а не на сторону движения.

Не менее существенно и признание объективизации деятельности в ее результатах, в том числе и в человеке, и следовательно, определение человека не только как деятеля, но и одновременно как продукта деятельности, труда (как своего, так и других людей). Причем результат не должен быть отождествлен с условиями, "предпосылками". В противном случае не учитывалась бы роль самой деятельности не только в превращении условий в результат, но и в главном – в преодолении их тождества, "эквивалентности", т.е. в создании результата, превосходящего условия. Тогда будет легко представить человека деятелем, способным посредством труда и действия прибавлять к исходным обстоятельствам новое в получаемых результатах. "Надо выбирать: либо мы все будем сводить к тождеству..., либо превратим диалектику в божественный закон, налагаемый на универсум, в метафизическую силу, которая сама по себе порождает исторический процесс (и тем самым впадаем в гегелевский идеализм)"²⁰.

В наше время на пути к обоснованию социально-экономического развития приходится преодолевать необычайно распространенный "постмодернизм" с его претензией рассматривать прошлое не как предпосылку, а как непосредственную

составную часть настоящего и будущего, которые считаются тождественными с тем, что было. “Я полагаю, - пишет, например, А. Гулыга, - что философия достигла своего предела... Философия существует только как история философии”²¹.

Прогресс в прошлом, как полагают представители “постмодерна”, был возможен потому, что потери были меньшими, чем приобретения. Ныне же вроде бы человечество стало терять больше, чем приобретает, или, по крайней мере, не приобретает больше, чем теряет, вступая в полосу удерживаемого равновесия между потерями и приобретениями.

С этой точки зрения, современные рассуждения о возрождении России нередко превращаются в защиту старого капиталистического или помещичьего прошлого, в призыв повернуть историю вспять. Никак не хотят согласиться с тем, что история необратима, что настоящее и будущее в том или ином отношении превосходит прошлое, хотя возможны попятные движения. Такое утверждение – не результат присущего человеку исторического оптимизма, а необходимый вывод из анализа существа человеческой деятельности.

Ее специфичность в том и состоит, что человек, осваивая условия, окружающую среду и сохраняя идущую от них детерминацию, на основе этих условий преобразует мир, достигает новых результатов, не содержащихся в условиях. Человек характеризуется прежде всего превосходением ситуации, тем, что ему, по словам Ж. Сартра, удается сделать из того, что из него сделали. Человек - это такое материальное существо, которое постоянно превосходит условия, в которые он поставлен, он раскрывает и определяет свою ситуацию, выходя за ее рамки, чтобы объективировался через труд, действие, поступок²².

Каким же образом общество и люди посредством деятельности (труда) достигают превосходства ее результатов над предпосылками и тем самым делают возможным развитие?

Обычно на первое место ставят специфику человеческой познавательной деятельности, благодаря которой люди превосходят существующую действительность, наличную ситуацию вначале идеально – в виде создаваемого образа будущего результата и цели, мобилизующей волю человека на ее достижение. У Ж.-П. Сартра этого рода превосходство выражается в создаваемом человеком проекте, понимаемом как стремление выдвинуться, “броситься” вперед. Даже самое примитивное поведение, по его словам, детерминируется не только обуславливающим его отношением к имеющимся налицо факторам, но и отношением к определенному будущему объекту, который он стремится

вызвать к жизни. Индивиды на основе данных условий и при расходящихся и противоположных интересах осмысливают и превосходят проекты других. В этом отношении сказать о человеке, что он есть, значит сказать, что он может²³. Превосхождением и превосхождениями превосхождений как бы конструируется будущий социальный объект. Его конструирование вначале выступает в форме отношения существующего к своим возможностям, ограниченными наличными условиями существования. Превосходя данные условия в направлении поля возможностей и реализуя из них одну, индивид объективирует себя и тем самым принимает участие в созидании истории²⁴.

В концепции А. Турена историчность человеческой деятельности тоже связывается с познанием, культурной моделью. Знание, по его мнению, образует исходную составляющую историчности, ее наиболее прямое и наименее социально организованное выражение. Эта модель, однако, - не рефлексия общества над собой и не идеология. Ее нельзя также свести к совокупности идей, ценностей, смыслов. Она в действительности неотделима от труда, посредством которого общество воспроизводит себя, она свидетельствует о материальной стороне этого воспроизводства.

Наиболее четкое и практически измеряемое выражение превосходства результатов над затратами в познавательной деятельности можно найти у Ф. Энгельса. По его словам, духовный элемент труда – изобретательность – приводит к результатам, многократно превышающим затраты на науку. Только один такой плод науки, как паровая машина Джемса Уатта, принесла миру за первые пятьдесят лет своего существования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки²⁵. Здесь же выявляется четкий критерий оценки эффективности развития - разница между полученным эффектом и затратами в единицах сэкономленного труда.

Свойство превосходить затраты относится не только к духовной стороне деятельности, а ко всему труду. Иначе теряется смысл самого труда как источника общественного развития. Коренное свойство всякого труда – производить результат, превосходящий затраты. В этом своем качестве труд выступает не просто перводвигателем, а вечным двигателем. Человек и его труд завершают принцип движения органических тел - снова и снова воссоздавать свою жизнь из условий, не обладающих таким свойством. Посредством труда общество производит дополнительный результат без соответствующих дополнительных затрат.

Благодаря труду общество производит самого себя, воздействует на самого себя таким образом, чтобы воссоздавать себя все в новых и новых качествах. Именно потому, что люди производят свою жизнь, причем определенным образом, они имеют свою историю. Общество есть то, что оно из себя делает, т.е. то, каким оно себя производит. В этом производстве самого себя оно воздействует на себя, делает себя историчным.

Главное свое качество - превосходство результатов над затратами, труд реализует своей основной функцией - созданием прибавочного продукта. Все развитие человеческого общества, по словам Ф. Энгельса, начинается с того дня, когда труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания. Избыток продукта труда над издержками поддержания труда, образование и накопление из этого избытка общественного производительного и резервного фонда - все это было и остается основой всякого общественного и умственного прогресса. Соответственно, чтобы обосновать этот прогресс - необходимо иметь потребительностоимостную концепцию производства прибавочного продукта, его накопления и расширенного воспроизводства.

1. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандрес Й. За пределами роста. М., 1994. С. 13.
2. Голанский М. М. Будущее мировой экономики и перспективы России. М., 1994. С. 89.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 393.
4. См.: Будущее России и новейшие социологические подходы: тезисы докладов. М., 1997. С. 2 – 13.
5. Медоуз Д.Х. и др. Пределы роста. 2-е изд. М., 1991. С. 78.
6. Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 184.
7. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 52.
8. Там же.
9. Там же. С. 92, 93.
10. Там же. С. 54, 94.
11. Голанский М.М. Будущее мировой экономики и перспективы России. М., 1994. С. 84.
12. Там же. С. 26.
13. Там же. С. 27.
14. Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 20.
15. Шумпетер Й. Теория экономического развития. С. 159.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 3. С 534.
17. Шумпетер Й. Теория экономического развития. С. 139.
18. Touraine A. Production de la société. Paris. 1993. P. 27
19. Sartre J-P. Critique de la raison dialectique. T. 1. Paris. 1960. P. 61.
20. Там же. С. 68.
21. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 11.
22. Sartre J-P. Critique de la raison dialectique. С. 63, 95.
23. Там же. С. 63, 68.
24. Там же. С. 64.

25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 555.

§ 3. Перспективы развития общества – за развитием труда.

У настоящих ученых не вызывает сомнения, что капитализм может быть заменен обществом, имеющим название «социализм». Это не выдумка социалистов, а необходимый результат общественного развития. Социализм порождается самим капитализмом в качестве его собственной замены. Противоположностью капитала, как системообразующей основы общества, может быть только труд. Социализм призван предстать обществом, в котором все должно вращаться вокруг солнца труда (К. Маркс).

Почему же многими из интеллигенции так трудно воспринимается необходимость общества, в котором единственным властелином должен стать труд?

Прежде всего потому, что в истории с каждым разом увеличивалась численность непроизводительных классов, живущих за счет чужого труда и получающих блага не по своему труду, а по своему капиталу или за счет капитала других, созданного чужим трудом. Обществу раннего социализма, существовавшему в СССР, тоже не удалось освободиться от государственного наемного труда, превратить трудовые коллективы в исходные системообразующие социальные единицы, остановить процесс разрастания управленческого аппарата и других групп непроизводительного населения.

Очевидно, что эта причина порождает всякого рода измышления относительно того, что в «постсовременных» обществах труд как таковой сойдет с исторической сцены, потеряет свою роль источника богатства, заменится информационной деятельностью, умственными занятиями, якобы не требующими материальной деятельности по опредмечиванию своих результатов.

Главную же причину принижения созидающей роли живого труда следует искать в стоимостном подходе к его оценке. Защитники капитала с самого начала недооценивали живой труд и его носителя (рабочего) по сравнению с прошлым трудом, воплощенным в средствах труда, принадлежащих капиталу. Основанием для унижения труда служит то обстоятельство, что стоимость, созданная общественно необходимым трудом, согласно закону стоимости, не может быть большей, чем издержки самого этого труда.

В стоимостном отношении труд сверх своих затрат ничего большего не создает. Данное количество труда присоединяет к своему продукту одну и ту же сумму стоимости, хотя с ростом производительности труда растет в продукте часть стоимости,

перенесенной со старой стоимости. Если, например, английский и китайский прядильщики работали равное число часов и с равной интенсивностью, то в течение недели они создавали равные стоимости. Вместе с тем имело место колоссальное неравенство между стоимостью недельного продукта англичанина, работавшего с помощью мощных машин, и стоимостью недельного продукта китайца, имевшего только ручную прялку. В сотни раз большая сумма старых стоимостей присоединялась к стоимости продукта англичанина по сравнению с продуктом труда китайского рабочего¹.

Это служило поводом для того, чтобы буржуа и экономисты бесконечно восхваляли заслуги функционирующего в одежде капитала прошлого труда, приписываемые не самим рабочим, прошлым и неоплаченным продуктом труда которых являются средства производства, а их хозяину в лице капиталиста. «Практические деятели капиталистического производства и их идеологи – пустомели, - заключает К. Маркс, - совершенно не способны мыслить средства производства отдельно от той своеобразной антогонистической общественной маски, которая одета на них в настоящее время, подобно тому как рабовладелец не способен представить себе рабочего, как такового, отдельно от роли раба»².

Не исчезло подобное отношение к непосредственному труду и в наше время. По свидетельству П. Игнатовского, собственники и распределители средств производства рассматривают труд чаще всего как чисто физическую, механическую деятельность, лишенную функции накопления и инновационности, которые перекладываются на капитал и предпринимательскую деятельность. Негативные оценки труда, по его мнению, инспирированы также возможностями получения огромных фиктивных капиталов за счет выпуска неподкрепленных товарной массой денежных знаков и так называемых ценных бумаг, симулирующих реальные материальные ценности. Однако, каждый раз, когда фиктивный капитал гибнет, приходится его возмещать за счет трудовых накоплений большинства населения³.

Чтобы оценить действительную созидательную роль труда, понять его инновационную сущность, необходимо его рассматривать не как создателя стоимости, а как источника потребительной стоимости. Признание двойственной природы труда, на чем настаивал К. Маркс, является условием правильного понимания не только общей сущности труда, но и его роли как источника развития общества. Самое лучшее в моей книге, писал К. Маркс о «Капитале», - это «подчеркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости»⁴. На этом основывается, утверждал К. Маркс, все понимание фактов

и именно это обстоятельство ускользнуло от внимания всех экономистов, т.е. терялось существо критического понимания вопроса⁵.

К сожалению, эти упреки К. Маркса не учли те экономисты, которые отрицают необходимость труда в так называемом постиндустриальном обществе. Они оценивают труд с позиций его воплощения в стоимости, т.е. когда один и тот же труд, функционируя в течение одного и того же периода времени, воплощается в одной и той же величине стоимости, независимо от увеличения его производительной силы*. При стоимостном подходе к труду его творящая, производительная сила не выявляется. Ее возрастание или падение «никогда не затрагивает прямо труда, представленного в стоимости... Каковы бы ни были изменения производительной силы труда, один и тот же труд, функционируя в течение одного и того же времени, фиксируется всегда в одной и той же стоимости»⁶.

Совсем по иному выглядит значимость труда для общества, когда он берется в качестве созидателя потребительной стоимости. Именно здесь выявляется главная для развития общества сила труда – его производительная, творящая сила, принадлежащая конкретному, полезному труду, т.е. труду, производящему потребительную стоимость. В этих условиях производство может служить «лишь средством для удовлетворения потребностей производителями, таким производством, в котором господствовала бы только «потребительная стоимость»⁷. Именно на эволюции и господстве такого производства базируется понимание будущего общества как общества труда.

Каким же предстает общество, базирующееся на труде, производящем потребительные, а не меновые стоимости?

Общество труда – это общество, в котором люди работают во имя лучшего удовлетворения своих потребностей и своего развития. Это достигается переходом на потребностоимостную основу самого труда.

То, о чем постоянно говорилось в марксизме относительно цели и смысла общественной жизни, а именно о всестороннем и гармоничном развитии человека, об обеспечении полного благосостояния всех людей теперь воспринимается далекими от марксизма известными западными теоретиками. Многими из них повторяется мысль В. И. Ленина, высказанная им при обсуждении проекта Программы РСДРП, относительно целей социалистического переустройства общества: «Не только для удовлетворения

* В современной экономической литературе стоимость, особенно необходимого продукта, выраженную в заработной плате, сплошь и рядом ставят в прямую зависимость от производительности труда, нарушая тем самым логику, требуемую законом стоимости.

нужд..., а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества»⁸. Достаточно еще раз сослаться на высказывание основателя Римского клуба А. Печчеи, выразившего глубокую убежденность в «необходимости полного и всестороннего развития возможностей и способностей всех людей планеты, как неперемennого условия преодоления существующего неравенства и обеспечения здоровой и достойной жизни каждого. Именно этим целям, - по его мнению, - должны быть подчинены все стратегии, политические программы и перспективные планы в национальных и глобальных масштабах»⁹.

Сегодня, однако, речь идет не просто об отдельных суждениях на этот счет. Мировое сообщество признало те цели общественного развития, которые ранее считались социалистическими. В разработанной ООН в 1990 г. Программе развития (ПРООН) именно развитие человека принято в качестве критерия оценки достигнутого состояния прогресса всего мирового сообщества и отдельных стран.

Можно ли принять данный показатель и само человеческое развитие в качестве критерия общественного прогресса? Ведь кроме выставления этим критерием развития человека в литературе было выдвинуто положение о том, что критерием общественного прогресса является развитие производительных сил, а его количественным показателем – величина производительности труда. Не кто-нибудь другой, а именно В.И. Ленин, ссылаясь на К. Маркса, развитие производительных сил называл высшим критерием общественного прогресса¹⁰.

Развитие производительных сил и рост производительности труда характеризуют общественный прогресс со стороны его источника как определяющего фактора, связанного главным образом с затратами производительного труда и рабочего времени общества. Но судить об общественном прогрессе нужно и по его результатам (хотя производительные силы входят и в результаты общественной производительной деятельности людей). Без них нельзя получить более конкретного представления о критерии прогресса.

Подходя к оценке общественного прогресса с названной позиции, следует прежде всего выставить в качестве исходного тезис о том, что конечным результатом общественного процесса производства является сам человек, аккумулирующий в себе всю совокупность общественных отношений. И по этому итогу можно судить об общественном прогрессе. Он существенно дополняет содержание критерия общественного прогресса, усиливает его действенность. Но он не стоит где-то в стороне и

от критерия, составляемого производительными силами. Человек, выступая результатом общественного процесса производства, одновременно является и его условием — главной производительной силой, т. е. эволюция производительных сил как критерий общественного прогресса предполагает развитие человека.

Дело в том, что именно человека некоторые авторы часто не принимали во внимание при характеристике критерия общественного прогресса. Они имели в виду главным образом вещественные элементы производительных сил. Человек обычно рассматривался как индивид, затрачивающий свой труд, а не результат самого труда. Да и в тех случаях, когда шла речь о месте человека в структуре критерия общественного прогресса, подразумевали развитие людей как производительной силы. Между тем социальный прогресс все более проявляется в многостороннем и гармоническом совершенствовании личности, выходящем за пределы ее производственных качеств. Свободное развитие, являющееся итогом всемирной истории, лежит, по словам К. Маркса, по ту сторону сферы собственно материального производства, там, где начинается развитие человеческих сущностных сил¹¹.

Этот результат в качестве критерия общественного прогресса необходимо выдвигается ростом самого производства, в частности тем фактом, что создание действительного богатства общества перестает быть зависимым от количества затрачиваемого обществом живого рабочего времени. Решающим фактором производства богатства становится развитие самого человека, особенно его научное развитие, совершающееся в свободное время. В связи с этим недостаточен прежний способ измерения общественного богатства и, следовательно, общественного прогресса. В тенденции возникает новое их мерило - свободное время, служащее пространством для развития человека, в том числе и новых могучих производительных сил его труда, реализуемых посредством технологического применения науки и высокой дееспособности техники. В этих новых условиях уровень развития самих тружеников все более будет выступать показателем прогресса общества. Он становится более адекватным характеру общественного прогресса показателем, дающим возможность глубже и содержательнее оценивать все предшествующее историческое развитие.

В этой связи представляет особый интерес анализ человеческого развития, его количественной оценки с позиций исходных принципов двух экономических теорий — стоимостной и потребительстоимостной (полезностной). Они позволяют так или иначе решить вопрос о содержании и способах соизмерения разных показателей человеческого развития, без чего они лишаются многих своих свойств как измерителей. Научный подход

к измерениям, необходимых для сравнений, требует наличия общего, одинакового основания, общей единицы. К сожалению, показатели человеческого развития, включенные в соответствующий индекс (ИРЧП), выставаемый от имени ООН в качестве оценочного критерия деятельности общества, не сведены к единой мере как в стоимостном, так и в потребительно-стоимостном отношении. Приходится ограничиваться баллами, удельными весами, средними их величинами, которые не могут служить надежным основанием измерений в социальной науке.

Между тем классическая экономическая наука выработала способы соизмерения названных компонентов человеческого развития посредством сведения их к единой основе – к стоимости рабочей силы человека, в частности, к стоимости способности (потенциала) человека к труду, к стоимости воспроизводства этой способности. В общем случае речь может идти о ценности человека, стоимости его жизни, что включает и стоимость средств, необходимых для образования, и продолжительность выплаты жизненных средств в зависимости от числа лет жизни. Трудовой теорией стоимости предложена реальная основа для измерения ценности человека. Так, еще В.Петти в своей работе «Ценность людей» определял ценность людей как носителей труда стоимостью необходимых жизненных средств, то есть издержками, необходимыми для удовлетворения жизненных потребностей, в частности, стоимостью среднего душевого пропитания взрослого человека¹².

А. Смит, а затем Д. Рикардо, дали развернутое обоснование положения о том, что ценность (стоимость) благ (товаров) определяется количеством общественно необходимого труда, затрачиваемого на их производство. Этот основополагающий принцип был распространен и на труд, следовательно, и на его носителей – людей. Стоимость труда, согласно Д. Рикардо, определяется теми жизненными средствами, которые по традиции являются необходимыми в данном обществе для содержания рабочих и продолжения их рода. В то же время Д. Рикардо, в отличие от А. Смита, полагал, что нельзя стоимостью жизненных средств определять стоимость обмениваемого на них живого труда. Стоимость, представленная в овеществленном труде, есть нечто другое, чем стоимость покупаемого живого труда.

А. Маршалл, следуя классической теории, предложил схему исчисления стоимости индивида (рабочего). Для этого нужно «дисконтировать» вероятную стоимость всех результатов его будущего труда, сложить их и затем вычесть из полученной суммы сумму «дисконтированных» стоимостей всего богатства и всех прямых услуг, которые им будут потреблены. Можно, по его мнению, исчислять стоимость индивида по денежным издержкам его производства. «Можно, например, - пишет он, - предположить, что общая

сумма, израсходованная на то, чтобы вырастить среднего ребенка, принадлежащего к менее обеспеченной части трудящегося класса, скажем из $\frac{2}{5}$ населения, составляет 100 ф. ст.; для следующей $\frac{1}{5}$ населения можно предположить сумму в 175 ф.ст., для следующей $\frac{1}{5}$ – 300 ф.ст., для $\frac{1}{10}$ – 500 ф.ст. и для оставшейся $\frac{1}{10}$ населения – 1 200 ф.ст., или в среднем – 300 ф.ст.¹⁶

К. Маркс, как и представители классической политической экономии, полагал, что в условиях товарного производства человек и его жизнь выступают как субъективированная меновая стоимость. В отличие от А. Смита и Д. Рикардо, он этой стоимостью наделял не сам труд, а способность к труду – рабочую силу.

Почему же тогда развитие человеческого потенциала не подводится под давно обоснованную стоимость рабочей силы человека, обладающую всеми свойствами соизмеримости?

Имеется ряд обстоятельств, объясняющих это «почему». В одном случае, согласно закону стоимости, затраты труда и их результат в виде стоимости жизненных средств были бы равными (эквивалентными), что не годится для обоснования получения большего результата, чем затраты, т.е. не будет самого человеческого развития. Более того, с ростом производительности труда, связанным с его экономией, стоимость продукта и жизненных средств, в общем и целом, должна уменьшаться, соответственно, стоимость рабочей силы должна падать, что не только не совместимо с признанием человеческого развития, но и предполагает относительное и абсолютное обнищание трудящегося большинства населения. Капитализация России, в результате которой половина населения оказалась в состоянии бедности, – яркое тому свидетельство.

В другом случае, когда обменивается живой труд на овеществленный (труд на капитал), возникает не менее трудная ситуация с подведением человеческого развития под единую стоимостную меру: во-первых, живой труд не обладает свойством стоимости и не может соизмеряться с овеществленным в его продукте трудом. Потребительная стоимость и стоимость не имеют единой меры. Во-вторых, результатом обмена живого труда на овеществленный является все возрастающий разрыв между уровнем жизни носителей живого труда и представителей (собственников) овеществленного в продукте труда, который ныне в мире достигает огромных размеров. Не всякий решится этот все увеличивающийся разрыв выставить показателем человеческого развития, а его основание – растущую норму прибавочной стоимости и эксплуатации – сделать его критерием.

Названные обстоятельства не позволяют теоретикам от экономики, считающим себя гуманистами, предлагать измерять человеческое развитие единой стоимостной меркой, хотя в реальной рыночной практике человек оценивается именно этой меркой.

Мы полагаем, что решение проблемы и обоснование человеческого развития невозможны в рамках стоимости.

Чтобы оценивать человеческое развитие соответствующим его природе способом, необходимо под его измерение подвести противоположную стоимости основу – потребительную стоимость рабочей силы и труда, т.е. индекс человеческого развития свести к инновационному потенциалу человеческого труда, к его измерению в показателях труда и времени, рассматриваемых как источник потребительной, а не меновой стоимости. Речь идет об использовании закона потребительной стоимости и потребительностоймостной парадигмы экономической науки, на основе которых уже давно измеряется производительность труда, которая применяется как обобщающий показатель уровня экономического и социального развития той или иной страны в историческом и сравнительном аспекте. Задача сводится к тому, чтобы на основе потребительностоймостной концепции разработать индекс развития человеческого потенциала, т.е. способности к творческому труду и ее реализации. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо иметь соответствующую теоретическую концепцию и соответствующие ей измерительные процедуры.

Главное для объяснения возможности развития потенциала человека – это связать его трудом, с производительной и потребительной силами труда. Человеческий труд по своей природе инновационен: его полезный результат превосходит его затраты в их потребительностоймостном измерении.

К сожалению, свойство обычного труда создавать результат больше затрат не только не возводится на уровень его сущностных характеристик, но и часто упускается из виду при анализе труда. Причина тому – обычное рассмотрение труда только в рамках процесса создания стоимости, т.е. как абстрактного труда. Изображение К. Марксом процесса производства и труда в “Капитале”, как он сам об этом пишет, покоится на анализе «абстрактного труда, труда как затраты рабочей силы, – безразлично, каким «полезным» способом она затрачивается»¹⁴. Но в этих рамках, т.е. когда имеется в виду стоимость затрат и результатов, превышение результатов труда над его затратами не обнаруживается. Даже прибавочная стоимость, выводимая из потребительной стоимости рабочей силы, имеет свой эквивалент в виде затрат прибавочного труда, следовательно,

не превосходит эти затраты. Поэтому К. Марксу приходилось понятие потребительной стоимости рабочей силы в общем случае товарного производства ограничивать ее способностью «доставлять труд», «создавать стоимость». Что же касается превышения стоимости продукта на величину прибавочной стоимости, то это выходило за рамки эквивалентного стоимостного обмена, принятого К. Марксом в качестве исходного принципа «Капитала».

Превосходство результатов труда над его затратами – это уже другой закон, которому подчинен труд, производящий не стоимость, а потребительную стоимость. Такого закона экономическая наука, в отличие от хозяйственной практики, пока не знала и не знает.

В общеэкономическом смысле, тождественном потребительностоимостному подходу, прирост потребительной стоимости рабочей силы обнаруживается в том факте, что работник производит больше, чем потребляет, что из производства выходит большее количество потребительной стоимости, чем в нем потребляется. Что же касается избытка труда, доставляемого рабочей силой, над затратами ее собственного воспроизводства, то это достигается тем, что потребительная стоимость рабочей силы увеличивается за счет использования потребительной стоимости материальных средств производства и природных сил, с одной стороны, и умножением собственной производительной субъективной силы работника посредством потребления им материальных и духовных благ в процессе воспроизводства своей рабочей силы. За счет этого происходит замещение, высвобождение малоквалифицированного простого труда высококвалифицированным, сложным трудом, сопровождающееся уменьшением общего количества труда, поскольку большее количество простого труда равняется меньшему количеству сложного. Труд, высвобожденный в результате внедрения более квалифицированного труда, будет большим, чем затраты на подготовку квалифицированных работников.

Таким образом, потребительная стоимость рабочей силы может быть выражена: а) отношением всего количества функционирующего труда к его части, затрачиваемой на собственное воспроизводство рабочей силы; б) отношением высвобождаемого труда к затратам на подготовку квалифицированного труда, замещающего простой труд. Что касается затрат на покупку жизненных средств и их потребление, то они не имеют прямого отношения к процессу самого труда, являются его внешним условием, не входят в него, а если и входят (работник должен принимать пищу во время труда), то лишь как материал для поддержания дееспособности работника. Но это не значит, что за пределами процесса труда отпадает вопрос о потребительной стоимости жизненных

средств. Здесь мы можем лишь предварительно сказать, что потребительная стоимость предметов потребления в конечном счете реализуется тоже в высвобождении труда, достигаемого за счет замещения сложным трудом более простого труда. Но это касается уже потребительного производства, в котором осуществляется воспроизводство человека и общества. В нем потребительная стоимость предметов потребления оказывается лишь моментом, а конечным результатом выступает уже не продукт производства, а сам человек и само общество. Закон потребительной стоимости, соответственно, приобретает форму социологического закона, выражающего человеческое развитие.

Превосходить своими результатами свои же затраты – это, как явствует из сказанного, коренное свойство труда и человека как работника. Чем же его объяснить, можно ли принять этот принцип за аксиому так же, как в случае со стоимостным принципом равенства затрат и результатов?

Очевидно, что превышение результатов труда над его затратами достигается в первую очередь за счет использования человеком энергетических сил природы и технико-технологических средств как усилителей сил труда. Этот источник возрастания потенциала труда не нуждается в особых доказательствах: на этом обычно строится теория роста производительности труда. Что же касается возвышения сил самого человека, применяемых им в своем труде, то здесь следует иметь в виду, по крайней мере, два не очень изученных источника, делающих результат труда выше его затрат. Ими являются: а) потребление людьми жизненных средств, повышающих потребительную силу общества и его трудовой потенциал, реализующихся в увеличении конечного результата труда; б) использование дополнительных производительных сил труда, возникающих из способов совместной деятельности людей (силы кооперативного, обобществленного труда).

Относительно первого источника, т.е. как из потребления жизненных средств может возникнуть превышающий соответствующие затраты результат, в научной литературе сказано очень мало. Можно сослаться на представителей теории потребления, опирающихся на концепции предельной полезности и данные психологии. Так, согласно С. А. Первухину, “экономически целесообразным будет лишь потребление, удовольствие от которого превышает тягостность затрат на него, которое дает известную положительную разницу”¹⁵. Для обозначения этой разницы вводятся, по аналогии с производством, понятия “потребительская прибыль”, “потребительский доход”, “потребительская рента”, призванные отразить дополнительный результат от потребительной деятельности. Соответственно, С. А. Первухиным делается поправка ко второму закону Г. Госсена. Вместо предельной полезности продукта ставится

предельный доход потребителя: “моментом, определяющим потребление, является не предельная полезность, а предельный доход, предельная рента потребителя”¹⁶. Определяется предельный доход (как и предельная полезность) на основе ранжирования получаемого удовольствия от потребления последних долей благ, т.е. на основе субъективных предпочтений людей. Определенным шагом вперед в этом вопросе явилась теория потребительского излишка (А. Маршалл, Д. Хикс и др.). Особая заслуга здесь принадлежит французскому экономисту М. Алле (“*Theorie generale des surplus.*” Paris, 1989), предложившего концепцию распределяемого излишка, связанного с высвобождением того или иного блага.

Более плодотворным представляется объяснение дополнительной результативности, получаемой трудом от потребления жизненных средств, по объективным критериям, в частности, посредством превращения энергии, воплощенной в предметах потребления, в человеческую энергию, позволяющую труду достигать результат, превышающий затраты. В этом отношении можно сослаться на работу С. А. Подолинского “Труд человека и его отношение к распределению энергии”, в которой труд представлен процессом, увеличивающим бюджет энергии человека и обладающим, в отличие от механических процессов, коэффициентом полезного действия выше ста процентов. Он, например, полагал, что энергия, накопленная в сельскохозяйственном продукте и реализуемая при его потреблении, в два десятка раз превышает количество энергии, затраченной человеком на земледелие. Можно, конечно, эти “разы” объяснить тем, что человек использует и сохраняет в сельскохозяйственном продукте солнечную энергию. Но это не отрицает решающей роли труда в сбережении этой энергии и в увеличении бюджета энергии, находящейся в распоряжении человека. Труд при своей реализации сберегает энергии в десятки раз более, чем он сам заключает. Соответственно труд им трактуется как “действия, увеличивающие бюджет превратимой энергии человечества”¹⁷.

Безусловно, жизненные средства должны быть включены в состав факторов (кроме природных двигательных сил, технических средств), усиливающих результативность труда. Здесь важно выяснить какой вид энергии, получаемый человеком от потребления жизненных средств, более всего сберегает затраты труда и тем самым увеличивает его продуктивность. Известно, что мускульная сила человека, используемая в качестве двигательной силы, составляет мизерную долю в производимой для этих целей мировой энергии. Соответствующие расчеты свидетельствуют, что производимая, например в 2000 году, в мире электрическая энергия способна была бы потенциально высвободить в течение года труд 70 млрд. человек, занятых производством

двигательной энергии на основе использования мускульной силы, то есть число лиц, примерно в 10 раз превышающее общую численность населения земного шара¹⁸.

Другое дело – физическая и умственная энергия людей, используемая ими при обслуживании технических и технологических процессов и связанная с исполнительными функциями человека при машинах и механизмах. Эта функция, усиливающая продуктивность техники и технологических процессов, является основной формой, в которую превращается энергия потребляемых жизненных средств. И здесь через труд сберегается энергии тоже в десятки раз больше, чем расходуется в процессе труда: при помощи техники высвобождается громадное количество живого исполнительского человеческого труда.

Особая значимость в сбережении человеческого живого труда принадлежит умственной энергии, приобретаемой человеком вследствие потребления жизненных средств и духовных благ, затраты на создание которых не идут ни в какое сравнение с теми результатами, которые дает практическое использование знаний, информации, опыта. Только одно изобретение паровой машины Джемсом Уаттом, по словам Ф. Энгельса, принесло миру в первые пятьдесят лет своего использования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки¹⁹. По подсчетам С. Г. Струмилина, результаты, получаемые от работы обученных рабочих, превышают соответствующие затраты на школьное обучение в 27,6 раза²⁰.

Эффект от потребления человеком материальных и духовных благ лучше всего выразить в обобщенном виде понятием “потребительная сила” труда (соответственно, человека и общества), которая вполне согласуется с подобными же характеристиками труда – “рабочей силой” человека, “производительной силой” труда и т.п. Можно, следовательно, ставить вопрос о превращении потребительной силы в рабочую силу и в производительную силу, и наоборот, а также говорить о возрастании потребительной силы общества и человека, о способах и факторах ее увеличения. Введение в экономический анализ понятия потребительной силы, т.е. способности к потреблению, позволяет более основательно выделить объективное содержание потребительной деятельности, отмежеваться от часто встречаемой психологической ее характеристики, ставящей ее в полную зависимость от субъективных оценок со стороны субъекта.

Категория потребительной силы, и это главное в данном случае, позволяет потребительную деятельность объяснить законами движения потребительной стоимости и преодолеть ограничения, накладываемые на нее законом стоимости. Поскольку потребительная стоимость рабочей силы и ее мера заключены не в труде, о вещественном в ней, не в ее стоимости, то обусловленность потребления (спроса)

стоимостью (доходами), рабочим временем попадает в ложное положение. При обилии произведенных для рынка товаров человек может оказаться не только за чертой бедности, но и лишиться необходимых средств к существованию. Рынок признает только платежеспособного покупателя, того, у кого есть деньги. Он в этом отношении безразличен к потребителю: товар достается тому, кто может заплатить, а не тому, кто больше всего нуждается, имеет настоящую «склонность» к потреблению. В рамках закона стоимости для громадной массы трудящегося населения мера потребления обуславливается стоимостью рабочей силы, мерой необходимого по условиям ее воспроизводства труда. В данном случае для определения величины потребления пользуются единицей труда и заработной платой за эту единицу труда – единицей заработной платы в ее денежном выражении. Соответственно потребности и потребление получают свое выражение в платежеспособном спросе, а их зависимость от меры труда (производства) – в предложении товаров. Спрос и предложение выступают двумя переменными величинами, измеряемыми денежной мерой.

Другой характер носит общественная мера потребления, которая исходит из потребительской силы и базируется не на стоимостной, а на потребительностомостной основе. Она должна отвечать природе самой потребительской силы. Там, где господствует потребительная стоимость и сами потребности обуславливают пределы рабочего времени, необходимого для их удовлетворения, рабочее время теряет свое значение меры потребления, ибо оно само удлиняется или сокращается в зависимости от того, сколько нужно доставить того или иного количества потребительных стоимостей. Смысл общественного прогресса в этом отношении сводится к тому, чтобы потребление не определялось минимумом времени, необходимым для производства, поскольку само «рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости»²¹.

Сокращение рабочего времени, обусловленное научно-техническим прогрессом, не может приниматься за признак уменьшения потребления. Наоборот, экономия рабочего времени должна вести к увеличению богатства общества и свободного времени. Последнее, превращаясь в мерило развития человека как истинного богатства, тем самым становится и мерой развития способности к потреблению, мерой потребительной силы общества. Это соответствует требованиям закона потребительной стоимости, согласно которому высвобождаемое в результате реализации потребительной стоимости время превосходит затраченное рабочее время и, следовательно, потребление, совершаемое в свободное время, должно измеряться последним. Когда же в качестве меры используется рабочее время, то такое потребление свидетельствует по существу о бедности. Рабочее

время, в том числе прибавочное, поглощая почти все время трудящихся масс, лишает их свободного времени, которое становится временем для немногих. Они и получают простор для своего развития, в том числе и для потребления. К сожалению, индекс развития человеческого потенциала, предложенного ПРООН, усредняя доходы в 40 000 долларов и 100 долларов, не учитывает этого обстоятельства.

При характеристике потребительной способности общества нельзя ограничиваться ее рассмотрением только "в-себе", т.е. в рамках взаимоотношения численности потребителей и величины их потребности в тех или иных благах, выраженных, например, в единицах этих благ или потребительской корзины. Потребительная сила должна быть определена не только как сущее "в-себе", но и в своем "для-себя" бытии, в зависимости от факторов, влияющих на нее. К этим факторам относится прежде всего производительная сила общества, а также состояние пропорций распределения продукта на части, предназначенные для личного и производительного потребления, пропорциональность распределения труда по подразделениям производства, соответствие этого распределения структуре потребностей общества. Потребительная сила общества в общем и целом, в конечном счете, представляет собой функцию его производительной силы. Еще классиками политической экономии было установлено, что чем больше производится потребительных стоимостей, тем выше уровень удовлетворения потребностей людей. Впоследствии, в частности, в работах Дж. М. Кейнса эта концепция была подвергнута критике. Она, по мнению Дж. М. Кейнса, была построена на основе натурального обмена, не учитывала самостоятельной роли денег²². Дж. М. Кейнс предложил исходить не из производства, не из предложения, а из спроса, объективные факторы которого лежат на стороне дохода и его различных компонентов.

Нельзя, конечно, недооценивать влияния потребления на величину производства, но оно не отменяет решающей роли производства в удовлетворении потребностей, т.е. не следует пренебрегать общей зависимостью потребительной силы от производительной силы общества. Более того, многие проблемы спроса и предложения, не решаемые с позиции опосредствующих их стоимостных механизмов, легко могут быть решены, если исходить из взаимодействия производства и потребления в потребительностоимостной плоскости. Ф. Энгельс был прав, видя истинный смысл конкуренции /соревнования/ во взаимоотношениях потребительной и производительной сил. В будущем строе, достойном человечества, по его мнению, не будет иной конкуренции, кроме этой. Общество должно будет рассчитывать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств, и сообразно с отношением своей производительной силы к

массе потребностей определять уровень удовлетворения потребностей²³.

Если производительную силу общества выразить величиной высвобождаемого из сферы материального производства труда /производительного рабочего времени/, то высвобождаемый для других видов деятельности труд /время/ в расчете на душу населения будет индексом роста потребительной силы. Увеличение производительности труда в общественном масштабе предполагает, что существующие потребности удовлетворяются применением в производстве меньшего количества труда /времени/, чем прежде. Следовательно, высвобождаемый труд /время/ может быть затрачен на удовлетворение новых или других потребностей, не реализуемых в прежних условиях. Отношение же высвобождаемого из сферы материального производства труда к занятому в ней труду может служить нормой потребительной способности общества. Эта норма является критерием, по которому определяется возвышение потребностей. Содержанием этого процесса будет образование новых или реализация ранее не удовлетворенных потребностей. Их возрастание обеспечивается в первую очередь превращением сэкономленного в материальном производстве труда и рабочего времени в другие виды деятельности, порождающие и удовлетворяющие новые потребности. Тем самым в возвышении потребностей закон потребительной стоимости получает адекватное выражение своей сущности.

С ростом производительности труда норма потребительной способности неизбежно повышается, что никак не уместится в стоимостную схему движения конечного совокупного продукта, предлагающую падение этой нормы в связи с растущим преобладанием труда по производству той части продукта, которая идет не на личное, и на производственное потребление. Повышение же потребительной способности общества подчиняется другому закону - закону возвышения потребительной стоимости и может быть выражено схемами воспроизводства, построенными на потребностоимостной основе. Из них следует приоритетность потребления и его определяющее влияние на объемы производственного накопления. В этом случае конечным результатом общественного материального производства следует считать фонд индивидуального потребления, а затраты деятельности по реализации этого фонда, в том числе по воспроизводству рабочей силы, должны быть исключены из состава издержек материального производства.

В отечественной экономической науке предложены конкретные методы исчисления показателя, аналогичного индексу развития человеческого потенциала в виде дохода на душу населения. В отличие от этого показателя ПРООН, речь идет о

физическом объеме фонда потребления, производимого в среднем одним работником материального производства за единицу рабочего времени²⁴. В данном случае исходный параметр развития человеческого потенциала вместо стоимостного исчисления измеряется достигнутым уровнем производительной и потребительной сил, взятых в единстве. Для этого на основе имеющихся статистических данных определяются: сколько произведено совокупного продукта, национального дохода, фонда потребления на одного работника (в неизменных ценах) в том или ином году, устанавливается экономия или перерасход труда по отношению к предыдущему периоду, численность работников материального производства и ряд других дополнительных показателей.

Особенность и преимущество оценки человеческого развития по показателю фонда потребления состоят в том, что этот показатель потребительной силы легко совмещается с уровнем производительной силы, имея с ним одинаковую основу для сопоставления – время, измеренное в человеко-часах. Если отнести сумму сэкономленного (высвобожденного) труда к числу занятых в материальном производстве, то, как показал В.С. Вечканов, получится та же величина, которая определяется по показателю фонда потребления. Более того, экономия (высвобождение) труда легко переводится в показатель свободного времени, что вполне правомерно считается основной мерой человеческого развития, обращенной в будущее. В итоге, с одной стороны, показатель фонда потребления на единицу рабочего времени (на одного работника), отражая объем производства жизненных благ для населения, выражает одновременно экономию потребляемого и авансированного (накопляемого) труда и увеличение свободного времени, необходимых для обеспечения всестороннего развития всех членов общества; с другой стороны, через показатель, характеризующий отношение общей суммы сэкономленного (высвобожденного) труда, т. е. через повышение производительности труда, можно определить величину производства фонда потребления в единицу рабочего времени. Так же очевидно, что другие компоненты индекса человеческого развития – уровень образования (сколько лет учебы) и продолжительность жизни (время этой продолжительности) получают одинаковую размерность – могут измеряться временем деятельности.

Реализация выше рассмотренного принципа жизни трудового общества, т.е. жизни и труда во имя лучшего удовлетворения разумных потребностей и соответствующего всестороннего развития личности, может базироваться лишь на высоко развитой производительной силе полезного труда, освобожденного от стоимостной формы. Дело в том, что предпосылкой производства, основанного на стоимости, является масса

затраченного непосредственного труда и рабочего времени, составляющих решающий фактор производства стоимостного богатства. Современное стоимостное богатство в обществах капитала тоже базируется на массе непосредственно рабочего времени. Если в странах семерки, в частности США, и наблюдается сокращение доли занятых непосредственно в производстве товаров и в увеличения численности работников сферы услуг, то в капиталистическом мире-экономике в целом сохраняется в качестве основы стоимостного богатства количество непосредственного труда и рабочего времени. Этим трудом населения стран третьего мира как раз и возмещается уменьшение собственного производительного населения в странах развитого капитализма. Что же касается России, то уменьшение занятых в материальном производстве объясняется кризисом и продажей ранее принадлежавших народу природных и производственных ресурсов, позволяющих многим уйти в сферу услуг.

В общем случае, чем выше производительная сила труда, тем более независимым от количества затрачиваемого труда становится созидание действительного (а не стоимостного) богатства. В этих условиях главным становится не количество труда, а его производительная сила, обусловленная развитием самого человека, науки, техники и их применением к производству. «В этом превращении, - предсказывал К. Маркс, - в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом – развитие общественного индивида»²⁵.

Труд, освобожденный от необходимости производить стоимость и базирующийся на высокой производительности, по мнению К. Маркса, будет выступать уже не столько как включенное в непосредственный процесс производства звено, а как труд, при котором рабочий выполняет функции контроля и регулировщика производственного процесса. Рабочий перестает быть его главным агентом, становится рядом с производственным процессом²⁶.

Это обстоятельство может служить поводом для отрицания основополагающей роли труда в будущем обществе. Чтобы оно не было так истолковано, К. Маркс специально подчеркивал, что труд не может стать игрой. Для человека, который вступает в непосредственный процесс производства, труд остается школой дисциплины, а также ареной применения научных знаний и высоких технологий. В том и другом случае

процесс производства будет служить сферой практического приложения рук, следовательно, и физической деятельностью.

Труду, предназначенному для производства потребительных стоимостей, не будет надобности делиться на необходимый и прибавочный, поскольку он тратится обществом в количествах, определяемых необходимостью удовлетворения существующих и потенциальных потребностей. Тогда весь труд, нужный для этого, будет необходимым. Вместо его деления на труд, производящий стоимость необходимого продукта и прибавочную стоимость, остается лишь общеэкономическая различенность, связанная с необходимостью иметь дополнительный продукт для неработоспособных членов общества, для застраховки от всякого рода стихийных бедствий, для вложений в развитие новых сфер деятельности.

Главный же результат повышения производительной силы труда – это сокращение времени самого производительного труда, причем не необходимого в пользу прибавочного при длительном сохранении одной и той же продолжительности рабочего дня, а сокращение последнего до минимума. Этим создается возможность привлечь к жизнеобеспечивающему труду всю трудоспособную часть общества, исключить ситуацию, когда один общественный слой сбрасывает с себя и возлагает на другой общественный слой естественную необходимость труда. Тогда, по словам К. Маркса, прибавочный труд рабочих масс перестает служить условием для развития всеобщего богатства, а не-труд немногих – условием для развития всеобщих сил человеческой головы²⁷.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 620.
2. Там же. С. 622.
3. Игнатовский П. Труд и производство. // Экономист. 2001. № 1. С. 26, 28, 32.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 277.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 9.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 172.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 50.
8. Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 6. С. 232.
9. Печен А. Человеческие качества. М., 1985. С. 205.
10. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 2. С. 260; Т. 3. С. 597; Т. 16. С. 220; Т. 43. С. 81.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 386-387.
12. Петти В. Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 65.
13. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 2. М., 1984. С. 271.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 385.
15. Первушин С.А. Очерки по теории массового потребления//Экономист, 1922. №4-5. С.40.
16. Там же. С.84.

17. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии//Подолинский Сергей Андреевич. М., 1991. С.51, 63, 76.
18. Байнев В.Ф. Научно-технический прогресс и энергосбережение: потребительстоимостный анализ эффективности производства электроэнергии. Саранск, 1988. С.50-51.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С. 555.
20. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С.163.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч. II. С.214.
22. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. С.73.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С.562.
24. Эффективность производства и ее слогамые. Отв. ред. Вечканов В.С. Л., 1983. С. 80-81.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч. II. С. 213 - 214.
26. Там же. С. 213.
27. Там же. С. 214.

ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕК ТРУДА ВМЕСТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

§ 1. Противоположность труда и капитала.

Чтобы реабилитировать капитал, прикрыть его эксплуататорскую сущность, капиталом стали называть все что угодно. Под маской капитала ныне фигурируют капиталы: «человеческий», «социальный», «интеллектуальный», «символический», и т.д., и т.п. Почти все люди (кроме детей) объявлены обладателями капитала, даже у тех, кто живет за счет пенсии, оказывается, имеется свой «пенсионный» капитал. Нет среди всех этих капиталов только капитала по определению, т.е. капитала как прибавочной стоимости, извлекаемой из наемного труда, и нет в составе субъектов человеческого капитала настоящих капиталистов, присваивающих результаты чужого труда.

Капитал, как показал автор «Капитала», - это не просто стоимость или сумма меновых стоимостей, хотя без этой предпосылки он не возникает. Не является капиталом та или иная вещь, в которой реализована стоимость и которая может служить средством производства. Не будет капиталом и человеческий труд, овеществленный и накопленный в том или ином продукте труда и используемый в новом труде.

Капитал – это общественное, производственное отношение, посредством которого присваивается капиталом созданная трудом прибавочная стоимость, которая используется капиталом для собственного самовозрастания. Он составляет противоположность труду, является результатом его эксплуатации.

Преувеличение роли капитала по сравнению с его источником – трудом – давно известное занятие защитников капитала. При этом они под понятие капитала чаще всего подгоняют определения самой человеческой деятельности, свойства человеческого труда. Капитал в этом случае сводится к его определению как накопленного труда, служащего средством для нового труда. Не только накопленный опыт, навыки и знания работника, но и любой орган его человеческого тела получает название человеческого капитала. «В этом смысле, - писал К. Маркс, - рука, в особенности кисть руки, представляет собой капитал. Капитал был бы в этом случае лишь новым названием для вещи, столь же древней, как человеческий род, так как всякий вид труда, даже самый неразвитый, как охота, рыбная

ловля и т.д., предполагают, что продукт прошлого труда употребляется в качестве средства для непосредственного, живого труда»¹.

Еще более жестко по этому поводу высказался К. Маркс в другом месте: «так, например, говорят, что вещество глаза есть капитал зрения и т.д. Подобного рода беллетристические фразы, в которых по какой-либо аналогии подводится что угодно под что угодно, могут показаться даже остроумными, когда их высказывают в первый раз... Но если их повторяют, да еще с самодовольством, с претензией на научность, то они попросту глупы. Они хороши лишь для беллетристического типа болтунов, которые стремятся все окрасить в розовые тона и которые своим сладеньким как лакрица дерьмом загаживают все науки»².

В последнее время в пропаганде подобных концепций особо усердствуют некоторые отечественные экономисты. Читаешь, например, книгу авторов из Санкт-Петербургского университета экономики и финансов и диву даешься: неужели они не читали «Капитал» К. Маркса и забыли что называется капиталом по определению, или же не хотят знать этого. В книге «Человеческий капитал в транзитивной экономике» (СПб., 1999) нет ни одной ссылки на «Капитал», хотя авторы живут уже в капиталистическом обществе и обязаны знать свое иное общество. «Капитал» К. Маркса отсутствует и в библиографическом списке, который тоже должен соответствовать требованиям науки и издательства, еще не отказавшегося от своего названия «Наука».

Авторы всерьез думают, что время, когда наемная рабочая сила воспроизводилась в форме товара, ушло в прошлое. В постиндустриальном обществе, в котором они вроде бы уже живут сейчас, наемный работник и его рабочая сила функционируют и воспроизводятся «уже не в товарной форме, а в форме «человеческого капитала». Не только капиталист – предприниматель, но и сам работник относится к вложениям в свои производительные способности (экономические силы) как к капитализированным накоплениям»³. Это время, по мнению авторов, тоже уже проходит: «современное общество эпохи зрелой стадии научно-технической революции и начальной стадии информационно-коммуникационной революции можно охарактеризовать как информационное общество..., в котором структура творческих производительных сил человека актуализируется все в большей и большей степени не в форме человеческого капитала, а в форме человеческих информационных ресурсов (потребностей, способностей, сил)»⁴, т.е. человеческий капитал здесь уже называется ресурсом.

Чем можно объяснить подобного рода фантазии? Почему 2/3 мировых выбросов в атмосферу падают на «информационное» общество США, где доля информационного сектора, по данным авторов, составляет 60 – 75% ВВП? Почему России как постиндустриальному обществу надо догонять индустриально развитые страны, заняться своей индустриализацией? Почему наши уважаемые авторы поверили тем западным экономистам, взгляды которых были определены К. Марксом как «вздорные попытки представить рабочую силу в качестве капитала рабочего»⁵?

Какое же действительное место занимают рабочая сила и труд во взаимоотношениях с капиталом?

Первый аспект взаимодействия между капиталом и рабочей силой относится к их эквивалентному обмену как меновых стоимостей: рабочий, продавая свою рабочую силу, получает взамен заработную плату, составляющую вложенный капиталистом в эту плату переменный капитал, т.е. рабочий получает меновую стоимость, равную стоимости жизненных средств, необходимых для воспроизводства своей рабочей силы.

Становится ли полученная работником меновая стоимость в виде заработной платы его капиталом? Этого не может быть, ибо, во-первых, здесь обмениваются эквиваленты, от этого обмена не происходит самовозрастание стоимости рабочей силы; во-вторых, заработная плата идет на потребление рабочего, на возмещение и восстановление израсходованных его физических и умственных сил; в потреблении меновая стоимость жизненных средств исчезает. В этом отношении и сам труд для рабочего не является производящей богатство силой, средством обогащения или обогащающей деятельностью. Посредством простого обмена «рабочий не может *обогатиться*, ибо подобно тому как Исав уступил свое первородство за чечевичную похлебку, так рабочий за определенную наличную величину стоимости своей способности к труду отдает свою *творческую силу*. Наоборот, рабочий должен обеднеть, так как творческая сила его труда теперь противостоит ему как сила капитала, как *чуждая сила*»⁶.

Превращение рабочей силы в источник производства настоящего капитала образует другой аспект их взаимодействия, которое осуществляется уже в производстве, а не в их обращении как меновых стоимостей. Здесь рабочая сила выступает по отношению к капиталу не как стоимость, а как потребительная стоимость, как живой труд, эксплуатируемый капиталом. Именно из потребительной стоимости рабочей силы извлекается прибавочная стоимость, в потребительной стоимости этой силы заложена

творящая, производительная сила труда, отчуждаемая капиталом и превращаемая в силу капитала.

Может ли эта сила, реализуемая в труде, быть капиталом работника, т.е. его человеческим капиталом? Сторонники этой концепции обычно производительные силы труда подгоняют под человеческий капитал, понимая под капиталом не только орудия производства, но силы живого труда. «На постиндустриальной стадии развития общества с социально ориентированной экономикой рыночного типа, - пишут названные выше авторы, - производительные силы человека реализуются в форме человеческого капитала. Активом человеческого капитала является образование»⁷. В другом месте сказано: «человеческий капитал – это форма выражения производительных сил человека на постиндустриальной стадии развития общества»⁸.

Созидающие, творящие силы человеческого труда не нуждаются в том, чтобы к ним приклеивать ярлык «человеческого капитала», для них имеется имманентная им экономическая категория – «производительная сила труда». Что же касается человека как носителя труда, то он всегда был и остается главной производительной силой общества.

Другое дело, когда производительные силы труда переходят в руки капиталиста и становятся силами капитала. Если в качестве стоимости рабочая сила принадлежит самому работнику, то в качестве потребительной стоимости (труда) она существует только для капитала и является потребительной стоимостью для самого капитала, т.е. той опосредующей деятельностью, посредством которой капитал увеличивает свою стоимость. Для рабочего рабочая сила является потребительной стоимостью только как носитель меновой стоимости его рабочей силы, а не потому, что она производит для рабочего прибавочную стоимость, а потому и капитал. Рабочий, продавая рабочую силу, отчуждает от себя производительные силы своего труда, капитал их присваивают. «В этом процессе обмена труд не является производительным; он становится производительным только для капитала... Поэтому все успехи цивилизации, другими словами, всякое увеличение общественных производительных сил, производительных сил самого труда, обогащают не рабочего, а капиталиста»⁹. Соответственно, капиталистическое производство в большей мере, чем какой-либо другой способ производства, является расточительным по отношению к человеку, оно расточает не только плоть и кровь человека, его физическую силу, но и его умственную и нервную энергию. «Действительно, только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности, достигается их общее развитие в те исторические эпохи, которые являются прелюдией к социалистической организации человеческого общества»¹⁰. О том,

как ныне разрушаются производительные силы труда, свидетельствуют данные, приведенные в документах конференции ООН по социальному развитию (Копенгаген, 1995): в мире более 120 млн человек официально признаны безработными и гораздо большее число работает не полный рабочий день; каждый десятый трудоспособного возраста является нетрудоспособным по болезни.

Теория человеческого капитала неприемлема потому, что она превращает капитал в источник производства стоимости. Между тем производит стоимость только труд, он представляет единственную субстанцию продукта как стоимости. Что касается капитала, то он в качестве стоимости не производителен.

Стоимость и капитал, однако, не единственные продукты труда. Продуктом труда является и потребительная стоимость. Соответственно, человек и его труд, взятые по отношению к потребительной стоимости, приобретают характеристики, не имеющие отношения к производству капитала и стоимости. Если под капиталом имеются в виду объективные условия труда, находящиеся в собственности капиталиста, то они в процессе труда лишь присоединяют к продукту свою собственную стоимость, но не создают новой стоимости. Если же речь идет о средствах производства, участвующих в создании потребительной стоимости продукта, то они здесь участвуют не в качестве капитала, а как орудие труда. Действие машины в процессе создания потребительной стоимости не имеет ничего общего с ее бытием как стоимости, как капитала. «В действительном процессе труда все эти вещи оказывают услуги благодаря тому отношению, какое они, как *потребительные стоимости*, имеют к прилагаемому к ним труду, а не как меновые стоимости и тем более не как капитал»¹¹. Соответственно, в этом смысле слово «капитал» к ним не подходит.

Еще менее подходит понятие «капитал» для характеристики физических и умственных производительных сил самого работника, чаще всего называемых «человеческим капиталом». То, что рабочая сила, взятая как стоимость, лишь обменивается на капитал, но не создает в этом обмене новую стоимость, это очевидно. Другое дело – потребительная стоимость рабочей силы, реализующаяся в живом труде. Прибавочная часть этого труда, т.е. прибавочный труд, создает прибавочную стоимость и, следовательно, капитал. В той мере, в какой повышение умственных и физических производительных сил самого труда уменьшает необходимую часть труда и соответствующим образом увеличивает его прибавочную часть, это повышение, т.е. рост производительности труда, увеличивает капитал, но он не становится капиталом рабочего. Источником капитала каждый раз выступает прибавочный труд (время этого труда), а не

производительность труда, которая в целом уменьшает стоимость продукта, поскольку уменьшается общественно необходимое время для ее производства.

Почему же столь привлекательным стало желание обозначить капитал именем человека? Если отвлечься от намерений защитить могущество капитала, то можно было воспользоваться этим могуществом и для других целей – распространить его на человека, т.е. вместо капитала богатством общества объявить человека. Так поступали еще пролетарские противники буржуазных экономистов, в частности, один из социал-рекордианцев – Т. Годскин. Для него производительный капитал и искусный труд выступали как одно и то же, а истинным богатством он считал самого человека. «Капитал, - пишет он, - это своего рода *кабалистическое слово*... из тех *общих терминов*, которые те, кто стрижет остальное человечество, изобрели с целью скрыть руку, держащую ножницы»¹². В качестве метафоры определением человека в роли основного капитала пользовался и К. Маркс. Он писал, что развитие человека, получаемое за счет экономии рабочего времени, может выступать как величайшая производительная сила и как таковая обратно воздействовать на производительную силу труда: «с точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство основного капитала, причем этим основным капиталом является сам человек»¹³.

Очевидно, что в данном случае К. Маркс заменяет производство капитала производством человека как главной производительной силы общества. Это производство осуществляется в свободное время общества, получаемое за счет сокращения рабочего времени, достигаемого в результате научно-технического прогресса. Замена человеком основного, а не оборотного, капиталом опять таки предполагает функционирование человека в качестве производительной силы в процессе труда, а не как агента обращения, где рабочая сила обменивается на переменный (оборотный) капитал, не имеющий прямого отношения к развитию человека.

В той мере, в какой производство рассматривается не как производство стоимости (капитала в значении прибавочной стоимости), а как производство человека и его жизнедеятельности, использование вместо последних метафоры «человеческий капитал» в определенной мере допустимо. Это понятие, однако, не должно отождествляться с капиталом в подлинном его смысле, то есть рабочий не может отождествляться с капиталистом. Кроме того, нельзя согласиться с авторами, например, с М.М. Критским, которые полагают, что современные развитые страны уже отказались от капитала как основного устоя экономики в пользу человека и человеческого капитала, что вроде бы

наступило информационно-интеллектуальное общество, где исчезает примат материального производства. Современное общество, в котором все превращается в товар, в том числе знания и информация, честь и совесть людей, у М.М. Критского оказывается столь «цивилизованным», что уже преодолевает вместе с трудом и отчуждение труда. Соответственно, учение К. Маркса о капитале объявляется устаревшим, хотя автор в своей книге ограничился переложением логики «Капитала» и ее приложением к человеческому капиталу, трактуемому как всеобщая форма экономической жизнедеятельности человека¹⁴.

Чем же является, по М.М. Критскому, форма жизнедеятельности, образующая человеческий капитал?

Оказывается, что она – стоимость товара, превращенная из предметной формы в форму стоимости жизни. Почему же стоимость жизни является капиталом, а не обычной стоимостью жизненных средств, обменянных на переменный капитал капиталиста? Потому, что из предметной формы рабочей силы можно извлечь не капитал, а только заработную плату, а из стоимости жизни можно получить человеческий капитал. Если зарплате соответствует лишь необходимый труд и необходимый продукт, то за стоимость жизнедеятельности, если ее продать, рабочий может получить и часть прибавочного продукта, и прибавочной стоимости¹⁵. Из них и возникает человеческий капитал, если, конечно, не учитывать дополнительно потребительскую прибыль, получаемую из самого потребления жизненных средств.

Получается, что модификация стоимости рабочей силы приводит к соответствующему изменению его противоположности – прибавочной стоимости. Происходит изменение экономической субстанции доходов собственников, самой прибыли. Больше того, утверждается, что результаты расширенного воспроизводства таких духовных общественных благ, как наука и образование, ведущие к интеллектуализации экономической жизни, «коренным образом» меняют и «механизм эксплуатации». Экономическим основанием прибыли, якобы, все более становится не прибавочная стоимость, производимая в рамках предприятия, а присвоение прибавочного труда, осуществляемого за его пределами. Осуществляется снятие прежнего экономического содержания прибыли. Оно состоит в том, что прибыль все более обусловлена не непосредственным присвоением прибавочного труда и прибавочной стоимости, «а опосредованным – через интеллектуализацию производства и экономию труда»¹⁶. В рамках теорий «человеческого капитала» сочинены соответствующие концепции «инвестиций в человека» и «производства человеческого капитала».

Социальный смысл этих концепций сводится к тому, чтобы функции труда передать капиталу, что имеет своим назначением оправдание претензий капитала на прибыль. Выполняются и чисто идеологические задачи – доказать, что предприниматели, капиталистические фирмы и государство участвуют во вложениях в «человеческий капитал» и в его производстве на равных основаниях с носителями наемного труда – трудящимися и могут претендовать на свою долю от использования их производительных способностей.

Получается, что предприниматели вкладывают часть своего капитала (переменный капитал) в оплату труда наемных работников, а последние той же заработной платой как своим капиталом инвестируют формирование своих созидательных способностей. Что касается государства, то оно само из изъятого в бюджет созданного трудом прибавочного продукта инвестирует образование, здравоохранение и тем самым вносит свой «вклад» в человеческий капитал.

Дело, однако, в том, что из этих инвестиций, согласно закону стоимости, дополнительного капитала не получить, они лишь возмещают издержки воспроизводства рабочей силы. Так, заработная плата является лишь эквивалентом стоимости рабочей силы, но не является ни для рабочего, ни для капиталиста источником накопления капитала. Точно так же часть предпринимательского дохода, используемого капиталистами в качестве своих жизненных средств, тоже не увеличивает их капитал и не считается вложением в их «человеческий капитал». Вложения же в рабочую силу ими приветствуются, даже ценой воздержания от излишнего потребления, ибо из труда они извлекают капитал.

В действительности же все то, что считается инвестированием или вложением в человека, имеет своим источником труд. Идет ли речь о вложениях капитала со стороны предпринимателей или со стороны государства, все они извлекаются из прибавочного продукта, созданного трудом. Еще в большей мере это относится к созидательным способностям работников. Их формирование и развитие инвестируется самим трудом. Так называемые капитальные вложения – это, в конечном счете вложения труда, инвестирование труда трудом. То, что общество (государство) или предприниматели вкладывают в сферу образования, здравоохранения, культуры в итоге тоже берется из прибавочного продукта труда.

К сожалению, труд чаще всего лишается инвестиционных функций, миром экономики правят капитал и земельная рента, а вовсе не труд. Инвестировать вроде бы

могут только их владельцы посредством банков, денег и т.п. Спрашивается, кто же инвестировал строительство громадных пирамид в Древнем Египте? Банков и денег там еще не было. Но были дополнительные рабочие руки и дополнительный по отношению к существовавшему хозяйству рабский труд. Он и служил инвестициями в строительство пирамид.

В теориях «человеческого капитала» инвестициями в человека дело не заканчивается. Вслед за вложениями в человеческий капитал должно наступить еще и его производство, производимый капитал здесь опять-таки понимаются в переносном значении – как производительные способности работника, т.е. метафора принимается за подлинный смысл категории «капитал». В этом случае ничего другого не остается как признание того, что данный «капитал» является результатом труда самого работника, т.е. приходится ввести в игру сам труд.

Вопрос здесь, однако, в том, как в данном случае понимать сам труд – как создается стоимости или создателя потребительной стоимости рабочей силы. Поскольку речь идет в производстве капитала, хотя и «человеческого», то этим результатом должна быть стоимость, а производство человеческого капитала – производством стоимости, рабочей силы как товара. В этом случае стоимость воспроизводства рабочей силы (зарботная плата) будет эквивалентной издержкам, а «производство человеческого капитала» не будет производством действительного капитала, т.е. прибавочной стоимости.

Остается один выход: связать производство созидательных способностей человека с трудом, производящим и воспроизводящим не капитал, а потребительную стоимость рабочей силы. Тогда результатом производства и воспроизводства будет выступать уже не капитал, а сам человек как главная производительная сила общества. В этом качестве он и созидает настоящий капитал (прибавочную стоимость), но для капиталиста.

В теориях информационного общества, предлагаемого вместо общества труда, обычно производство знаний и информации объявляется исходной основой, обеспечивающей жизнь обществу. Главным в этом обществе фигурирует уже «интеллектуальный капитал».

Чтобы соответствовать понятию капитала, интеллектуальные силы наемного умственного труда обычно выводятся из под подчинения господствующему реальному капиталу, из них делается самостоятельный интеллектуальный капитал, принадлежащий самим работникам умственного труда. Если способности к труду рабочих, их рабочей

силе отказывают в свойстве быть неотчужденными, то такая же способность к труду интеллигенции наделяется исключительным, неотчуждаемым ее достоянием. Соответственно, предполагается, что эксплуатация умственного труда со стороны капитала исчезает, работники умственного труда сами становятся субъектами своего интеллектуального капитала. Они возводятся в ранг исключительных собственников результатов своей духовной деятельности, не подлежащих отчуждению.

Каким же образом конструируется интеллектуальный капитал? Это делается по тем же рецептам как и человеческий капитал и выглядит довольно просто: сначала на обычный процесс умственной деятельности накладывается механизм производства стоимости – на одной стороне оказывается сама деятельность, ее затраты, на другой – ее результат в виде знаний, информации, трактуемых как стоимость. Затем к этому результату добавляют нечто подобное прибавочной стоимости и ее формам – прибыли, проценту или ренте.

Для авторов, которые знания и информацию считают стоимостью, признание интеллектуального капитала не составляет никакой проблемы. Для экономистов, не согласных с утверждением о стоимости знаний, возникают определенные трудности: они вынуждены потребительную стоимость (полезность) знаний, информации отождествлять с интеллектуальным капиталом. Так, например, М. М. Критский, с одной стороны, утверждает, что «информация – это не затраты труда, не стоимость, а потребительная стоимость», а с другой – полагает, что «передача информации носит характер особого кредитного отношения» и что мнение о бесплатности идей в условиях товарно-денежных отношений себя не оправдало. Движение интеллектуального капитала он связывает с получением дополнительного дохода или в форме процента, или ренты на природную одаренность¹⁷.

Отечественные авторы чаще всего следуют фантастическим суждениям Т. Сакайи о стоимости, созданной знанием, и об обществе, основанном на знаниях. Согласно этим суждениям, стоимость, представленная знанием или информацией, уже не имеет никакого, даже косвенного отношения к затратам ее производства. Труд выводится из игры как источник прибавочной стоимости. Все это связывается с наступлением постматериалистической ориентации в экономике и переходом на позиции субъективизма, базирующегося на разуме отдельного человека и субъективизированных стоимостях. Общество, соответственно, уже вступает в новый этап цивилизации, где движущей силой являются стоимости, создаваемые знанием. Это будет обществом, базирующимся на знанием создаваемых стоимостях¹⁸.

В качестве примера приводится ситуация, когда галстук фирмы «Гермес» стоимостью в 20 тыс. иен превышает стоимость такого же и из того же материала сшитого обычного галстука на 16 тыс. иен. Считается, что стоимость галстука фирмы «Гермес» в отличие от стоимости обычного галстука (4 тыс. иен) и есть знанием созданная стоимость. По аналогии можно сказать, что недавно приобретенная нашим Эрмитажем от предпринимателя Патанина «Черный квадрат» Малевича стоимостью в 1 млн долларов тоже есть результат не спекулятивных сделок, а вложенного в нее знания или информации об эстетических свойствах квадрата или черной краски. Вполне возможно, что ночной горшок императора Николая Второго (Святого) будет тоже продаваться на аукционе в 1 тыс. долларов как созданная знанием стоимость. Верно, конечно, что «такое изделие является носителем ценности, выходящей за пределы расходов, связанных с его изготовлением.

Что же представляют собой эти ценности?

Они содержатся уже в том обстоятельстве, что, например, при покупке галстука данной фирмы покупатель абсолютно убежден, что имидж этой продукции признан высококлассным, а ее непревзойденный дизайн будет служить отражением коллективной мудрости тех, кто так или иначе связан с фирмой, изготовившей эту продукцию. Другими словами, созданной знанием стоимостью обладает фирменное название, а поступок покупателя, который приобрел продукцию, отражающую накопленную мудрость ее изготовителей признается разумным¹⁹. Эти слова могут быть отнесены как к «Черному квадрату» Малевича, так и к ночному горшку императора. Хорошо будет общество, основанное на такого рода стоимостях!

В отечественной литературе в свое время теории «человеческого капитала» и «инвестиций в человека» подверглись серьезному критическому анализу. Имеются в виду прежде всего работы В. С. Гойло, в которых с глубоким знанием дела раскрывается апологетический и вульгаризаторский характер подобных концепций²⁰. Они далеко не новы, как хотят изобразить их почитатели. К. Маркс еще в 1844 г. отмечал попытки буржуазных экономистов подобным методом устанавливать единство труда и капитала, утверждая, что: «1) капитал есть накопленный труд; 2) назначение капитала в самом производстве ... состоит в производительном труде; 3) рабочий есть капитал; 4) заработная плата принадлежит к издержкам капитала; 5) по отношению к рабочему труд есть воспроизводство его жизненного капитала; 6) по отношению к капиталисту он есть момент деятельности его капитала. И, наконец, 7) политэконом исходит из

предположения о первоначальном единстве того и другого как единстве капиталиста и рабочего»²¹.

Можно понять тех современных отечественных авторов, которые перешли на службу капиталу и вместо труда преклоняются перед капиталом. Трудно, однако, объяснить почему на эти позиции переходят защитники социализма. Достижение первоочередных целей, пишет, например, Е. Волбуев, в дальнейшем продвижении к коммунизму теперь вроде бы зависит, в основном от нашего понимания элементарных экономических категорий, от понимания общественного, коммунистического характера современного государственного капитала (!), современной системы денежного обращения. Автор призывает вернуть «наш» коммунистический, государственный капитал трудовому народу и упрекает коммунистов за то, что они сегодня не борются за то, чтобы передать этот капитал народу²². В прошлом же они, мол, упорствовали на распределении по труду, хотя труд нельзя было ни правильно учитывать, ни определять сколько за него платить. В общем, и у этого автора на первом месте фигурирует капитал, но уже «коммунистический».

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 206.
2. Там же. С. 243.
3. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д., Человеческий капитал в транзитивной экономике. СПб., 1999. С. 14.
4. Там же. С. 15.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 175.
6. Там же. С. 177.
7. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д., Человеческий капитал в транзитивной экономике. С. 5 - 6.
8. Там же. С. 14 - 15.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 177.
10. Там же. С. 186.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 273.
12. Годскин Т. Сочинения: 1. Защита труда против притязаний капитала. 2. Популярная политическая экономия. М., 1938. С. 18.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 221.
14. Критский М. М. Человеческий капитал. Л., 1991. С. 4.
15. Там же. С. 116.
16. Там же. С. 89.
17. Там же. С. 103, 104, 105, 111.
18. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием или история будущего. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 348.
19. Там же.
20. Гойло В. С. Современные буржуазные теории воспроизводства рабочей силы (Критический очерк). М., 1975.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 134.

§2. Умственный труд вместо интеллектуального капитала.

Информационное общество, призванное заменить индустриальное, должно иметь своим основанием, как утверждают его предсказатели, интеллектуальный капитал в виде информации и знаний. Последние становятся определяющим фактором производства стоимости, отодвигая на задний план известные факторы производства - обычный капитал, землю и труд. Стоимость, в свою очередь, будет иметь своим источником не труд, а знания, вырастающие из информационно-коммуникативной деятельности.

Стоимость, созданная знанием или информацией, обычно выводится из-под действия законов, сформулированных в трудовой теории стоимости. Делается это под тем предлогом, что издержки такого производства из-за своей малой величины не соответствуют громадной величине созданной знанием стоимости. В творческой работе между затратами знаний на входе и объемом знаний на выходе тоже нет значимого экономического соответствия, поэтому мерилom эффекта здесь не могут служить затраты. Согласно этому, утверждается, что разработка универсальной концепции, аналогичной теории трудовой стоимости, применительно к созданной знанием стоимости, невозможна. Понесенные производителем расходы в своей основе не имеют никакого отношения к стоимости созданного знанием продукта. В этом заключено фундаментальное отличие производимых знанием стоимостей от стоимости материальных товаров и услуг. Что же касается цены созданного знанием продукта, когда отсутствует всякая связь с издержками, то она устанавливается потребителями в зависимости от их субъективных предпочтений, а также ощущений, что такая цена "правильна"¹.

Эту мысль неоднократно повторяет В.Л.Иноземцев: в индустриальном, а затем в постэкономическом обществе, в котором издержки по созданию того или иного блага перестают быть значимым фактором, главная роль в определении ценности продукта закрепляется за полезностными оценками. Вместе с тем, он из этого делает вывод о подрыве фундаментальных основ традиционных стоимостных оценок. В той мере, в какой труд физический превратится в труд умственный и первый заменится вторым, труд уже не сможет служить источником стоимости².

В условиях современной рыночной экономики, когда все превращается в товар, отказываться от стоимости бессмысленно, если даже речь идет о ее превращенных, ложных формах. В этой ситуации приходится принять одно из трех возможных решений:

- а) отказаться от понятия стоимости, если речь идет о создании знанием другого знания

(интеллектуального капитала); б) подвести участие умственного труда в создании подобной стоимости под законы трудовой теории стоимости, имея в виду взаимодействие умственного и физического труда в производстве стоимости; в) решить проблемы будущего на основе трудовой теории потребительной стоимости.

Решение проблемы в современных условиях заключается не в отрицании роли материального производства и физического труда, а в правильном понимании их взаимодействия с духовным производством, в том числе производством знаний и производством материальной продукции при помощи знаний и науки. Знания становятся фактором производства не потому, что возникает самостоятельная отрасль экономического производства - духовное производство со способностью самостоятельно создавать экономически значимый стоимостной результат (стоимость, прибавочную стоимость), а потому, что они вторгаются в материальное производство и участвуют в создании экономически значимого продукта материального производства.

Соответственно, экономическое производство знаний следует изучать, опираясь на существующую схему анализа общественного производства³. Аксиомой является то положение, что материальное производство определяет уровень развития образования и создает экономическую основу для осуществления умственной деятельности, как научной, так и образовательной. Во-первых, материальным производством создаются техническое обеспечение познания, что во многом определяет состояние развития познавательной деятельности, во-вторых, материальное производство создает определенный жизненный фонд для деятелей науки и системы образования. Наука и образовательная деятельность возникли, существуют и функционируют на основе создаваемого материальным производством прибавочного продукта.

Кризис современного производства, например, не позволяет выделять достаточные средства для науки и образования. Девяностые годы прошлого века в России были отмечены остановками предприятий и отдельных производств, увеличением числа убыточных предприятий, снижением налогооблагаемой базы и т.д. Основные макроэкономические показатели России (объем производства, реальная зарплата и др.) уменьшились в 4 раза. По уровню промышленного развития страна была отброшена в 50-е годы. Это не могло не отразиться на уровне развития образования. С 1980 по 2000 гг. количество студентов в России сократилось на 550 тыс.чел.; уровень образованности нации снизился с 10,4 до 9,6 лет; число студентов высших учебных заведений, приходящееся на 10 тыс. населения, упало с 216 в 1980 г. до 172 в 1997 г.

Чтобы экономически объяснить производство знаний, нужно его рассматривать как

результат процесса распределения продукта материального производства. Одной из основных форм, в которых выступает распределенный продукт материального производства в духовной сфере, является деятельность по обучению членов общества, т.е. образовательная деятельность или производство и воспроизводство знаний. В то же время в продукте материального производства уже воплощен прошлый человеческий труд, который (продукт) потребляется для обеспечения деятельности ученого, исследователя и т.д. Чтобы правильно понять процесс превращения результатов материального производства в явления духовной жизни, необходимо представить процесс производства знаний, научное творчество одной из форм развития человека и общества и рассмотреть его вместе с воспроизводством человека и общества. В этом случае духовно развитый, образованный человек предстает не только результатом собственной образовательной деятельности, но и превращенным результатом материального производства. К такому выводу можно прийти лишь при условии, если само материальное производство не будет сведено к производству вещей, а будет представлено и как производство и воспроизводство человека.

Под распределением продукта понимается деятельность, в процессе которой происходит развитие социальных качеств и свойств общественного индивида. Усложняющиеся формы этой деятельности реализуются в свойствах различных общественных благ (в том числе и образовательных), а через них и в общественных свойствах самого человека. Здесь социальная природа уже овеществленного труда, выступая в форме бытия вещи, добавляется к живой деятельности и распределяясь, также воплощается в социальных свойствах общественных благ и человека. Речь идет, однако, о действительном развитии личности, когда его мерой будет не овеществленный в продукте труд (наоборот, его масса должна зависеть от спектра и количества человеческих потребностей), а экономия труда.

Механизм превращения результатов материального производства в явления интеллектуальной деятельности не нуждается в стоимостном обосновании. Производство знаний в своем сущностном аспекте является преобразованием результатов материального производства, его потребительных и социальных свойств. Благодаря прогрессивному развитию производительных сил материального производства происходит сокращение рабочего и увеличение свободного времени общества. Это время обществом отводится для производства знания и осуществления научной и образовательной деятельности.

Деятельность по производству знаний является результатом материального производства и в смысле своей вторичности, и в смысле возникновения из процесса

распредмечивания результатов материального труда. Материальный труд после своего опредмечивания в продукте материального производства распредмечивается за пределами этого производства и превращается в общественное состояние как в аспекте образовательной деятельности, так и в ее собственные результаты.

Сущность распредмечивания овеществленного ранее (опредмеченного) труда проявляется в том, что продукт материального производства и в процессе, и в результате его потребления вновь превращается в деятельность, в том числе, и в образовательную. Воплощенный в продукте труд исчезая, вновь приобретает форму субъективной активности человека. Как неопредмеченный (неовеществленный) труд, как не-стоимость труд есть субъективное существование самого человека, его труда⁴.

Субъективное существование самого труда возможно не потому, что труд обладает стоимостью. Труд не имеет стоимости, поэтому образовательная деятельность человека обосновывается социально-экономическим продуктом труда материального.

Вот почему ограниченной является та точка зрения, которая сводит общественное богатство к богатству вещному. Образовательное благо и сам человек как высшее социальное благо не менее реальны, чем блага материальные. Наука и образование являются такой основательной формой богатства, которая имеет форму как практического, так и идеального богатства. По Марксу, развитие науки, этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает развитие производительных сил человека, т.е. развитие богатства⁵.

Стало быть, развитие науки является лишь одной из сторон, одной из форм, в которой выступает развитие производительных сил самого человека. Разнообразные виды научной и образовательной деятельности являются различными гранями и сторонами, многообразными формами, в которых выступает развитие производительных сил человека. Поскольку человек составляет главное общественное богатство, постольку образовательная деятельность, и ее результаты (образовательные блага) являются формами этого богатства.

Вещественные блага, составляя фонд материальных жизненных средств, выступают условием развития человека как общественного богатства. Посредством этого создается не только возможность образовательной деятельности, но и воспроизводство всей человеческой общественности, в том числе и его способности к труду по производству знаний. В этом смысле через потребление материальные блага вновь способны превращаться в труд как свое субстанциональное состояние, в том числе и в

образовательную деятельность.

Труд как посредник между продуктом и общественно утверждающим себя человеком способствует тому, что посредством своей собственной деятельности человек овеществляет себя в предмете, но освоение им продукта (распредмечивание) проявляется как развитие самого человека. Поэтому мир материального богатства образует лишь условие для собственного осуществления человека, творящего духовно и осуществляющего научную, образовательную и прочую деятельность. Распредмечивание ранее опредмеченного труда в живой материальной и духовной деятельности полагает его как обогащающую себя материально, духовно, образовательно и т.д. личность.

Главное в выявлении специфики создания образовательных благ состоит в исследовании движения собственной социально-экономической формы производства знаний и его результатов. Специфика образовательной деятельности состоит, прежде всего, в том, что образование и блага, которые оно предоставляет, являются инобытием материального богатства и, одновременно, способом производства и воспроизводства человека и общества.

Деятельность такого рода есть превращенная форма материального производства (доли национального дохода), а дальнейший непродуцируемый труд реализует эту долю в виде услуг научной деятельности. Рабочее время здесь становится уже недостаточным показателем для измерения результата, т.к. услуги производятся и реализуются в свободное время общества. Следовательно, именно оно и должно выступать в качестве измерителя научной деятельности и ее результатов. Это качественно новый уровень экономического и социального развития самого общества: переход от такого состояния общества, когда величиной измерения его богатства выступает рабочее время, к обществу, величиной измерения которого становится свободное время. Затраты на производство знаний - это затраты труда и свободного времени. Определенное соотношение массы свободного времени, затрачиваемого на производство знаний, и рабочего времени будет показателем уровня развития общества в отношении производства и воспроизводства знаний. В расширении свободного времени общества состоит способ развития образования и образованного человека.

Свободное время, хотя и связано с рабочим, свое собственное содержание не исчерпывает последним. Оно является социальной основой для осуществления собственно образовательной деятельности. Поскольку потребление образовательных благ, связанное с образовательным развитием индивидов, входит в пространство свободного

времени общества, то, стало быть, чем больше объем производимого свободного времени общества, тем шире масштабы образовательной деятельности (образовательного времени), служащей развитию человека и формированию его способностей.

Образование имеет социальную силу, которую можно выразить временем, отводимым обществом на образование, увеличение образовательного времени тождественно его развитию как духовного общественного блага. Причем формы проявления этой социальной силы образования могут быть представлены, во-первых, как увеличение массы свободного времени, затрачиваемого на осуществление профессиональной образовательной деятельности вполне определенной группы лиц, и, во-вторых, расширение объема свободного времени, затрачиваемого на разнообразную образовательную деятельность остальной части общества, т.е. теми людьми, которые не занимаются образованием профессионально, иными словами, потребляют образовательные блага. Поэтому более конкретно можно говорить о социальной силе образования как о развитии духовного облика человека: результатом образования выступает не просто развернутое знание, но и следствие его потребления - образованный и развитый человек.

Социальная сила образования может являть себя и в другом. Подобно тому, как увеличение свободного времени тождественно производству образования, для расширения материального производства требуется сокращение необходимого и увеличение прибавочного рабочего времени. В экономии рабочего времени состоит смысл роста производительной силы труда. Но тем самым создается основа и для дальнейшего производства свободного времени общества и увеличение его образовательной (социальной) силы. Таким образом, не только движение производительной силы труда способно производить свободное время, но и образовательное время влияет на производительную силу труда.

Эта иная сторона диалектики производительной силы общества свидетельствует, что социальный эффект образования проявляется в развитии производительных сил, а также в повышении образовательного качества личности. Образование выступает и как средство развития человека, и как духовная форма его производительных сил, в которых материальный продукт производства модифицируется в духовное благо, а духовное благо - в материальный продукт и духовные свойства личности.

Условиями научного анализа производства и воспроизводства знаний являются следующие моменты: во-первых, необходимо рассматривать производство знаний и

духовное производство вообще в качестве превращенной формы материального богатства, одной из сторон конечного результата общественного производства - развития самого человека и общества; во-вторых нахождение и объяснение социальных форм движения процесса производства и воспроизводства знаний посредством использования социально-экономических законов, применения категорий производственных отношений к области производства знаний. В-третьих, включение образовательной деятельности и ее непосредственного результата - духовно развитого человека, в общую систему воспроизводства социальных форм, в частности, воспроизводства человека как научно-развитой личности посредством распрямления созданного в материальном производстве богатства и потребительного производства как формы производства социального.

Специфика производства знаний состоит прежде всего в том, что образовательные блага являются инобытием материального богатства и одной из сторон общественного производства - производства и воспроизводства человека и общества.

Знание, взятое само по себе и распространяемое через системы образования посредством коммуникационных технологий, не упраздняет товарно-стоимостной характер производства материальных благ в условиях рыночной экономики и его нацеленность на получение прибыли. Резкие колебания цен на уникальные товары, использующие новейшие знания и специальные технологии, сами по себе не отменяют меновые отношения. Денежная цена как таковая есть всеобщее выражение меновой стоимости, а всякая единичная цена - ее то или иное особенное выражение. Источником прибавочной стоимости в товаре выступает не знание как таковое, а неоплаченный труд, использующий данное знание. Знания не имеют значения действительной основы стоимости, но они способны повлиять на конкурентоспособность товара. Это объясняется социально-экономической определенностью и общественной ролью знания как духовной производительной силы общества, той объективной способностью знания в процессе собственной реализации в живом труде создавать продукт, который своей полезностью многомерно превышает затраты на его производство. Затраты на производство нового знания оказываются несопоставимы с результатами его применения: весьма незначительные затраты нередко приводят к рождению огромной силы новых знаний об окружающем мире.

Второй аспект воздействия знаний на экономическое развитие - это их влияние на производительность труда и его продукт в качестве потребительной стоимости.

Образование является решающим фактором роста производительности труда, который представляется как экономия общественного труда. Роль науки и образования для развития общественного производства была отмечена еще классиками марксизма: «Природа, - писал К. Маркс, - не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог и т.д. Все это - созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания»⁶. Техника рассматривается как овеществленная сила знания, как превращенная форма науки, а размеры и эффективность средств производства зависят от науки. Проявлениями воздействия науки на производство являются экономия живого и экономия прошлого труда. Так, экономия общественного труда за счет применения науки составила в период 1951 - 1975 гг. 823,5 млн. условно высвобожденных работников при среднем высвобождении за пятилетие в размере 164,7 млн. человек с тенденцией к росту. Более высокая доля прироста экономии общественного труда, полученного за счет применения науки в производстве, во всем приросте экономии общественного труда за период 1951 - 1960 гг. может быть интерпретирована как следствие научно-технического развития⁷. Открытия в науке и их реализация вызывают изменения в общей сумме производительных сил. Данные оценки доли науки в изменении производительности труда являются свидетельством огромной значимости науки для развития общественного производства, подтверждают ее действенное функционирование в качестве усилителя факторов роста производительности труда.

Поскольку полезный эффект научной деятельности, производящей новые знания не эквивалентен общественно необходимым затратам, а стоимостной парадигме присущи недостатки в объяснении научной деятельности и знания, в качестве основного предлагается рассматривать потребительно-стоимостной подход. «Разрешение противоречия между трудом как источником стоимости и трудом как создателем потребительной стоимости здесь (в новой парадигме) осуществляется в рамках одной и той же сущности труда: с развитием общества происходит отрицание господства затрат непосредственного труда (стоимости), т.е. затратной стороны труда, и превращение результатной стороны (потребительной стоимости) в господствующее начало, делающее экономическую систему целостной. Соответственно, трудовая теория потребительной стоимости становится более высокой и развитой теорией, образует новую парадигму экономической науки»⁸. Приоритетность этого подхода определяется тем, что полезный эффект научной деятельности, производящей новые знания, не эквивалентен общественно необходимым затратам. Закон потребительной стоимости в своем сущностном определении базируется на принципе: труд по условиям производства потребительной стоимости не равен (не эквивалентен) труду не только по производству стоимости, но и по

созданию потребительной стоимости. Соответствие производства и потребления достигается тогда, когда потребительная стоимость продукта превышает затраты труда на его производство. Этого рода диспропорция как раз и обеспечивает пропорциональность производства и потребления, поскольку здесь допускается возвышение потребностей при минимизации трудовых затрат. Непроизводственной (образовательной) деятельностью, основанной на реализации произведенного в сфере материального производства продукта, создается новая потребительная, но не меновая, стоимость в виде разного рода общественных (в частности, образовательных) благ и воспроизводится самое главное - человеческая жизнь. «Трудовая теория потребительной стоимости является специфической формой существования производственных отношений, имеющей дело с воспроизводством самого человека и, следовательно, отношений людей по поводу собственного воспроизводства в качестве развитых личностей»⁹. Более того, превосходство результата по своей полезности (потребительной стоимости) над затратами труда на его достижение, составляет, по нашему убеждению, смысл и назначение человеческой деятельности и всего развития общества.

В увеличении потребительной стоимости результата производства в создании новой производительной и потребительной силы общества участвуют два основных фактора: материальные средства производства и рабочая сила. Потребительная стоимость материальных средств производства, реализуется в производственном потреблении и, в конечном счете, сводится к повышению производительной силы функционирующего труда, благодаря замещению живого человеческого труда и его высвобождению. В итоге разность между высвобождаемым и затраченным трудом будет характеризовать величину полезности средств производства, их потребительную стоимость, реализуемую в процессе производительного потребления.

Сфера интеллектуального производства направлена на совершенствование сферы материального производства, т.е. имеет своей конечной целью новые технологии и рекомендации по оптимизации производства, через которые знания воплощаются в продукте труда (в увеличении объемов производства, повышении качества продукции и т.п.). Таким образом, эти виды деятельности являются также производительными и в этом смысле материальными.

1. Сакайя Т. Стоимость, созданная трудом или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М, 1999. С.362-363.
2. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 130.

3. Ельмеев В.Я. Основы экономики науки. М., 1977. С.76.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. 4.1. С.247.
5. Там же. 4.2. С.33.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46.Ч. II. С.215.
7. Нефедов Е.М., Переверзева Т.А. Роль науки в повышении производительности труда. Л., 1979. С.9.
8. Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости. СПб, 1996. С.5.
9. Долгов В.Д., Ельмеев В.Я., Попов М.В. Выбор нового курса. М., 1991. С.83.

§ 3. Инновационная сущность труда.

Информационное общество, как уже отмечалось, базируется, по мнению его апологетов, исключительно на интеллектуальном капитале, а последний - на знаниях, создающих этот капитал. Что касается обычного труда, производящего жизненные средства, то ему в этом обществе уготовлено самое ничтожное место или даже «смерть». Обычно не задумываются над вопросом – чем создается сама возможность заниматься умственной деятельностью теми, кто не создает себе фонда жизненных средств, необходимых для обеспечения своего существования.

Очевидно, что для этого нужен труд, создающий жизненные средства. Проблема, соответственно, сводится к тому, чтобы этот труд сделать творческим, ареной применения сил науки и новой техники. Для этого нужны не просто знания, но и определенные социально-экономические условия. Главное из них – это превратить труд из способа производства стоимости в труд, производящий только потребительную стоимость. Дело в том, что инновационная, творческая сила труда – дать в результатах больше, чем его затрачивается - обнаруживается лишь тогда, когда его результатом выступает не стоимость, а потребительная стоимость.

Когда речь идет о труде, производящем стоимость, последняя не может превосходить соответствующие общественно-необходимые затраты на ее производство. Этого нельзя допустить по закону стоимости, ибо одно и то же количество общественно-необходимого труда всегда создает одну и ту же величину стоимости. Соответственно, в этом аспекте об инновационной сущности труда говорить нельзя, что могло служить основанием для отрицания значимости обычного труда и его созидательной роли.

С позиции стоимости невозможно объяснить, что труд создает излишек. К. Маркс не согласился с тезисом Прудона, что «всякий труд дает некоторый излишек», ибо это дает повод прибавочную стоимость выводить не из прибавочного труда, совершаемого в прибавочное время, а из самого свойства труда производить стоимость. В этом случае, отмечал К. Маркс, труд и прибавочная стоимость неизбежно мистифицируется. «То обстоятельство, что рабочие работают сверх необходимого труда, Прудон превращает в некое мистическое свойство труда. Одним только ростом производительной силы труда этого не объяснить; этот рост может увеличить количество продуктов, производимых в

течение определенного рабочего времени, но не может придать им никакой прибавочной стоимости»¹.

Чтобы обосновать инновационную сущность труда, необходимо иметь в виду вторую его сторону – его определение как создателя потребительной стоимости, и его самого как потребительную стоимость, которая сводится к коренному свойству труда создавать результат, превосходящий затраты труда.

К сожалению, это свойство обычного труда не только не возводится на уровень его сущностных характеристик, но и часто упускается из виду при анализе труда. Причина тому – обычное рассмотрение труда только в рамках процесса создания стоимости, т.е. как абстрактного труда. Изображение К. Марксом процесса производства и труда в “Капитале”, как он сам об этом пишет, покоится «на анализе абстрактного труда, труда как затраты рабочей силы, – безразлично, каким полезным способом она затрачивается»². Но в этих рамках, т.е. когда имеется в виду стоимость затрат и результатов, превышение результатов труда над его затратами не обнаруживается. Даже прибавочная стоимость, выводимая из потребительной стоимости рабочей силы, имеет свой эквивалент затрат в виде прибавочного труда, следовательно, не превосходит эти затраты. Поэтому К. Марксу приходилось потребительную стоимость рабочей силы в общем случае ограничивать ее способностью «доставлять труд», «создавать стоимость». Что же касается превышения на величину прибавочной стоимости рабочей силы, то это выходило за рамки эквивалентного стоимостного обмена, принятого К. Марксом в качестве исходного принципа в первом отделе “Капитала”.

Превосходство результатов труда над его затратами – это уже другой закон, которому подчинен труд, производящий не стоимость, а потребительную стоимость. Такого закона экономическая наука, в отличие от хозяйственной практики, пока не знала и не знает.

В общеэкономическом смысле, тождественном потребительностоимостному подходу, прирост потребительной стоимости рабочей силы обнаруживается в том факте, что работник производит больше, чем потребляет, что из производства выходит большее количество потребительной стоимости, чем в нем потребляется. Что же касается избытка труда, доставляемого рабочей силой, над затратами ее собственного воспроизводства, то это достигается тем, что потребительная стоимость рабочей силы увеличивается за счет использования потребительной стоимости материальных средств производства и природных сил, с одной стороны, и умножением собственной производительной

субъективной силы работника посредством потребления им материальных и духовных благ в процессе воспроизводства своей рабочей силы. За счет этого происходит замещение, высвобождение малоквалифицированного простого труда высококвалифицированным, сложным трудом, сопровождающееся уменьшением общего количества труда, поскольку большее количество простого труда равняется меньшему количеству сложного. Труд, высвобожденный в результате внедрения более квалифицированного труда, будет большим, чем затраты на подготовку квалифицированных работников.

Таким образом, потребительная стоимость рабочей силы может быть выражена: а) отношением всего количества функционирующего труда к его части, затрачиваемой на собственное воспроизводство рабочей силы; б) отношением высвобождаемого труда к затратам на подготовку квалифицированного труда, замещающего простой труд. Что касается затрат на покупку жизненных средств и их потребление, то они не имеют прямого отношения к процессу самого труда, являются его внешним условием, не входят в него, а если и входят (работник должен принимать пищу во время труда), то лишь как материал для поддержания дееспособности работника. Но это не значит, что за пределами процесса труда отпадает вопрос о потребительной стоимости жизненных средств. Здесь мы можем лишь предварительно сказать, что потребительная стоимость предметов потребления в конечном счете реализуется тоже в высвобождении труда, достигаемого за счет замещения сложным трудом более простого труда. Но это касается уже потребительного производства, в котором осуществляется воспроизводство человека и общества. В нем потребительная стоимость предметов потребления оказывается лишь моментом, а конечным результатом выступает уже не материальный, вещный продукт производства, а сам человек и само общество. Закон потребительной стоимости, соответственно, приобретает форму социологического закона, выражающего человеческое развитие.

Превосходить своими результатами свои же затраты – это, как явствует из сказанного, коренное свойство труда и человека как работника. Чем же его объяснить, можно ли принять этот принцип за аксиому так же, как в случае со стоимостным принципом равенства затрат и результатов?

Очевидно, что превышение результатов труда над его затратами достигается в первую очередь за счет использования человеком энергетических сил природы и технико-технологических средств как усилителей сил труда. Этот источник возрастания потенциала труда не нуждается в особых доказательствах: на этом обычно строится

теория роста производительности труда. Что же касается возвышения сил самого человека, применяемых им в своем труде, то здесь следует иметь в виду, по крайней мере, два не очень изученных источника, делающих результат труда выше его затрат. Ими являются: а) потребление людьми жизненных средств, повышающих потребительную силу общества и его трудовой потенциал, реализующихся в увеличении конечного результата труда; б) использование дополнительных производительных сил труда, возникающих из способов совместной деятельности людей (силы кооперативного, обобщественного труда).

Относительно первого источника, т.е. как из потребления жизненных средств может возникнуть превышающий соответствующие затраты результат, в научной литературе сказано очень мало. Можно сослаться на представителей теории потребления, опирающихся на концепции предельной полезности и данные психологии. Так, согласно С. А. Первушину, “экономически целесообразным будет лишь потребление, удовольствие от которого превышает тягостность затрат на него, которое дает известную положительную разницу”³. Для обозначения этой разницы вводятся по аналогии с производством понятия “потребительская прибыль”, “потребительский доход”, “потребительская рента”, призванные отразить дополнительный результат от потребительной деятельности. Соответственно, С. А. Первушиным делается поправка ко второму закону Г. Госсена. Вместо предельной полезности продукта ставится предельный доход потребителя: “моментом, определяющим потребление, является не предельная полезность, а предельный доход, предельная рента потребителя”⁴. Определяется предельный доход (как и предельная полезность) на основе ранжирования получаемого удовольствия от потребления последних долей благ, т.е. на основе субъективных предпочтений людей. Определенным шагом вперед в этом вопросе явилась теория потребительского излишка (А. Маршалл, Д. Хикс и др.). Особая заслуга здесь принадлежит французскому экономисту М. Алле (“*Theorie generale des surplus*” Paris, 1989), предложившего концепцию распределяемого излишка, связанного с высвобождением того или иного блага.

Более плодотворным представляется объяснение дополнительной результативности, получаемой трудом от потребления жизненных средств, по объективным критериям, в частности, посредством превращения энергии, воплощенной в предметах потребления, в человеческую энергию, позволяющую труду достигать результат, превышающий затраты. В этом отношении можно сослаться на работу С. А. Подолинского “Труд человека и его отношение к распределению энергии”, в которой труд

представлен процессом, увеличивающим бюджет энергии человека и обладающим, в отличие от механических процессов, коэффициентом полезного действия выше ста процентов. Он, например, полагал, что энергия, накопленная в сельскохозяйственном продукте и реализуемая при его потреблении, в два десятка раз превышает количество энергии, затраченной человеком на земледелие. Можно, конечно, эти “разы” объяснить тем, что человек использует и сохраняет в сельскохозяйственном продукте солнечную энергию. Но это не отрицает решающей роли труда в сбережении этой энергии и в увеличении бюджета энергии, находящейся в распоряжении человека. Труд при своей реализации сберегает энергии в десятки раз более, чем он сам заключает. Соответственно труд им трактуется как “действия, увеличивающие бюджет превратимой энергии человечества”⁵.

Безусловно, жизненные средства должны быть включены в состав факторов (кроме природных двигательных сил, технических средств), усиливающих результативность труда. Здесь важно выяснить какой вид энергии, получаемый человеком от потребления жизненных средств, более всего сберегает затраты труда и тем самым увеличивает его продуктивность. Известно, что мускульная сила человека, используемая в качестве двигательной силы, составляет мизерную долю в производимой для этих целей мировой энергии. Соответствующие расчеты свидетельствуют, что производимая, например в 2000 году в мире электрическая энергия способна была бы потенциально высвободить в течение года труд 70 млрд. человек, занятых производством двигательной энергии на основе использования мускульной силы, то есть число лиц, примерно в 10 раз превышающее общую численность населения земного шара⁶.

Другое дело – физическая и умственная энергия людей, используемая ими при обслуживании технических и технологических процессов и связанная с исполнительными функциями человека при машинах и механизмах. Эта функция, усиливающая продуктивность техники и технологических процессов, является основной формой, в которую превращается энергия потребляемых жизненных средств. И здесь через труд сберегается энергии тоже в десятки раз больше, чем расходуется в процессе труда: при помощи техники высвобождается громадное количество живого исполнительского человеческого труда.

Особая значимость в сбережении человеческого живого труда принадлежит умственной энергии, приобретаемой человеком вследствие потребления жизненных средств и духовных благ, затраты на создание которых не идут ни в какое сравнение с теми результатами, которые дает практическое использование знаний, информации,

опыта. По подсчетам С. Г. Струмилина, результаты, получаемые от работы обученных рабочих, превышают соответствующие затраты на школьное обучение в 27,6 раза⁷.

Эффект от потребления человеком материальных и духовных благ лучше всего выразить в обобщенном виде понятием “потребительная сила” труда (соответственно, человека и общества), которая вполне согласуется с подобными же характеристиками труда – “рабочей силой” человека, “производительной силой” труда и т.п. Можно, следовательно, ставить вопрос о превращении потребительной силы в рабочую силу и в производительную силу и наоборот, а также говорить о возрастании потребительной силы общества и человека, о способах и факторах ее увеличения. Введение в экономический анализ понятия потребительной силы, т.е. способности к потреблению, позволяет более основательно выделить объективное содержание потребительной деятельности, отмежеваться от часто встречаемой психологической ее характеристики, ставящей ее в полную зависимость от субъективных оценок со стороны субъекта.

Категория потребительной силы, и это главное в данном случае, позволяет потребительную деятельность объяснить законами движения потребительной стоимости и преодолеть ограничения, накладываемые на нее законом стоимости. Поскольку потребительная стоимость рабочей силы и ее мера заключены не в труде, овеществленном в ней, не в ее стоимости, то обусловленность потребления (спроса) стоимостью (доходами), рабочим временем попадает в ложное положение. При обилии произведенных для рынка товаров человек может оказаться не только за чертой бедности, но и лишиться необходимых средств к существованию. Рынок признает только платежеспособного покупателя, того, у кого есть деньги. Он в этом отношении безразличен к потребителю: товар достается тому, кто может заплатить, а не тому, кто больше всего нуждается, имеет настоятельную «склонность» к потреблению. В рамках закона стоимости для громадной массы трудящегося населения мера потребления обуславливается стоимостью рабочей силы, мерой необходимого по условиям ее воспроизводства труда. В данном случае для определения величины потребления пользуются единицей труда и заработной платой за эту единицу труда – единицей заработной платы в ее денежном выражении. Соответственно потребности и потребление получают свое выражение в платежеспособном спросе, а их зависимость от меры труда (производства) – в предложении товаров. Спрос и предложение выступают двумя переменными величинами, измеряемыми денежной мерой.

Другой характер носит общественная мера потребления, которая исходит из потребительной силы и базируется не на стоимостной, а на потребительностомостной

основе. Она должна отвечать природе самой потребительной силы. Там, где господствует потребительная стоимость и сами потребности обуславливают пределы рабочего времени, необходимого для их удовлетворения, рабочее время теряет свое значение меры потребления, ибо оно само удлиняется или сокращается в зависимости от того, сколько нужно доставить того или иного количества потребительных стоимостей. Смысл общественного прогресса в этом отношении сводится к тому, чтобы потребление не определялось минимумом времени, необходимым для производства, поскольку само “рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости”⁸.

Сокращение рабочего времени, обусловленное научно-техническим прогрессом, не может приниматься за признак уменьшения потребления. Наоборот, экономия рабочего времени должна вести к увеличению общественного богатства и свободного времени. Последнее, превращаясь в мерило развития человека как истинного богатства, тем самым становится и мерой развития способности к потреблению, мерой потребительной силы общества. Это соответствует требованиям закона потребительной стоимости, согласно которому высвобождаемое в результате реализации потребительной стоимости время превосходит затраченное рабочее время и, следовательно, потребление, совершаемое в свободное время, должно измеряться последним. Когда же в качестве меры используется рабочее время, то такое потребление свидетельствует по существу о бедности. Рабочее время, в том числе прибавочное, поглощая почти все время трудящихся масс, лишает их свободного времени, которое становится временем для немногих. Они и получают простор для своего развития, в том числе и для потребления.

При характеристике потребительной способности общества нельзя ограничиваться ее рассмотрением только "в-себе", т.е. в рамках взаимоотношения численности потребителей и величины их потребности в тех или иных благах, выраженных, например, в единицах этих благ или потребительской корзины. Потребительная сила должна быть определена не только как сущее "в-себе", но и в своем "для-себя" бытии, в зависимости от факторов, влияющих на нее. К этим факторам относится прежде всего производительная сила общества, а также состояние пропорций распределения продукта на части, предназначенные для личного и производительного потребления, пропорциональность распределения труда по подразделениям производства, соответствие этого распределения структуре потребностей общества. Потребительная сила общества в общем и целом, в конечном счете, представляет собой функцию его производительной силы. Еще классиками политической экономии было установлено,

что чем больше производится потребительных стоимостей, тем выше уровень удовлетворения потребностей людей. Впоследствии, в частности, в работах Дж. М. Кейнса эта концепция была подвергнута критике. Она, по мнению Дж. М. Кейнса, была построена на основе натурального обмена, не учитывала самостоятельной роли денег¹⁰. Дж. М. Кейнс предложил исходить не из производства, не из предложения, а из спроса, объективные факторы которого лежат на стороне дохода и его различных компонентов.

Нельзя, конечно, недооценивать влияния потребления на величину производства, но оно не отменяет решающей роли производства в удовлетворении потребностей, т.е. не следует пренебрегать общей зависимостью потребительной силы от производительной силы общества. Более того, многие проблемы спроса и предложения, не решаемые с позиции опосредствующих их стоимостных механизмов, легко могут быть решены, если исходить из взаимодействия производства и потребления в потребительностоимостной плоскости. Ф. Энгельс был прав, видя истинный смысл конкуренции /соревнования/ во взаимоотношениях потребительной и производительной сил. В будущем строе, достойном человечества, по его мнению, не будет иной конкуренции, кроме этой. Общество должно будет рассчитывать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств, и сообразно с отношением своей производительной силы к массе потребностей определять уровень удовлетворения потребностей¹¹.

Если производительную силу общества выразить величиной высвобождаемого из сферы материального производства труда /производительного рабочего времени/, то это высвобождаемый для других видов деятельности труд /время/ в расчете на душу населения будет индексом роста потребительной силы. Увеличение производительности труда в общественном масштабе предполагает, что существующие потребности удовлетворяются применением в производстве меньшего количества труда /времени/, чем прежде. Следовательно, высвобождаемый труд /время/ может быть затрачен на удовлетворение новых или других потребностей, не реализуемых в прежних условиях. Отношение же высвобождаемого из сферы материального производства труда к занятому в ней труду может служить нормой потребительной способности общества. Эта норма является критерием, по которому определяется возвышение потребностей. Содержанием этого процесса будет образование новых или реализация ранее не удовлетворенных потребностей. Их возрастание обеспечивается в первую очередь превращением сэкономленного в материальном производстве труда и рабочего времени в другие виды деятельности, порождающие и удовлетворяющие новые потребности. Тем самым в возвышении потребностей закон потребительной стоимости получает свое адекватное выражение.

С ростом производительности труда норма потребительной способности неизбежно повышается, что никак не уместается в стоимостную схему движения конечного совокупного продукта, предлагающую падение этой нормы в связи с растущим преобладанием труда по производству той части продукта, которая идет не на личное, и на производственное потребление. Повышение же потребительной способности общества подчиняется другому закону - закону возвышения потребительной стоимости и может быть выражено схемами воспроизводства, построенными на потребительностоимостной основе. Из них следует приоритетность потребления и его определяющее влияние на объемы производственного накопления. В этом случае конечным результатом общественного материального производства следует считать фонд индивидуального потребления, а затраты деятельности по реализации этого фонда, в том числе по воспроизводству рабочей силы, должны быть исключены из состава издержек материального производства.

Если же подходить к этому вопросу со стороны изменения стоимостного строения производства /капитала/, то приходится признать постоянное увеличение труда, расходуемое на производство средств производства, и сравнительное уменьшение труда, затрачиваемого на производство предметов потребления. Из изменения этого соотношения $C > V$ следует, что развитие производительной силы не сопровождается таким же развитием потребительной силы общества. Наоборот, ограниченное потребление населения становится полюсом, противостоящим стремлению капитала развивать производительные силы. В результате того, что этому стремлению противостоит падающее потребление масс, возникают кризисы, разрушающие производительные силы и еще больше снижающие уровень потребления населения. Чтобы не допустить возможности делать такие выводы из анализа движения стоимости, ее защитникам ничего другого не остается как изъять из стоимости конечного продукта стоимость средств производства c , растворить ее в стоимости необходимого и прибавочного продукта $V+m$, т.е. вернуться к положению А. Смита о том, что конечный продукт по стоимости полностью разлагается на заработную плату, прибыль, ренту. На деле же нет никакой необходимости возвращаться от К. Маркса к А. Смигу. Надо лишь признать, что законом эквивалентного обмена /законом стоимости/ не объясняется ни источник происхождения прибавочной стоимости, ни соответствующий рост потребления общества. Для этого следует обращаться к потребительной стоимости рабочей силы – к труду, в горниле которого человек создает больше, чем затрачивает.

Не приводит ли эта асимметрия затрат и результатов к нарушению пропорциональности между производством и потреблением? Ведь мы привыкли видеть ее

в равновесии спроса и предложения, обусловленным рыночным механизмом и стоимостной эквивалентностью. Это представление, однако, поверхностно и ошибочно. В действительности стоимостной механизм разрушает единство производства и потребления, их соответствие. Последнее достигается лишь в том случае, когда производство непосредственно подчинено потреблению, а условия потребления определяют время, затрачиваемое на производство материальных и духовных благ. причем пропорциональность достигается здесь на основе неравновесности результатов и затрат труда. Если бы потребительная стоимость рабочей силы равнялась затратам труда на ее воспроизводство, то ее полезный эффект составлял бы нуль, и мы имели бы дело с “нулевым” ростом.

Другим источником превышения результатов труда над его затратами, лежащим на стороне самой человеческой деятельности, является, как уже сказано, ее коллективный характер, общественный (совместный) способ ее осуществления. Уже в условиях простой кооперации получается результат, намного превышающий сумму достижений отдельных работников, работающих изолированно. Он возникает из создаваемой совместной деятельностью общественной производительной силы, которая также превосходит сумму сил отдельных работников. Трудно даже представить какое поистине громадное богатство создается благодаря превращению труда в общественный процесс, его обобществлению в масштабах всего общества, включая воссоединение физической деятельности с умственной на базе высоко развитых технологий и концентрации средств производства.

Преимущества совокупного работника, не интегрируемого и не сводимого к сумме сил его составляющих, дали повод говорить о создании некоего „социального капитала”, нередко отождествляемого с обычным капиталом. В смысле особой общественной производительной силы, подчиняемой капиталом и используемой им для своего возрастания, можно пользоваться этим понятием в значении метафоры. Если же его трактовать как самовозрастающую стоимость, то это было бы не только неуместным, но и ошибочным. Дело в том, что продукт кооперативного процесса труда, взятого в качестве стоимости, не может быть больше суммы затрат рабочего времени отдельных лиц. С точки зрения производства стоимости, безразлично создают ли ее работники по отдельности или они это делают совместно.* Дополнительный результат совместного труда является следствием возвышения общественной потребительной стоимости рабочей силы, а не ее меновой стоимости, как бы ни эксплуатировалась ее потребительная стоимость.

* «В производстве стоимости множество всегда имеет значение только суммы многих отдельных единиц» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.333).

Результатом совместного, кооперированного труда в потребительно-стоимостном отношении является высвобождаемый (применением его общественных производительных сил) живой человеческий труд. Из объема высвобождаемого труда должны быть вычитаны затраты труда работников, обслуживающих этот совместный труд – главным образом работников управления, необходимых для согласования индивидуальных работ, контроля, учета и выполнения других подобных функций. Этого рода затраты ныне обычно называют “социальными” или “транзакционными” издержками, необходимыми для обеспечения взаимодействия людей в их общественном трудом процессе (раньше они относились к затратам непроизводительного труда). Их экономия считается критерием, по которому оценивается воздействие системы управления и социальных институтов на аллокацию ресурсов и структуру производства, следовательно, на эффективность производства.

Такого рода критерий, т.е. затратный подход, отождествляя затраты с результатами, не выводит за пределы стоимостной эквивалентности, не позволяет выявить действительный результаты, касающиеся развития самого человека. Ведь затраты труда для обслуживания транзакционной сферы своим источником имеют тот же высвобожденный из производства и превращенный в управленческую и иную деятельность труд. Экономить его – значит или экономить уже затраченное, или увеличивать за счет этой экономии сферу затрат производительного труда, что не согласуется с научно-техническим прогрессом и с ростом производительных сил труда.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 143.
2. Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 385.
3. Первушин С.А. Очерки по теории массового потребления//Экономист, 1922. №4-5. С.40.
4. Там же. С.84.
5. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии//Подолинский Сергей Андреевич. М., 1991. С.51, 63, 76.
6. Байнев В.Ф. Научно-технический прогресс и энергосбережение: потребительностоимостный анализ эффективности производства электроэнергии. Саранск, 1988. С.50-51.
7. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С.163.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч. II. С.214.
- 9.
10. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. С.73.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С.562.

ГЛАВА 5. К СОБСТВЕННОСТИ, ОСНОВАННОЙ НА СОВМЕСТНОМ ТРУДЕ

§ 1. Труд и собственность: диалектика развития

Известно, что первоначально собственность возникла как собственность на условия и продукт своего труда, т. е. работник присваивал продукт на основе своего труда. История свидетельствует, что существовали такие общественные системы, в которых работники оказывались собственниками всего созданного ими продукта. Первобытная община выступала главным собственником и территории обитания, и получаемого продукта. Она представляла собой своего рода трудовой коллектив, в котором каждому человеку уже в силу того, что он принадлежал к общине, полагалась определенная доля общего продукта. Одновременно принадлежность к общине обязывала каждого ее члена к трудовой деятельности, что регулировалось существовавшими социальными нормами. Именно это и связывало трудовой вклад каждого общинника в совокупный продукт общины и норму потребления. Поскольку община как трудовой коллектив являлась связующим звеном труда и собственности, труда и потребления, то отношения собственности в первобытном обществе принимают форму трудовой коллективной (общественной) собственности.

Труд служит основанием не только общественной, но и частной собственности в условиях мелкого товарного производства. Поскольку орудия и материалы труда были собственностью работника, то и весь изготовленный продукт также принадлежал ему. В то же время для удовлетворения своих разнообразных потребностей работник был вынужден обменивать на рынке продукты своего труда на продукты труда других таких же производителей. Этот обмен был эквивалентным, так как отчуждая свой труд, овеществленный в сделанном им продукте, работник становился собственником такого же количества труда другого, воплощенного в полученной им в обмен вещи. Собственность работника на средства производства обеспечивала присвоение работником продукта своего труда, а эквивалентность обмена на рынке товаров – удовлетворение потребностей работника в условиях общественного разделения труда.

И в условиях первобытной общины, и в условиях мелкого товарного производства весь продукт труда оказывался собственностью работников. Это значит, что получить и потребить какой-либо продукт можно было только изготовив его (или поменяв свой продукт на чужой, но свой продукт все равно надо было изготавливать самому). И

коль скоро единственным условием возникновения собственности на продукт труда выступает сам этот труд, то в первобытном обществе и мелком товарном производстве действует первый закон собственности – закон собственности на условия и продукт своего труда или же закон тождества труда и собственности.

Коренным образом ситуация изменилась в период капитализма. Здесь возникают социально-экономические условия существования нетрудовой собственности, т. е. собственность на продукт приобретает за счет чужого труда. Происходит утрата работником своих средств производства, в результате чего он остается только собственником своей рабочей силы, которую вынужден продавать собственникам средств производства, нуждающимся в рабочих руках. И поскольку работник для того, чтобы прожить, вынужден продавать свою способность к труду, то рабочая сила принимает форму товара. Собственники своей способности к труду (наемные работники) получают за продажу своей рабочей силы заработную плату, а собственники чужого труда – доходы в виде прибыли, процента или ренты. Вступает в силу второй закон собственности – собственность на чужой труд или закон нетрудовой собственности: «собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего – невозможность присвоить себе свой собственный продукт»¹.

Исчезают ли исходные основания для нетрудовой собственности в условиях современного капитализма как об этом «трубят» теоретики постиндустриального общества? Несмотря на происходящие изменения, несмотря на повышение роли информации, внедрение новшеств, высоких технологий, расширение социально-экономической деятельности государства, без производительного труда работников общество существовать не может: «Всякому ясно: какие бы изменения ни происходили в высших, непроектируемых слоях общества, общество не может существовать без класса производителей»². И поскольку производство материального продукта осуществляется в условиях капиталистического производства, постольку прибавочная часть продукта становится собственностью отнюдь не тех, кто трудился над ее созданием, постольку остается противостояние *наемного труда и капитала*. Безусловно современный работник иной, нежели работник XIX–начала XX вв. Но он, как бы ни изменилось качество его способности к труду, все равно остался *наемным* работником, продающим свою рабочую силу и получающим взамен лишь ее стоимость.

Несмотря на многочисленные совершенствования в области заработной платы, пенсионного обеспечения, текущего руководства и т.д., считает Д. Белл, условия труда сами по себе – контроль за темпами прогресса, правила, распорядок и графики работы –

по-прежнему лежат за пределами компетенции рабочего³. Вроде бы остается только ждать, в какой степени появление на сцене новой, молодой, образованной рабочей силы сформирует новую психологию и новые запросы, относящиеся к самому характеру труда⁴. Но ведь характер труда определяется именно отношением работника к средствам производства. Поэтому, с одной стороны, единственным новым запросом, относящимся к самому характеру труда, могут быть только требования, направленные на снятие отчуждения труда, на преодоление его наемного характера, что опять-таки упирается в превращение работника в собственника средств производства. С другой стороны, если возможно выдвижение требований по преодолению наемного характера труда, значит этот труд в реальности все-таки наемный, т. е. труд, покупаемый капиталом, труд, прибавочную часть которого присваивает все тот же капитал.

Это относится и к современной России, в которой произошло отчуждение труда от собственности. Оно произошло примерно так же, как в свое время были исключены граждане Рима из пользования государственной собственностью на землю. Государство приватизировало собственность на землю, сделало ее частной, отняв у плебеев права на эту государственную собственность. Соответственно, граждане Рима, лишившись этого права, стали называться *privati*, т.е. приватизированными, ограбленными. То же самое недавно сделало российское государство, превратив прежнюю государственную собственность на землю в частную собственность. наших крестьян теперь смело можно называть также *privati*: они лишились права владеть землей как государственной собственностью, становятся наемными работниками (батраками) у «новых» земельных собственников.

Что касается государственной собственности на промышленные средства производства, на фабрики и заводы, то их приватизация шла аналогичным образом. Были выданы (вместо квитанции на земельный пай) бумажные ваучеры, которые за бесценок скупались будущими предпринимателями и обменены на акции. Рабочие же в большинстве лишились собственности на фабрики и заводы, превратились тоже в *privati*, т. е. оказались без права совладельцев государственной собственности, наемными работниками.

Лишили население и собственности на свои жизненные средства в виде вкладов, положенные в сберегательные кассы или в другие подобные учреждения. Сбережения населения в конечном счете были изъяты без компенсации, оказались в руках представителей капитала.

Последним не нужно было еще до подчинения наемного труда приобретать денежное богатство в виде купеческого или ростовщического капитала. У них никакого накопленного капитала, полученного не из предшествующего труда рабочих и крестьян, не было. Достаточно было соответствующими президентскими указами провести ваучеризацию, денежную реформу и другие подобные мероприятия, чтобы захватить не только бывшую государственную собственность, но и собственность населения на сбереженные жизненные средства. В результате капитал создал свою противоположность – наемный труд, без которого ему нельзя существовать.

Нет, следовательно, никаких оснований, чтобы оправдать захват капиталом собственности на продукт чужого труда. У него нет никаких прав на плоды чужого труда, как бы его представители ни выдавали себя благодетелями, дающими рабочие места наемным работникам. Только собственность, основанная на индивидуальном или совместном труде, имеет оправдание, является справедливой.

Обоснованием права работника на продукт своего труда были заняты многие мыслители прошлого. Уже у Платона в его идеальном государстве мы находим модель коллективной трудовой собственности, которую он считал самой справедливой и благодаря которой он вовсе не имел в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев населения, но, наоборот, хотел сделать таким все государство в целом⁵. Для этого, с одной стороны, каждый человек должен вносить свой посильный трудовой вклад в жизнедеятельность общества–государства, с другой стороны, при росте и благоустройстве государства должны предоставляться всем сословиям возможность иметь свою долю в общем процветании соответственно их природным данным⁶.

Один из самых ярких представителей социал-рикардианцев Т. Годскин считал, что «лучшее средство, чтобы обеспечить прогрессивное развитие как отдельных лиц, так и народов, это творить справедливость и допустить, чтобы труд владел и пользовался своим продуктом»⁷. Получение капиталистом прибыли (величина которой тем больше, чем меньше заработная плата рабочих) основывается на его праве собственности на средства производства. Но это право изначально несправедливо – ведь средства производства являются ничем иным, как результатами предыдущего труда все тех же рабочих. «Поскольку освящение права собственности направлено против притязаний рабочего обладать всем тем, что он производит, – писал Т. Годскин, – я всецело расхожусь с господствующими взглядами»⁸.

Несправедливое распределение национального дохода имеет тяжелые социальные последствия и пагубно действует на развитие общества. «Власть присваивать продукцию рабочих, которой теперь обладают многие праздные люди, является, по-моему, главной причиной чванливой и пагубной скуки этих людей, которые неизбежно живут, не ставя перед собой полезных целей и задач»⁹. Одновременно «нас всегда обзывают наглецами и неблагодарными, если мы требуем больше того, чем довольствовался раб прежних времен, или больше того, чем в настоящее время довольствуется полуголодный раб в других странах»¹⁰. Тем не менее работники должны требовать, чтобы им отдавали весь созданный их трудом продукт, поскольку «право человека на свободное присвоение всего того, что он создает своим трудом, есть результат естественных законов...»¹¹.

Распределение полученного продукта могут осуществлять и сами производители: «лишь они должны решать какова доля каждого в общей продукции»¹². Безусловно, часть продукта предназначенная для удовлетворения общественных и коллективных потребностей, не может идти на личное потребление работников, но если сами работники будут распределять весь полученный продукт, в том числе выделять определенную его долю на удовлетворение разного рода потребностей помимо своих личных, то требование, чтобы работники получали весь продукт своего труда перестает быть утопичным: ведь полностью присваивать продукт отнюдь не значит полностью пустить его на личное потребление.

П.Ж. Прудон, обосновывая свое знаменитое изречение «Собственность – это кража», выдвинул положение о том, что «работник, даже после получения им заработной платы, сохраняет естественное право собственности на произведенную им вещь»¹³. Заработная плата, выплачиваемая работнику, представляет собой лишь расходы на содержание и возобновление его силы. Капиталист не оплачивает громадную силу, возникающую благодаря сотрудничеству рабочих, благодаря одновременности и гармонии их усилий. Даже если капиталист оплатил индивидуальные рабочие силы, он не оплатил силы коллективной, а значит всегда останется коллективное право собственности, которое капиталист не приобретал и которым пользуется несправедливо.

Помимо этого, несправедливо и неравное положение сторон, заключающих трудовой договор: вознаграждение рабочего не превышает его постоянных расходов и не обеспечивает ему вознаграждения в будущем, между тем как капиталист находит в орудии, произведенном рабочим, залог независимости и обеспеченности в будущем¹⁴. Поэтому необходимо, чтобы работник, помимо заработной платы, обрел через свой труд

гарантию пропитания в будущем. Необходимо, чтобы труд предстоящий постоянно возрождался из труда уже выполненного – таков всеобщий закон воспроизводства¹⁵.

Для обоснования своих взглядов Прудон обращается даже к Библии: «Бог сказал человеку: в поте лица своего будешь ты есть хлеб свой... Бог не сказал: ты будешь отнимать хлеб у твоего ближнего, но сказал: ты будешь трудиться рядом со своим ближним и оба вы будете жить в мире»¹⁶. По мнению М.И. Туган-Барановского, «слова Прудона [«Собственность – это кража» – Е.Т.] заключали в себе определенную теорию происхождения нетрудового дохода»¹⁷.

Обеспечить поступление всего общественного продукта в собственность работников означает коренным образом изменить существующую систему распределения. Однако любые трансформации в системе распределения общественного продукта вызываются изменениями в отношениях собственности.

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 597.
2. Там же. Т. 19. С. 296.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 193.
4. Там же. С. 194.
5. *Платон.* Государство. Законы. Политик. М., 1998. С.167, 169, 306.
6. Там же. С. 169.
7. *Годскин Т.* Защита труда против притязаний капитала или непроизводительность капитала, доказанная современными объединениями / Годскин Т. Сочинения. М., 1938. С. 37.
8. *Годскин Т.* Популярная политическая экономия / Годскин Т. Сочинения. М., 1938. С. 196.
9. Там же.
10. *Годскин Т.* Защита труда против притязаний капитала... С. 3.
11. *Годскин Т.* Популярная политическая экономия. С. 195.
12. *Годскин Т.* Защита труда против капитала... С. 29.
13. *Прудон П.Ж.* Что такое собственность? Или Исследование о принципе права и власти // Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998. С. 83.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. С. 90.
17. *Туган-Барановский М.И.* Прудон // Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998. С. 328.

§ 2. Обобществление труда и социализация собственности

Как быть с утверждением собственности на условия и продукт не лично своего, а совместного труда после устранения его отчуждения и установления непосредственно общественного труда?

По логике развития в этих условиях должно восстановиться действие первого и основного закона собственности. Но основанием собственности должен стать не индивидуальный, а общественный труд (причем не в первобытнообщинной, а в высокоразвитой форме). Труд здесь остается основанием собственности, но его условия и весь продукт превращаются в общую собственность. Что же касается той части общественного продукта труда, которая идет членам общества на потребление, то в этом случае учитывается индивидуальный труд и восстанавливается индивидуальная форма присвоения, т.е. индивидуальная собственность.

Развитие как первой, так и второй формы собственности может происходить разными путями. Один из них, который продемонстрировал социализм в СССР, не вывел к построению социализма на его собственной основе.

В СССР общенародная собственность по существу была сведена к государственной собственности. Предполагалось, что поскольку государство является единственной в обществе структурой, способной выступать от имени всего общества и проводить общественные интересы, то и собственность государства выступает как общенародная (общественная) собственность. Однако государство не было тождественно обществу, оно оказалось относительно обособленной от него организацией, представленной государственным аппаратом и в конечном счете отдельными людьми, занимающими позиции в системе государственного управления. Поэтому государство стало носителем также своих собственных корпоративных интересов (не говоря уже о конкурирующих между собой интересах относительно обособленных подсистем самого государства), которые оно реализовало через управление находящейся у него собственностью. Тем самым государство, имея возможность выступать проводником интересов общества, располагало также возможностью посредством сосредоточенной в его руках собственности реализовывать множество других интересов помимо и в ущерб общественным. В СССР общенародная собственность на практике реализовалась именно как государственная, как собственность, отчужденная от непосредственного

производителя, который оказался наемным работником на «своем собственном» предприятии, а общество в лице государства принимало форму коллективного «капиталиста». Поэтому в предперестроечный период особо остро дискутировались проблемы развития форм самоуправления в трудовых коллективах, вовлечения рабочих в управление предприятием, целью которых предполагалось преодоление отчужденного характера государственной собственности.

Развитие государственной собственности на материальные средства производства в отдельное от работника отношение происходило на основе расширения сферы действия товарно-денежных механизмов, посредством которых осуществлялось регулирование отношений в сфере распределения жизненных средств. Несмотря на существование фондов общественного потребления основная часть предметов личного пользования присваивалась работниками посредством обмена стоимости их рабочей силы, т. е. система распределения реализовывала буржуазный принцип распределения по труду, определяющий присвоение работниками лишь продукта необходимого труда, в то время как доставляемый их трудом прибавочный продукт оставался в руках государства как верховного собственника всех средств производства. Декларировавшаяся общественная собственность на практике не реализовалась как собственность каждого, поскольку система распределения общественного продукта как сторона отношений собственности опиралась на отношения по существу наемного труда, являющегося конституирующим элементом нетрудовой собственности.

Тем самым общественная форма собственности как собственность всех вместе и каждого в отдельности предполагает не только общественное присвоение обобществленных средств производства, но и соответствующую систему распределения общественного продукта, реализующую индивидуальное присвоение предметов потребления каждым членом общества согласно потребительной силе труда. А это предполагало становление индивидуальной собственности на основе обобществленного труда.

Однако индивидуальную собственность на продукты потребления стали базировать не на труде, производящем потребительную стоимость, а на труде, производящем стоимость. Соответственно индивидуальная собственность стала функционировать по закону товарного производства – закону стоимости. Распределение по труду оказалось присвоением по стоимости рабочей силы, обмениваемой на эквивалент стоимости жизненных средств. Предположение о будущей форме присвоения, высказанное К. Марксом по аналогии с товарным производством, особенно о неизбежности сохранения

«родимых пятен старого общества», было абсолютизировано, что проявилось в проведении как НЭПа, так и экономических реформ 1965 г.

Между тем обмен известного количества труда в одной форме на равное количество труда в другой форме (час труда на час другого труда) можно осуществлять и на другой – потребительностоимостной основе, т. е. когда содержанием выступает труд, производящий потребительную стоимость, только по форме совпадающий с меновой стоимостью, когда по своей величине живой и овеществленный труд совпадают. В этих условиях, как это было в простом товарном производстве, присвоение продукта индивидом происходит по условиям потребления.

К. Маркс и Ф. Энгельс не только не согласились с Е. Дюрингом по поводу его тезиса о стоимостной основе присвоения в будущей «коммуне», но резко выступили против его положения об обмене равным количеством труда по овеществленной в них стоимости. Под рабочим временем, служащим мерой присвоения индивидуально потребляемой части продукта, они имели в виду не необходимой рабочее время как меру стоимости, а конкретное время труда.

К. Маркс и Ф. Энгельс отрицали возможность воздвигнуть социализм на основе товарного производства и посредством развития такого производства преодолеть капитализм. Они считали иллюзорными представления социалистов, «которые воображают, что можно сокрушить капиталистический режим, применив к нему вечные законы товарного производства»¹. Они полагали, что «не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством»², что «пожелание, чтобы, например, меновая стоимость из формы товара и денег не развилась в форму капитала или чтобы труд, производящий меновую стоимость, не развился в наемный труд, столь же благонамеренно, сколь и глупо»³.

В полном соответствии с решением вопроса о производстве они не допускали возможным при социализме распределение, основанное на меновой стоимости рабочей силы, т. е. на общественно-необходимых затратах труда по воспроизводству рабочей силы. Ф. Энгельс крайне отрицательно относился к суждениям о «социалистической теории стоимости», к тому, что «будто марксова теория стоимости должна служить масштабом распределения в будущем обществе»⁴.

Труд, как известно, не имеет стоимости, а распределение по труду в условиях товарного обмена имеет единственный, но столь же товарный смысл – выступает

распределением по стоимости товара – рабочая сила, т.е. по затратам труда, которые необходимы для ее воспроизводства. Тогда как быть с тем обстоятельством, что на поверхности общества незыблемым «социалистическим» принципом выступало распределение жизненных благ по труду. Редко кто задумывается над тем, что это значит по существу, по какому труду осуществляется распределение. Если речь идет об абстрактном труде и имеются в виду его общественно необходимые затраты на производство жизненных средств или результаты труда в виде стоимости этих средств, то их распределение происходило бы по стоимости рабочей силы, по затратному принципу. Соответственно рабочая сила воспроизводилась бы в сфере распределения как и всякий другой товар – по закону стоимости. Рабочий, получая эквивалент общественно необходимых затрат своего труда, никогда не смог бы рассчитывать на приращение своего благосостояния и развития: полученной заработной платой он лишь возмещал бы затраты своего труда. Эквивалентный и тем более неэквивалентный в пользу капиталиста обмен стоимости рабочей силы на стоимость жизненных средств этого не допускает.

Но мы и не хотели этого признавать, полагая, что в тех наших условиях рабочая сила теряла свойства товара, а труд переставал оплачиваться по стоимости рабочей силы. Оставался открытым вопрос – как трактовать принцип распределения по труду.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин не признавали возможным присвоение при социализме по стоимости рабочей силы, по затратам абстрактного труда. Вместе с тем они не исключали труд из критериев распределения. Проводя параллель с товарным производством, К. Маркс считал, что рабочее время должно служить не только мерой индивидуального участия в совокупном труде, но и в индивидуально потребляемой части совокупного продукта⁵. Он допускал обмен трудовыми эквивалентами: то же самое количество труда, которое рабочий дал обществу в одной форме, он получает (после соответствующих вычетов в пользу общества) в другой форме⁶.

Эта аналогия может быть рационально понята в случае, если здесь иметь в виду под трудом конкретный труд, т.е. рассматривать труд со стороны его роли создателя не стоимости а, потребительной стоимости. К. Маркс, как потом разъяснил Ф. Энгельс, не мог принять тезис Е. Дюринга, что в будущем социалистическом обществе, сохраняющем товарное производство, «не только продукт труда, но и самый труд должен непосредственно обмениваться на продукт: час труда – на продукт другого часа труда»⁷. В более или менее развитом товарном производстве этого не может быть, ибо в этом случае продукт труда был бы товаром (стоимостью), а стоимость рабочей силы определяется вовсе не продуктом труда, а воплощенным в ней самой трудом. При таком положении

вещей, при котором происходит только обмен труда на труд (в форме живого труда, или его продукта) предполагается отделение работника от собственности и превращение продукта в стоимость. Обмен труда на труд, хотя и кажется условием наличия собственности у работника, на деле имеет своей предпосылкой отсутствие собственности у работника на объективные условия и средства труда.

Если же рабочая сила (труд) обменивается на свой полный продукт (час труда на продукт другого часа труда), то обмен труда происходит уже не по закону стоимости, а по закону потребительной стоимости. Предпосылкой такого обмена будет не просто труд, а собственность работника на материальные условия своего труда. Там, где у К. Маркса или Ф. Энгельса встречаются формулировки, похожие на принцип распределения по труду применительно к социализму, имеется в виду потребительностоимостная, а не стоимостная природа труда. К сожалению, они не всегда четко проводили разграничение в вопросах распределения и в ранний период творчества допускали возможность потребительностоимостного выражения стоимостного обмена. Этим они дали повод отождествить обмен стоимостных эквивалентов – стоимости рабочей силы на стоимость жизненных средств – с обменом трудовых эквивалентов: час труда на продукт другого часа труда.

В потребительностоимостной трактовке распределения учет труда нужно рассматривать не с позиций того, сколько среднего труда затрачено по условиям производства на жизненные средства, а с точки зрения затрат труда по условиям их потребления, т. е. с той стороны, что удовлетворение определенных потребностей требует затраты определенного количества труда. Именно этот труд – труд по условиям потребления – должен учитываться в качестве меры участия общества и человека в индивидуально потребляемой части продукта. Следовательно, чтобы получить определенную долю продукта для потребления, нужно затратить определенное количество труда. Труд учитывается не только с точки зрения производства продукта, но и с точки зрения потребления, если общество не в силах обеспечить своих членов благами по потребностям. В той мере, в какой обмен во имя получения потребительных стоимостей определяет смысл простого товарного производства, правомерно проводить аналогию между ними. Здесь прошлый и живой труд по величине совпадают.

Другой, не менее важный вопрос состоит в следующем: обществу и людям недостаточно знать, что количеством затрат общественно необходимого труда определяется стоимость жизненных средств и, следовательно, уровень платежеспособности потребления; надо еще знать чем определяется величина того живого

труда, который они должны затрачивать, чтобы получить то или иное количество жизненных благ. Люди должны знать сколько надо трудиться, чтобы получить определенное благосостояние и развитие, а не наоборот – сначала трудиться, а потом ждать насколько повысится их благосостояние.

Этот вопрос не может быть решен на основе закона стоимости, он решается на базе противоположного принципа – закона потребительной стоимости. Если воспроизводство рабочей силы по ее стоимости (зарплата) определяется общественно необходимыми затратами труда на производство потребляемых рабочим жизненных благ, то сами эти затраты (сколько нужно труда на их производство) определяются уже не стоимостью, а потребительной стоимостью жизненных благ. Они потребляются не как меновые, а как потребительные стоимости. По стоимости они лишь обмениваются, продаются и покупаются.

Именно потребительная стоимость жизненных средств «определяет издержки производства рабочей силы»⁸, и соответственно «доля рабочего в стоимости продукта определяется не стоимостью продукта, т.е. не затраченным на него рабочим временем, а его свойством сохранять живую рабочую силу»⁹, потребительной стоимостью продукта.

Затраты конкретного труда по условиям потребления не могут быть определены в рамках закона стоимости. Согласно этому закону стоимость жизненных средств определялась бы тем, сколько на них затрачивается необходимого труда, а сами затраты труда – стоимостью жизненных средств, т.е. мы не смогли бы выйти из замкнутого логического круга: стоимость жизненных средств определяется необходимым трудом на их производство, а необходимый труд – стоимостью на него обмениваемых жизненных средств. Мы, таким образом, повторили бы то определение стоимости А. Смита, в котором он делал «мерой стоимости товаров *меновую стоимость* труда, фактически – *заработную плату*; ибо заработная плата равна тому количеству товаров, которое приобретается взамен определенного количества живого труда или равна тому количеству труда, которое может быть куплено на определенное количество товаров... Здесь масштабом стоимости и основанием для ее объяснения объявляется сама стоимость, – получается, следовательно, порочный круг»¹⁰.

Выйти из этого круга можно лишь обратившись к потребительной стоимости жизненных средств и самой рабочей силы. Подобно тому, как закон стоимости не объясняет получение прибавочной стоимости, так не объясняет он и сколько обществу надо затрачивать конкретного труда, чтобы так или иначе удовлетворять потребности

людей. Потребительная стоимость жизненных средств не имеет прямого отношения к общественно необходимым затратам труда по условиям их производства.

Рабочее время может определять стоимость жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочего, но не наоборот: стоимость этих средств не может определять рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочего. Это время определяется уже другим фактором – потребительной стоимостью жизненных средств и стоящими за ними потребностями. Реализуется же потребительная стоимость жизненных благ в потребительной стоимости самой рабочей силы, а последняя – в живом труде, в его созидательных качествах, в способности производить больше, чем надо только для содержания рабочего.

Отсюда следует, что стоимостному принципу распределения жизненных благ с самого начала противостоит другой способ распределения – потребительностоимостной. В рамках закона потребительной стоимости исходным в распределении выступает уже не стоимость рабочей силы, а ее потребительная стоимость. Соответственно этот способ распределения исходит из необходимости непосредственного удовлетворения жизненных потребностей и воспроизводства человека как носителя труда и субъекта общественных отношений. В этой плоскости лежат критерий и мера потребительностоимостного распределения.

Для обеспечения существования человека, восстановления и воспроизводства его жизненных сил этот критерий можно установить, исходя из обычаев и привычных потребностей¹¹. В первобытных обществах, не достигающих высокого развития производительных сил, основой распределения как труда, так и жизненных благ служили потребительная стоимость продуктов и потребности человека. И в наше время мерой для обычного содержания человека являются расчеты прожиточного минимума, рационального потребительского бюджета, потребительской «корзины» продуктов и промтоваров. Именно ими должна определяться минимальная заработная плата, денежное (стоимостное) выражение жизненных средств, а не наоборот.

Таким же способом можно установить максимальные для данного периода потребительские бюджеты и соответствующие им уровни возможных доходов. Они определялись бы не источником доходов (зарплата для наемных работников, предпринимательский доход и процент для нанимателей рабочей силы и т. д.), не игрой цен, а потребностями развития личности и нужным для этого уровнем благосостояния. Да и само развитие производства «больше всего стимулируется таким способом

распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»¹².

Существуют ли в современном обществе объективные предпосылки и условия становления трудовой собственности? Коль скоро фундаментом отношений собственности является труд, то и в поисках предпосылок перехода к принципиально иному типу собственности следует обращаться к труду и условиям его функционирования. Восстановление отношений трудовой собственности означает созревание в рамках современного хозяйства таких условий функционирования труда, которые могли реализоваться на основе более высокого обобществления труда, выводящего его за рамки стоимостного механизма.

В условиях изначальной трудовой собственности главной целью хозяйственной деятельности, т. е. целью осуществления труда, выступало воспроизводство общности через воспроизводство жизни каждого ее члена на соответствующем общественному развитию уровне. Поэтому обеспеченность и гарантия каждому человеку его воспроизводства остается главной предпосылкой осуществления труда в условиях трудовой собственности. Другой предпосылкой функционирования трудовой собственности выступает востребованность труда каждого члена общества, с одной стороны, как гарантированная возможность каждому осуществлять свою трудовую деятельность, с другой – как осознанная каждым необходимость трудиться.

Данные предпосылки могли разворачиваться через создание социально-экономических условий функционирования трудовой собственности. Коль скоро воспроизводство жизни каждого члена общества осуществляется через потребление благ, то необходимость присвоения этих благ в качестве своего основания требует личной свободы работника и его собственности на средства производства, что определяет не только присвоение работником продукта своего труда, но и невозможность безвозмездного присвоения продукта его труда со стороны не-работника. Необходимо, чтобы «никто не мог бы свалить на других свою долю участия в производительном труде»¹³.

Существуют ли для этого объективные экономические условия в развитых капиталистических странах?

Абстрагируясь от их общественно-политического строя, можно ответить на этот вопрос положительно. Если, например, в стране лишь 1/3 трудового населения занято в сфере производства товаров (производительный труд), а остальные 2/3 – в

непроизводственной сфере, то возложив на всех участие в производительном труде можно сократить в соответствующей пропорции рабочий день, а освободившуюся большую часть времени расходовать на другие виды деятельности.

Очевидно, что без соответствующих законодательных решений и крупных изменений в отношениях собственности этого не сделать. Остается надеяться на процессы дальнейшего обобществления труда и производства, которые могут подготовить общество к подобным решениям.

В настоящее время развитие производства разворачивается в сторону все большего обобществления труда. Это значит, что конечный продукт появляется в результате трудовых усилий многих людей, причем не только тех, кто непосредственно трудился над его созданием, но также и тех, кто спроектировал и изготовил орудия труда, обучал, воспитывал и лечил тех и других. В этой ситуации труд отдельного работника не имеет самостоятельного значения без труда других работников, а круг людей, прямо или опосредованно участвующих в производстве каждого конкретного продукта, постоянно расширяется в перспективе вплоть до общества в целом.

Развитие обобществления производства означает усиление интегративных процессов, соединяющих в единое целое все выделившиеся в обществе виды трудовой деятельности. И поскольку закрепление индивидов за тем или иным видом труда принимает форму социально-экономических различий между ними, то развитие обобществления труда постепенно преодолевает социальное разделение труда через соединение различных, ранее социально разделенных видов трудовой деятельности. Прежде всего это касается разделения между умственным и физическим трудом.

На протяжении многих веков между этими двумя видами труда существовала непреодолимая пропасть. Физический труд как труд тяжелый и зачастую «грязный» был уделом низших слоев населения, т. е. подавляющего большинства. Прямо противоположная ситуация наблюдалась относительно умственного труда. Он был привилегией высших сословий. Умственный труд был оторван от физического труда прежде всего в практическом смысле, поскольку его результаты как правило были далеки от практики, а методы и приемы труда физического вследствие этого совершенствовались медленно и могли оставаться неизменными на протяжении достаточно долгого времени. Кроме того, занятие умственным трудом, как другое следствие его оторванности от практики, как правило не обеспечивало материальный доход. Занимающийся им человек должен был быть заранее материально обеспеченным, богатым человеком (в противном

случае он был обречен на бедность и жалкое существование), а такие люди были только в привилегированных, высших слоях общественной системы.

С развитием технологической стороны производства ситуация кардинально изменилась. Появление в структуре основных средств производства высоких технологий положило начало проникновению умственного вида труда в физический, научные разработки внедряются в производство, которое вследствие этого все более усложняется. От рабочего в свою очередь все более требуется не столько ловкость рук и сила мышц, сколько умение работать на сложной технике. Все это предполагает овладение определенными теоретическими знаниями (т. е. умственный труд, затраченный на их освоение). Этот процесс неминуемо сопровождается увеличением доли и повышением значимости социального слоя, занимающегося разработкой технологий, а также занимающихся общеобразовательной и профессиональной подготовкой, что выражается в расширении таких сфер как наука и научное обслуживание, просвещение, среднее и высшее образование.

Происходит постепенное сглаживание социального разделения труда между городом и деревней. Виды труда, которые традиционно принято считать сельскохозяйственными (земледелие, животноводство и т. п.), рассматриваются обычно как непрестижные по отношению к традиционному городским видам труда. Доминирующей тенденцией здесь также является проникновение более легких и престижных видов труда в деревню, когда сельскохозяйственные виды труда облегчаются и совершенствуются. Элементы городского уклада проникают в деревенский образ жизни. В деревне увеличивается количество видов деятельности, которые были ранее чисто городскими. Такое проникновение сближает город и деревню, сглаживая социальные различия между ними, изменяя организацию социального пространства общества в целом. Но, как правило, эти виды деятельности связаны с развитием социальной инфраструктуры, сферы услуг. Что касается производственной сферы, то здесь обобществление труда идет в основном за счет технологической стороны труда, ведущей к постепенному сближению условий труда в деревне с условиями труда в городе. В этом случае материальной базой преодоления социально-экономических различий между сельскохозяйственным и промышленным трудом, между сельским хозяйством и промышленностью служит индустриализация сельского хозяйства.

Особо следует выделить процессы постепенного стирания границ между управленческим и исполнительским трудом. В настоящее время экономическое развитие производства через повышение производительности труда требует изменений всех

факторов производства – не только постоянного обновления средств производства посредством внедрения высоких технологий, но и изменение места и роли работника (рабочей силы) в системе организации труда и распределения получаемого продукта. В связи с этим происходит повышение роли человеческого фактора на производстве: для усиления трудовой мотивации (и, следовательно, повышения производительности труда) появляются формы участия работников в управлении предприятием, развиваются формы самоуправления. Имеет место радикальное изменение социальной организации труда, когда процессы интегрирования различных видов труда в рамках единого трудового коллектива становятся необходимым элементом для дальнейшего развития производства.

Какие изменения в отношениях собственности влекут за собой процессы обобществления труда в современных обществах? Прежде всего это размывание классической капиталистической собственности, когда управление отделяется не только от труда, но и от собственности. Происходит развитие акционерного капитала и переход к корпоративной собственности. В рамках содержания данной формы начинают практиковаться различные способы участия работников в управлении предприятием, призванные в определенной мере преодолеть разрыв между трудом и управлением, а также формы участия работников в прибылях предприятий, служащие для сокращения разрыва между трудом и собственностью. Однако привлечение к управлению предприятием и их участие в прибылях в странах Запада носит вынужденный характер, поскольку рост производительности труда, от которого в первую очередь зависит прибыльность производства, зависит не только от модернизации средств производства, но и от повышения мотивации труда. Поэтому основной целью внедрения этих форм организации труда и распределения произведенного продукта является стимулирование работника к более интенсивному и более качественному труду, а вовсе не желание повысить уровень его дохода. Задействованные в принятиях решений по вопросам условий и гигиены труда, усилении трудовой дисциплины и прочих второстепенных по отношению к распределению прибыли и управлению предприятием проблем, работники не допускаются к участию в выполнении стратегически важных для существования и развития предприятия функций управления, они не привлекаются к решению проблем организации труда, а участие в прибылях носит строго ограниченный характер¹⁴.

На Западе все больше пишут о предприятиях с собственностью работников по системе ESOP (Employee Stock Ownership Plan). Появление этой формы предприятия явилось реакцией на чрезмерную концентрацию собственности в руках достаточно узкого круга лиц, при которой, например, в США 5 % населения владеет 90 % собственностью

страны, а 2 % населения являются держателями 50 % акционерного капитала¹⁵. В основании появления этой формы собственности лежит то, что дальнейшее развитие производства, происходящее через все большее его обобществление, требует раскрытия и развития творческого потенциала работника, что несовместимо с отчуждением труда, реализуемым при его наемном характере. Собственность работников предполагает, что предприятие находится в собственности трудового коллектива, а значит каждый работник получает не только необходимый продукт (заработную плату), но и дополнительное количество жизненных благ, доставляемых его прибавочным трудом.

Данная форма имеет несколько разновидностей социальной организации, но в основании всех лежит принцип соотношения трудового вклада работника и получаемой им доли продукта. Тем самым данная форма собственности по своему социально-экономическому содержанию является трудовой. Поскольку на современном этапе реализация трудовой собственности возможна лишь на основе соединения труда, собственности и управления, то осуществление собственности работников невозможно без системы самоуправления, реализующей производственную демократию и позволяющей каждому работнику воздействовать на процесс управления предприятием. В то же время полная включенность всех работников в руководство предприятием требует от них овладения определенными знаниями не только в области своих профессионально-трудовых функций, но и в сфере осуществления практически всех функций управления. Это определяет необходимость постоянного обучения работников, призванного обеспечить подготовку к выполнению ими новых социальных ролей в их новом социально-экономическом положении.

Предприятия с собственностью работников оказались достаточно эффективными по сравнению с аналогичными предприятиями, работающими на основе частнокапиталистических форм собственности¹⁶. Между тем, будучи трудовой по содержанию формой собственности, собственность работников уживается с противоположными, нетрудовыми формами собственности: реализуя принципы трудовой собственности, она является частной (частно-коллективной) формой собственности. Во внешнем отношении прибавочный труд присваивается работниками в виде прибавочной стоимости, т. е. прибыли, получаемой их предприятием за счет реализации продукта на рынке. Во внутреннем отношении привязка доходов работника к затратам труда (прежде всего производительности труда и стажу работы) означает обособление его трудовой доли в совокупном труде предприятия, т. е. фактически частную собственность на свой труд и его результаты. По своей сути такие предприятия – это ассоциации работников-частных

собственников (акционеров), каждый из которых имеет свою долю в общем деле, т. е. разновидность акционерной собственности в ее закрытом варианте. Таким образом, и по форме и по содержанию собственность работников по системе ESOP является частной, что делает ее совместимой с системой форм закона капиталистической собственности. В то же время содержание данной формы собственности является трудовым, поскольку только труд, вложенный в производство, становится основой получения дохода, что означает отрицание частной нетрудовой собственности как собственности, основанной на присвоении чужого труда.

Какие формы собственности, исходя из изменений в трудовом основании общества, должны сменить в будущем существующую в настоящее время нетрудовую капиталистическую собственность?

Приверженцы теории постиндустриального общества постулируют переход к отношениям личной собственности на средства производства в противовес доминирующей сейчас частной собственности. Основу этого перехода якобы составляет информационная революция (через широкое распространение компьютерных систем), которая, по их мнению, изменит характер современных производственных отношений. В сфере информации и знаний не производится никакого материального продукта, потому материальное производство теряет свое значение вместе с господствующими в нем отношениями собственности.

Как же квалифицировать складывающиеся в сфере обмена информацией отношения, если они качественно отличны от знакомым всем отношениям частной собственности в материальном производстве? Они вроде бы заменяются личной собственностью как главной доминирующей в будущем формы собственности на средства производства¹⁷. Объектом такой собственности выступает либо готовый продукт производства информации – новая информация; либо организационный процесс (процесс производства); либо сам интеллектуальный труд¹⁸.

Существует ли в сфере производства и обмена информацией личная собственность? Да, она существует, но не в том виде, который ей пытаются придать в теории постиндустриализма. Будучи сферой функционирования общественной собственности, присвоенная индивидом информация, которую он потребляет исходя из своих интересов и желаний, становится его личной собственностью. В данном случае общественная собственность в сфере информации именно потому и является общественной, что реализуется как собственность всех вместе, всего сообщества людей и

одновременно как личная собственность каждого человека, имеющего потребность в определенном ее виде и потрудившемся найти и потребить (усвоить) тот вид информации, в котором он нуждался.

Важной предпосылкой постулирования личной собственности в качестве доминирующей в будущем формы собственности постиндустриалисты выдвигают удовлетворение первичных потребностей работников, производящих знание и информацию. Между тем все в обществе не могут заниматься производством информации и знаний: наличие класса непосредственных производителей – обязательное условие жизнедеятельности любого общества. Как же быть с надлежащим удовлетворением их первичных потребностей? Как быть с их личной собственностью на средства производства? На это теория постиндустриального общества отвечает, что внедрение новых технологий сокращает производительный класс настолько, что подавляющая часть общества становится работниками интеллектуального труда.

Действительно, данная тенденция достаточно сильно выражена в США, которые принято считать образцом постиндустриального общества. Однако данная тенденция уравновешивается расширением сферы обслуживания техники, где сохраняется физический труд. Кроме того, данную страну необходимо рассматривать в системе мирового общественного разделения труда. Производство обычных товаров выгоднее осуществлять там, где рабочая сила наиболее дешевая, т.е. где уровень заработной платы наиболее низкий. В развитых странах Запада, где уровень заработной платы наиболее высокий в мире, это производство выгодно переносить в страны, где этот уровень наиболее низкий. Отсюда – сокращение рабочих мест низкой квалификации в странах Запада, в том числе и в США.

Вывезенный в развивающиеся страны капитал возрастает за счет впитывания прибавочного труда уже не в своей стране, а в странах с более низким уровнем развития. Вместе с капиталом «экспортируется» и класс рабочих, убывающий в странах Запада и растущий в развивающихся странах за счет экспансии западного капитала. Для так называемых постиндустриальных стран выгода от такого сотрудничества состоит в том, что вместо прибавочного труда одной рабочей силы в своей стране присваивается прибавочный труд нескольких рабочих сил в развивающейся стране, т.е. «три рабочих дня одной страны обмениваются на один рабочий день другой страны»¹⁹. За счет этого происходит самовозрастание капитала развитых стран и одновременно убывание стоимости национального продукта развивающихся стран²⁰. «Постиндустриальные» страны потому и становятся постиндустриальными, что вокруг них формируется

экономическая периферия индустриальных развивающихся стран, позволяющая удовлетворять потребности растущего количества непроемительных работников в странах Запада.

Какого же рода изменений в отношениях собственности требуют трансформации содержания и характера труда в современных обществах? Тенденции к постепенному соединению труда, собственности и управления (несмотря на то, что на сегодняшний день они не настолько сильны, чтобы преодолеть разрыв между этими тремя элементами) определяют становление трудовой собственности, которая может иметь разное оформление – частное (индивидуальное или коллективное) или общественное.

Какая оформленность отношений собственности в данном случае вытекает из объективной логики социально-экономического развития?

Трудовая частная собственность исторически реализовалась в виде мелкого товарного производства, основу осуществления которого составляют простые средства производства и слаборазвитое общественное разделение труда, а базой функционирования являются товарные отношения. Как было показано К. Марксом, законы развития этих отношений определяют становление капиталистического производства, т. е. отношений нетрудовой собственности, а потому переход к таким отношениям противоречит объективным тенденциям социально-экономического развития. В настоящее время в условиях развитого разделения труда трудовая частная собственность реализуется в виде ассоциированной (долевой) собственности работников (система ESOP). Однако данная форма уже показала свою неспособность занять доминирующее положение в системе форм собственности: она оказалась жизнеспособной лишь на мелких и средних предприятиях, так как крупные размеры предприятия определяют отделение функции управления от труда, что в итоге ведет к «скатыванию» к капиталистическим отношениям.

Но если развитие общественного характера труда исключает становление трудовой частной собственности в качестве доминирующей в обществе формы собственности, то может быть произойдет переход к многоукладной экономике, базирующейся на сочетании частных трудовых форм и элементов общественной собственности? Дело в том, что современное производство основано на высокотехнологичных средствах производства, которые невозможно изготовить усилиями одного или даже нескольких человек (как это было в ремесленничестве) – они прямо или опосредованно являются результатом труда всего общества. Если какой-либо индивид или трудовой коллектив отчуждает все общество от своих средств производства, то и общество в обратном отношении отчуждает

этого индивида или этот коллектив от общественных производительных сил. Поэтому функционирование трудовой частной собственности в современных условиях исключает использование общественной силы труда и производства, которые не могут присваиваться отдельным работником или обособленным коллективом работников как субъектами обособленного труда и обособленной собственности.

Тем самым налицо необходимость совместного присвоения средств производства, созданных совместными усилиями практически всего общества, а также общественного присвоения произведенного продукта, развивающегося на основе процессов соединения труда, собственности и управления. Общественное присвоение здесь понимается не в том смысле, что и средства производства и продукт труда присваивается обществом как неким отдельным от каждого человека социальным образованием. Присвоение средств производства на основе ассоциированного труда опирается и дополняется индивидуальным присвоением предметов потребления каждым членом общества согласно потребительной силе труда, поскольку именно как собственность каждого члена общества и реализуется общественная форма собственности на средства производства.

Реализация отношений общественной собственности как общественное присвоение средств производства в условиях обобществленного труда предполагает прежде всего соединение труда, собственности и управления. Индивидуализация общенародной собственности в присвоении средств производства предполагает становление системы самоуправления и производственной демократии в качестве основы организации процесса труда в масштабах всего общества²¹.

Система самоуправления предполагает три уровня своей реализации. На индивидуальном уровне становление самоуправления происходит через повышение степени самореализации в труде каждого работника. Сглаживание различий между разными видами труда в отношении более творческого его содержания, все более затрудняет «внешнее» управление таким трудом. Для того, чтобы быть в состоянии контролировать творческий труд, необходимо обладать практически той же квалификацией, что и выполняющий этот труд работник, а для оценки результатов такого труда необходимо затратить время, сравнимое со временем выполнения самого труда. Это определяет неэффективность осуществления управления трудом как отдельной от самого труда функции. Одновременно взаимозависимость выполнения одних видов труда от качества выполнения других видов повышает степень взаимоконтроля работников, участвующих в едином процессе производства.

Коллективный уровень самоуправления предполагает участие каждого работника в решении проблем по управлению предприятием, влияние каждого трудящегося на осуществление организации производственного процесса. В настоящее время бытует мнение, что работники индифферентно относятся к участию в управлении предприятием, они не только не пользуются этой возможностью, если она предоставляется, но и не обладают необходимой степенью компетентности для грамотного решения многих вопросов деятельности предприятия. Данное мнение порождено проводимой в стране политикой приватизации общенародной собственности, в русле которой работники выставляются неспособными к организации и управлению своим трудом. Поэтому, с точки зрения приватизаторов, работникам просто необходим «хозяин», осуществляющий организацию труда и распределение получаемого продукта.

Неспособность работников к управлению опровергается, как было показано, опытом функционирования предприятий ESOP, на которых разработана и внедрена система самоуправления, вовлекающая каждого работника в управление предприятием. Эта система сочетается с системой управления, однако последняя выступает подчиненной структурой по отношению к системе самоуправления – управленцы полностью подконтрольны трудовому коллективу. Кроме того, на таких предприятиях обязательно практикуется постоянное обучение работников основам экономического и социального управления, делопроизводства, бухгалтерского учета и другим знаниям и навыкам, необходимым для осуществления управления предприятием. Соответственно, проблема упирается не в отсутствие у трудового коллектива способности управлять предприятием, а в отсутствие эффективной системы организации самоуправления.

Общественный уровень самоуправления предполагает общенародное пользование средствами производства, исключаящее обособленную собственность отдельного предприятия на находящиеся у него средства производства. В противном случае данное предприятие будет отчуждать тех, кто не принадлежит к его трудовому коллективу (т. е. остальную часть общества), от имеющихся у него средств производства и выступать частным собственником этих средств. Тем самым система самоуправления должна выходить за рамки предприятия и охватывать все общественное производство.

Реализация самоуправления трудящихся на общественном уровне ставит проблему определенности системы управления обществом, т. е. проблему системы политической власти и формы государственного устройства. Поскольку самоуправление определяет, что именно трудящиеся выступают источником экономической власти, то политическая власть должна осуществляться как власть трудового народа. Это означает, что система

государственного управления, с одной стороны, производна от трудовых коллективов и, с другой стороны, одновременно им подконтрольна.

Производность государственной власти от трудовых коллективов требует реализации принципа выборности ее представителей. Как известно, в рамках действия закона собственности на чужой труд политическая власть также выборна. Возможна ли реализация власти труда, чего требует социализация собственности как становление закона трудовой собственности, на основе принципов выборов, практикуемых в рамках собственности на чужой труд? Основным принцип выборных систем капитализма основан на делении страны на обособленные территории и выборе определенного количества политиков (депутатов) от каждой такой территории. Соответственно внутри территории происходит аналогичное деление и действует аналогичный выборный принцип.

Какие интересы оказываются представленными в сфере государственной политики при функционировании данной выборной системы? Предполагается, что интересы проживающих на этих территориях избирателей. Но данные интересы крайне противоречивы: население территории представлено разными классами, т. е. общественными группами, занимающими разное положение в системе отношений собственности как отношений к средствам производства. В силу этого практически невозможно выделить общие, разделяемые всеми жителями территории интересы²². Однако какие-то интересы все-таки оказываются представленными к реализации в системе политической власти, а какие-то подавляются и игнорируются. Побеждают интересы, которые активнее всего пропагандируются и наиболее широко представляются в средствах массовой информации, в результате чего происходит формирование общественного сознания и общественных предпочтений. Для широкой пропаганды и проведения интересов требуется соответствующая материальная база, которая имеется лишь у собственников капитала. Именно их интересы и оказываются представленными в системе государственной власти. Безусловно, в рамках данного принципа выборов удастся избрать в законодательные органы и политиков, отстаивающих интересы работников, однако степень их представительства не позволяет осуществлять власть труда.

Действие закона трудовой собственности, определяющее становление общественного самоуправления, требует иного принципа выборов в качестве основы осуществления политической власти именно как власти труда, поскольку речь идет о соединении труда, собственности и управления. Осуществление власти труда возможно лишь на основе такой системы выборов, которая, во-первых, позволит широко представить к реализации интересы работников в законодательные органы власти, во-

вторых, гибко реагировать на изменения этих интересов и, в-третьих, оперативно осуществлять контроль за деятельностью выбранных представителей.

Выборная система как основа осуществления общественного самоуправления, исходящая из данных требований, должна предполагать три принципа функционирования. Во-первых, выборы должны осуществляться не территориально, а от трудовых коллективов²³. Именно такой принцип выборов позволяет представить коренные интересы работников. Во-вторых, депутат от трудового коллектива должен выполнять свои обязанности без отрыва от работы по своей специальности. Речь идет не о том, что работник должен осуществлять депутатские обязанности в свободное от работы время в ущерб своему отдыху, а о том, что часть его рабочего времени должна освобождаться для осуществления возложенных на него полномочий по реализации интересов своего трудового коллектива²⁴. Частичное освобождение от работы позволит депутату быть в курсе происходящего в его трудовом коллективе и, самое главное, выступать не просто представителем и выразителем интересов своего коллектива, но и их носителем, т. е. быть лично заинтересованным в их реализации. В-третьих, неотрывность депутата от работы и своего коллектива вкупе с механизмами отзыва своего представителя позволит обеспечить контроль за надлежащим выполнением депутатских обязанностей со стороны избирателей. Тем самым основой становления самоуправления как стороны индивидуализации общественной собственности при переходе к закону трудовой собственности является переход от выборов по территории к выборам от трудовых коллективов.

Другая сторона индивидуализации общественной собственности предполагает становление адекватной действию этого закона собственности системы распределения общественного продукта: «То, что производство делает своей конечной целью, распределение должно сделать результатом производства, т. е. оно выступает способом реализации цели производства»²⁵. Если третий закон собственности предполагает соединение труда и собственности, т.е. получение субъектом продукта только тогда, когда данный субъект вложил свой труд в его производство, то может ли быть, чтобы соответствующим этому закону принципом распределения было распределение по труду?

Принцип распределения по труду предполагает эквивалентность дохода работника его трудовому вкладу. Он оформляется в условиях мелкого товарного производства, когда индивидуальный работник является собственником средств производства, а распределение общественного продукта осуществляется через механизм товарного обмена. Согласно данному принципу работник может присвоить столько другого труда,

сколько он вложил своего труда в производство выносимого им для обмена продукта, т. е. распределение по труду в данном случае выступает как распределение по стоимости овеществленного труда.

При капитализме данный принцип распределения также действует, но в ином варианте: работник, лишенный средств производства, продает свою способность к труду и получает взамен часть общественного продукта, равную стоимости этой его способности. Тем самым распределение по труду конкретизируется как распределение по стоимости рабочей силы. И в том, и в другом случае распределение по труду предполагает в качестве механизма своего осуществления обмен стоимостями.

В настоящее время, когда речь идет о принципе распределения по труду, обычно подразумевается, что данный принцип распределения позволяет работнику получить не только стоимость своей рабочей силы, но и стоимость созданного им прибавочного продукта, т. е. распределение по труду трактуется как распределение не только по необходимому, но и по прибавочному труду, позволяющее работнику получить весь продукт своего труда. Трактующийся таким образом принцип распределения по труду основан на стремлении перехода от распределения по стоимости рабочей силы к распределению по стоимости овеществленного труда.

В условиях современного производства принцип распределения по труду осуществляется посредством выделения, обособления трудовой доли каждого работника от долей других работников, т. е. через отношения частной собственности работника на свою рабочую силу и обмен ее на результаты, необходимые для ее воспроизводства. Поэтому в реализации принципа распределения по труду в условиях такого производства заложено развитие отчуждения труда от условий его осуществления и функционирование соответствующего ему способа воспроизводства производителя. Кроме того, принцип распределения по труду выводит за рамки отношений распределения общественного продукта нетрудоспособных членов общества, а также тех, чья способность к труду оказывается по тем или иным причинам невостребованной. Тем самым данный принцип распределения по своему социально-экономическому содержанию несовместим с функционированием общественной собственности на средства производства.

Принципом распределения, соответствующим общественной собственности на средства производства, является принцип распределения по потребительной силе труда. Согласно данному принципу распределение общественного продукта между индивидами осуществляется исходя из условий потребления. Если распределение по труду

предполагает компенсацию производителю затрат на воспроизводство его рабочей силы, то принцип распределения по потребительной силе труда исходит из результатов производства, которые фактически образуют условия потребления, определяемые потребностью общества в своем расширенном воспроизводстве, т. е. потребностью не только в восстановлении способности к труду составляющих общество индивидов, но и необходимостью обеспечения развития этой способности. Данный принцип распределения учитывает потребности общества и каждого его члена и на основе этого определяет сколько, как и что именно нужно произвести, чтобы обеспечить получение всеми членами общества доли общественного продукта, необходимой для воспроизводства жизни каждого на соответствующем развитии производительных сил общества качественном уровне.

Коль скоро распределение по потребительной силе труда исходит из результатов функционирования общественного производства, а не затрат на создание его продукта, то данный принцип распределения основан на потребительной стоимости труда и регулируется законом потребительной стоимости. В данной трактовке принцип распределения учитывает, сколько общественного труда необходимо затратить для удовлетворения той или иной потребности, в то время как принцип распределения по труду (стоимости рабочей силы) предполагает учет средних общественных затрат только на воспроизводство жизненных сил работника. При новом принципе труд не изымается из критериев распределения, а берется с другой, потребительностоймостной стороны.

Основанное на потребительной стоимости распределение отталкивается не от затрат по условиям производства, т. е. труда, реализующегося в стоимости необходимого продукта, а от труда, необходимого по условиям потребления и воплощающегося в готовом продукте как потребительной стоимости. Исходя из научно установленных норм потребления и уровня развития труда (его производительности) можно рассчитать необходимое количество конкретного труда и для потребительской корзины, и для производства соответствующих средств труда по их потребительной стоимости. Таким образом устанавливается соответствие между трудом по условиям потребления и трудом по условиям производства²⁶.

Распределение по потребительной силе труда является основополагающим принципом распределения, так как его главная социальная цель – воспроизводство производителя, и потому только на этой основе возможно обеспечить существование и продолжение жизни любого общества. Если в условиях общинного производства распределение по потребительной силе труда было непосредственно доминирующим

принципом распределения, то в условиях господства частной собственности и соответствующего ей распределения по труду этот принцип может реализоваться лишь на уровне домашнего хозяйства.

Реализация распределения по потребительной силе труда как принципа индивидуализации общественной собственности предполагает, что каждый индивид становится со-собственником всего произведенного обществом продукта. Во-первых, потребности каждого индивида изначально входят в расчет при определении объемов производства общественного продукта, из которого индивид получает индивидуальную долю как член данного общества. Эта доля представляет собой предметы потребления, необходимые для удовлетворения индивидуальных потребностей. В данном случае индивидуализация общественной собственности означает установление индивидуальной собственности каждого на продукт, предназначенный для индивидуального потребления на базе совместного труда и общей собственности на землю и произведенные трудом средства производства.

Получение индивидуальной доли продукта, ее размер и качество в рамках реализации распределения по условиям потребления базируется на значимости и ценности каждого человека и производительной силы его труда для существования и развития общества. Для трудоспособных членов общества основанием получения доли выступает необходимость восстановления жизненных сил и способности к труду, вложенных в производство общественного продукта. Получение доли общественного продукта детьми обусловлено необходимостью развития их производительной силы труда, а стариками – их трудом, вложенным в развитие высокообщественного производства, содержащего в себе труд не только поколения, трудящегося в данный момент, но и предыдущих поколений. Кроме того, современное производство становится все более наукоемким, требует владения большим объемом знаний и информации, что повышает значимость работников старшего поколения, востребует их опыт и мастерство. Повышение технического уровня производства и появление множества разнообразных видов труда не только раздвигают границы трудоспособного возраста, но и дают возможность найти подходящий вид труда тем, кто ранее считался нетрудоспособным.

Во-вторых, каждый член общества должен участвовать в потреблении благ коллективного пользования. Совладение коллективными средствами производства предоставляет возможность присвоения прибавочного продукта, созданного усилиями трудовых коллективов, и его реализации в личном потреблении. Индивидуализация прибавочного продукта коллективного труда может осуществляться либо через получение

услуг коллективного пользования (например, детские сады от предприятия, санатории, профилактории, поликлинические комплексы, спортивные залы, базы отдыха, бесплатное питание в столовой предприятия и т. п.), либо посредством получения дополнительных жизненных благ для личного потребления. Тем самым каждый работник присваивает и потребляет результаты коллективного труда на основе совладения средствами производства.

В-третьих, каждый член общества, выступая со-собственником принадлежащих всему обществу средств производства, участвует в потреблении благ общественного пользования, производимых для удовлетворения определенных общественных потребностей, выступающих как потребности каждого члена общества. В данном случае индивидуализация общественной собственности не предполагает обособленного присвоения работником жизненных средств для личного потребления, а реализуется через производство и потребление общественных благ (оборона страны, фундаментальная наука, всеобщее образование, здравоохранение, культура, спорт и т. п.). Присвоение каждым членом общества таких благ определяется их фундаментальными свойствами (несоперничество и неисключаемость), а сфера функционирования постоянно расширяется.

Индивидуализация общественной собственности, таким образом, реализуется посредством распределения по потребительной силе труда, когда каждый человек выступает собственником в трех лицах²⁷: во-первых, как носитель индивидуальной силы труда, во-вторых, как член коллектива, участник процесса совместной жизнедеятельности и совместного труда, в-третьих, как член общества, вносящий свой вклад в его развитие. Условия потребления каждого человека складываются исходя из его собственности на все факторы производства и базируются на общественном труде как создателе данных условий.

В условиях высокоразвитого обобществления труда индивидуализация общественной собственности предполагает не только соответствующую систему распределения, но и форму обмена, адекватную реализации закона социализации собственности.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 210.
2. Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 101–102.
3. Там же. С. 457.
4. Там же. Т. 21. С. 504.

5. См.: Там же. Т. 23. С. 89.
6. См.: Там же. Т. 19. С. 18.
7. Там же. Т. 20. С. 323.
8. Там же. Т. 48. С. 293.
9. Там же. Т. 46. Ч. 2. С. 46.
10. Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 43–44.
11. Там же. Т. 20. С. 320.
12. Там же. С. 206.
13. Там же. Т. 20. С. 305.
14. Так, например, в компании «Проктер энд Гэмбл» разработана и внедрена достаточно эффективная на сегодняшний день система участия работников в управлении и собственности компании, но как заметил один из ведущих управляющих «мы используем этот подход отнюдь не из альтруистических соображений» (Симмонс Д., Мэрс В. Как стать собственником. М., 1997. С. 25).
15. Kelso L.O., Kelso P.H. Democracy and Economic Power: Extending the ESOP Revolution through Binary Economic. San Francisco, 1991. P. 127, 16.
16. Например, американская компания «КомСоникс, Инк.», где была внедрена программа ESOP, демонстрировала постоянный рост доходов предприятия (1972–1975 гг. – 8 %, к 1985 г. – 31 % в год), что отразилось на стоимости акций (1975 г. – 0,72 долл., к 1988 г. – 9,8 долл.) (Браун У. Как добиться успеха предприятию, которое принадлежит работникам (опыт США). М., 1994. С. 40–41).
17. Причем первобытнообщинную собственность, которую раньше квалифицировали как отсутствие собственности вообще, также пришлось объявить личной.
18. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 147.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 104.
20. Кистерский Л.Л. Ассиметрия взаимозависимости разноуровневых структур: и сотрудничество и эксплуатация // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 1. С. 138.
21. Виноградов Б.А. Диалектика отношений собственности или записки «левого ревизиониста». М., 1999.
22. В теории общественного выбора данное положение обосновано теоремой Эрроу о невозможности создания совершенного механизма выявления общественных предпочтений, хотя согласно данной теореме проблема состоит не столько в самом механизме выявления предпочтений, сколько во взаимодействии самих предпочтений.
23. Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В. Уроки и перспективы социализма в России. СПб., 1997. С. 88.
24. Там же. С. 93.
25. Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости – новая парадигма экономической науки. СПб., 1996. С. 112.
26. Там же. С. 118–120.
27. Ельмеев В.Я., Синютин М.В. Модель человека как субъекта собственности // Социология экономики и управления. СПб., 1998. С. 75–78.

§ 3. Обмен труда и потребительных стоимостей как форма присвоения

Социализация собственности на основе труда реализуется посредством соответствующего ей способа присвоения, который выступает отрицанием обращения стоимостей в качестве способа присвоения. Это означает, что обращение стоимостей должно развиваться в противоположный способ реализации, адекватный социализированной собственности, т. е. в обращение потребительных стоимостей.

Обмен, соединяющий производство и потребление в условиях товарного производства и развитого разделения труда, осуществляется посредством обращения стоимостей и тем самым оформляется как товарный обмен. Прежде всего стоимостную форму принимает продукт труда, обмениваемый на рынке продукт другого вида труда; пропорции обмена определяются исходя из средних общественных затрат труда, содержащихся в обмениваемых продуктах. Развитие труда в сторону все большего его разделения требует развития товарного обмена, определяющего становление рабочей силы в качестве товара. Товарный обмен и обращение стоимостей являются неизбежными спутниками разделения труда, а социальные последствия их функционирования в виде крайне неравного распределения общественного богатства – ценой, которую общество платит за выгоды от развития разделения труда.

Развитие труда, однако, подчиняется не только закону общественного разделения труда, но и закону обобществления труда, который определяет необходимость интеграции выделившихся видов труда через распредмечивание их результатов в потреблении каждого члена общества и опирается на потребительностоимостную сторону труда и его результатов.

Потребительная стоимость продукта может реализовываться и без обмена, т. е. он может потребляться после производства на основе не опосредованного стоимостью отношения человека к вещи, в котором общественные отношения содержатся в снятом виде. Если же потребительную стоимость необходимо обменивать, то в условиях развитого разделения труда она неизбежно принимает стоимостную форму, которая и определяет движение данного продукта в сфере обмена и обращения. И поскольку производители вступают в общественный контакт между собой через обмен, то считается, что только стоимостной обмен имеет общественный характер, а обмен потребительными

стоимостями не может им обладать, поскольку они не в состоянии принимать общественную форму.

Между тем определенность общественной формы продукта, как и формы обмена, задается трудом, общественный характер которого предполагает общественную форму как продукта, так и обмена продуктами: коллективный характер производства с самого начала делает продукт коллективным, всеобщим¹. Поэтому потребительная стоимость продукта, как и стоимость, обладает общественной формой, которая имеет иную качественную определенность, задающую соответствующую общественную форму обмена. Общественная определенность стоимости задается средними общественными затратами труда на производство данного продукта, стоимостной обмен предполагает эквивалентность обмениваемых продуктов по содержащемуся в них абстрактному труду.

В настоящее время в сфере обращения материального продукта продолжают господствовать законы стоимостного обмена. Отсюда возникает вопрос: имеет ли стоимостной обмен потенциал для функционирования в условиях действия закона социализации собственности? Как было показано К. Марксом, если в обществе существует стоимостной обмен, даже если он первоначально реализуется только в сфере обращения продуктов труда, то соответствующие ему отношения неизбежно проникают в сферу труда и производства. В результате этого труд также начинает обмениваться по закону стоимости: работник за свою рабочую силу получает лишь ее стоимость в размере стоимости жизненных средств, необходимых для ее воспроизводства, в то время как результаты труда оказываются в собственности работодателя. Функционирование стоимостного обмена объективно приводит к реализации нетрудовой собственности, что несовместимо с действием противоположного ей по сущности закона социализации собственности. Это означает, что функционирование стоимостного обмена оказывается неэффективным в условиях, складывающихся в результате развития обобществления труда и производства.

В настоящее время функционирование рыночного (стоимостного) обмена связывается с категорией транзакционных издержек. В самом общем виде эти издержки представляют собой затраты на осуществление транзакций – взаимодействий между экономическими агентами по перемещению разного рода благ от одних агентов к другим. Потребность в транзакциях возникает с развитием разделения труда и необходимостью интегрирования в единое целое сначала выделившихся видов труда (профессий), а затем и кооперирования все более дифференцирующихся операций в рамках одного вида трудовой деятельности. Степень разделения труда и его кооперации, а значит и

интенсивность обмена, предполагают соответствующее количество транзакций и соответствующий уровень издержек по их осуществлению. Одновременно транзакционные издержки противопоставляются производственным (трансформационным) издержкам, связанным с изготовлением продукта, которые переносятся на него в виде себестоимости.

В литературе считается, что издержки по транзакциям необходимы для поддержания экономической системы «на ходу», что они аналогичны затратам энергии по преодолению трения в физике². В то же время, если эти издержки становятся слишком большими, то общество оказывается не в состоянии выделить нужное количество труда для их осуществления. Поэтому экономическая система стремится к их минимизации, что выражается в создании различного рода социальных институтов, организаций, выступающих реакцией общественного организма на наличие транзакционных издержек с целью их сокращения, и через это – увеличение выгод от обмена.

Очевидно, что сокращение издержек в данном случае происходит не по причине устранения обмена как такового, а вследствие изменения его общественной формы. Транзакционные издержки – это затраты стоимости по осуществлению взаимного перемещения благ между людьми вне определенного общественного института. Экономические агенты компенсируют друг другу издержки по доставке благ, исходя из среднего количества содержащегося в этих благах общественно необходимого труда. Когда те же самые обменные операции начинают осуществляться в рамках общественного института (например, фирмы), то определяется не сколько необходимо затратить стоимости (оплатить партнеру и его издержки, и его прибыль) для получения необходимого блага, а сколько, что и как необходимо сделать, чтобы удовлетворить имеющуюся потребность в том или ином благе. Тем самым в основе экономии транзакционных издержек общественной системой лежит изменение общественной формы обмена со стоимостной на потребительностоимостную. Если действие закона общественного разделения труда в условиях слаборазвитой производительной силы общества определило эффективность развития стоимостного обмена, поскольку увеличивающаяся за счет разделения труда производительность труда сэкономила хозяйственные (трансформационные) издержки настолько, что выгоднее было нести все увеличивающиеся транзакционные издержки, то в условиях высокообобществленного производства и действия закона обобществления труда стоимостная форма обмена начинает препятствовать дальнейшему развитию производительных сил труда, что

выражается в стремлении общества сокращать транзакционные издержки через изменение общественной формы обмена.

Поскольку общественная форма потребительной стоимости полагает труд со стороны его результатов и потому определяется потребительной силой труда, то непосредственной целью обмена будет выступать достижение более полного удовлетворения потребностей индивидов, вступающих в обмен. Между тем целью любого обмена в конечном итоге выступает удовлетворение потребностей индивидов, выполняющих качественно различные виды труда. Стоимостной обмен в этом смысле также связывает производство и потребление, когда «владелец [товара] стремится сбыть свой товар в обмен на другие, в потребительной стоимости которых он нуждается»³. Но при стоимостном обмене работник производит продукт не для своего потребления, а для потребления его другими, «все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки»⁴. Продукт, чтобы распродеться и реализоваться как потребительная стоимость, должен сначала обрести общественную форму стоимости. Тем самым удовлетворение потребностей при функционировании стоимостного обмена не может выступать его непосредственной целью: ее достижение опосредовано стоимостным превращением.

Непосредственная цель стоимостного обращения как обмена рабочей силы на ее стоимость заключается в присвоении работодателем всего создаваемого трудом продукта в обмен на стоимость жизненных средств, необходимых для восстановления сил работника. В данном виде стоимостного обмена его основной целью становится концентрация превращающегося в стоимостную форму прибавочного труда в руках собственника средств производства, т. е. увеличение стоимости (капитала). Если стоимостной обмен осуществляется как обмен стоимости на жизненные средства, то его целью выступает удовлетворение потребности производителя. Однако данный вид обмена существует лишь постольку, поскольку воспроизводство производителя является обязательным условием функционирования обмена рабочей силы на ее стоимость. Тем самым непосредственная цель стоимостного обмена – увеличение стоимости через ее концентрацию в руках собственников средств производства, а удовлетворение потребностей работников – его опосредованная цель. Такое опосредование означает, что удовлетворение потребностей работника превращается из цели в средство (условие): достижение непосредственной цели – накопления капитала: «рабочий, для того, чтобы постоянно находиться на рынке в качестве материала, пригодного для эксплуатации

капиталистом, прежде всего должен жить, следовательно, должен поддерживать себя индивидуальным потреблением»⁵.

В противоположность этому общественная определенность потребительной стоимости базируется не на затратах абстрактного, а на результатах конкретного труда, продукт которого со стороны своей общественной формы призван удовлетворять определенную потребность, т. е. общественная форма потребительной стоимости предполагает труд не со стороны его затрат, а со стороны его результата в виде удовлетворения разного рода потребностей. Она определяется потребительной силой труда, условиями потребления.

Сейчас данная форма обмена более всего применима к сфере научного производства, в рамках которой субъекты производства связаны между собой не посредством товарного обмена, а непосредственно в обмене своей деятельностью. Результатом такого производства выступает знание, предполагающее непосредственную (т. е. не опосредованную стоимостью) связь между людьми и становящееся условием их взаимного развития.

Становление потребительностоимостного обмена восстанавливает удовлетворение потребностей производителей как непосредственную цель обмена и упраздняет общественные издержки, связанные с превращением общественной формы продукта из потребительностоимостной в стоимостную, и наоборот. Это означает, что именно условия потребления, а не накопление капитала, становятся фактором, определяющим обращение как обращение потребительных стоимостей.

В потребительностоимостной форме обращение реализуется: а) как производственный обмен деятельностью и способностей, совершающийся в процессе труда; б) как обмен продуктами между производителями, выполняющими качественно различные виды трудовой деятельности; в) как обмен продуктов индивидуального потребления⁶. Данные виды обмена совершаются в любом обществе, но в зависимости от уровня развития общественных производительных сил реализуются посредством соответствующей этому уровню общественной формы обмена. Например, в докапиталистических обществах обмен совершался в потребительностоимостной, а не меновой форме и при этом, выступая обменом деятельностью, не терял своего общественного содержания функции обслуживания коллективных потребностей⁷. Аналогичным образом при становлении закона социализации собственности стоимостная форма обмена должна утратить свое значение и развиваться в потребительностоимостную.

Так, К. Маркс считал, что в будущем обществе место денежного обращения займет обмен продуктами, когда общество заранее определяет, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может выделить для осуществления того или иного производства и реализует необходимый для этого обмен трудовой деятельностью и продуктами труда⁸.

Процесс обмена благами между людьми всегда характеризуется определенными пропорциями, поэтому необходимо определять, что составляет основу пропорций потребительстоимостной формы обмена. Мера стоимостного обмена составляет содержащийся в продукте овеществленный труд, затраченный на производство данного продукта. В таких условиях потребление привязывается к затратам труда, т. е. удовлетворение потребностей исходит из того, что производится. В противоположность этому мера потребительстоимостного обмена базируется не на затратах, а на результатах труда и потому в своей основе предполагает количество потребности в том или ином продукте: «Совокупное потребление выступает в качестве меры обращающейся потребительной стоимости, а потому и определителем количества рабочего времени, затраченного на ее производство»⁹. Тем самым не производство задает качественную и количественную определенность потребления, а потребление определяет сколько и как необходимо трудиться, чтобы достичь нужных условий потребления для воспроизводства производительной силы труда, т. е. затраты разных видов труда в виде затрат рабочего времени будут зависеть от степени общественной полезности их результатов.

Подчиненность производства условиям потребления производителей может реализоваться только в том случае, когда производители сами определяют, каким образом будет осуществляться процесс производства, а это возможно только тогда, когда работники являются собственниками средств производства. Становление потребительстоимостной формы обмена и обращения в масштабах всего общества требует соответствующего уровня обобществления производства и собственности, т. е. общественной формы собственности на средства производства, развития которой требует закон социализации собственности.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Т. 46. Ч. 1. С. 115.
2. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М., 1990. С. 28.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 95.
4. Там же.
5. Там же. Т. 24. С. 68.

6. Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости – новая парадигма экономической науки. СПб., 1996. С. 102–103.
7. Там же. С. 103.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Т. 24. С. 354; Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости... С. 103.
9. Ельмеев В.Я. Трудовая теория потребительной стоимости... С. 104.

ГЛАВА 6. ОТ ОБЩЕСТВА ГРАЖДАНСКОГО К ОБЩЕСТВУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ

§ 1. Гражданское общество и суверенитет народа

В последнее время у нас стало модным обращение к проблемам гражданского общества: собираются форумы, проводятся конференции, в которых выдвигается задача построить в стране гражданское общество, хотя уже принят Гражданский Кодекс, выражающий и закрепляющий функционирование этого самого гражданского общества и его институтов. Казалось бы достаточно извлечь из Гражданского Кодекса его социально-экономическое содержание, чтобы получить характеристику существующего гражданского общества. Однако этого не делают. Обычно понятие гражданского общества используется для того, чтобы им прикрыть реставрируемое у нас капиталистическое общество, название которого не устраивает не только наших правящих кругов, но и представителей мирового капитализма. Те и другие предпочитают называть себя странами с “рыночной экономикой”.

Что касается гражданского общества, то одни из его защитников готовы объявить строительство такого общества чуть ли не национальной идеей России, другие полагают, что гражданское общество – это универсальное понятие, его концепция является одной и той же для всего мира. России остается лишь усвоить эту концепцию. В действительности гражданское общество как в историческом плане, так и в современной России было и остается буржуазным (капиталистическим) обществом. Прав В. А. Тюлькин, заявивший на «Гражданском Форуме» в С-Петербурге: «теория формирования так называемого гражданского общества как института, уравнивающего, дополняющего и очеловечивающего капиталистическое государство, относится к категории примочек, румян и косметических кремов, не устраняющих язв капитализма»¹.

В отечественной литературе, даже у авторитетных авторов, гражданское общество рисуется как особая общественно-экономическая формация, основанная уже не на том или ином способе производства, а на вневременных ценностях свободы и справедливости, присущих человеческой природе как таковой. “Сущность гражданского общества, – пишет В.Г. Марахов, – раскрывается в его ценностях. Таких ценностей несколько. Но решающих, поскольку они затрагивают всех членов общества и делают их гражданами, –

две. Это ценности свободы и ценности справедливости”². Автор, однако, не забывает и экономические основания гражданского общества – это товарно-денежные отношения, отношения стоимости, которые он тоже относит к ценностям, образующим некий социальный пространственно-временной континуум³. В итоге капитализм в его современной либеральной маске, т.е. без ценностей социального равенства, подгоняется под более замаскированное название “гражданское общество”.

Для России оно выглядит как продолжение НЭПа, создавшего экономическую среду для действия закона стоимости. В отличие от этого своего прошлого, гражданское общество будущего может возникнуть, как полагает В. Г. Марахов, и в обход закона стоимости, предполагающего равенство причины и следствия, и даже в обход всякого закона, т.е. на основе чистой случайности вместо необходимости (закона)⁴. Социальной средой для такой возможности предполагается переход от физического труда к информации, взятой из соответствующих концепций информационного общества. Автор отказывает способу производства определять судьбы гражданского общества, сваливая вину на азиатский способ производства, помешавшему социализму встать на путь гражданского общества. Не хочет он связывать понятие гражданского общества и с развитием труда, в частности, с преодолением отчуждения труда, которое не исчезает, а только меняет свой знак с минуса на плюс. Не случайно из споров о гражданском обществе выпали известные тезисы К. Маркса о том, что старый материализм ограничивается созерцанием отдельных индивидов в “гражданском обществе”, что точкой зрения старого материализма остается “гражданское общество” с его отчуждением труда, в то время как точкой зрения нового материализма является обобществившееся человечество, или человеческое общество.

Со времен Гегеля под гражданским обществом, в отличие от политического общества, понимаются отношения людей, взятых в качестве частных лиц с их собственными целями, потребностями, родом занятий и имущественными отношениями на базе частной собственности. В этом своем качестве одни частные лица соотносятся с другими такими же лицами, а их взаимоотношения опосредуются их принадлежностью к определенным общностям сословно-классового или корпоративного порядка. “В гражданском обществе, – писал Гегель, – каждый для себя цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не сможет достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу... Особенность, ограниченная

всеобщностью, есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу”⁵.

Очевидно, что в данном случае Гегель имел в виду социально-экономическую сторону жизни буржуазного общества, главным стержнем которого, его социально-экономическим основанием выступает частная собственность, трактуемая как право владения, пользования и отчуждения.

Принцип индивидуализма, характерный для гражданского общества, предполагает индивидуальную частную собственность в качестве “наличного бытия личности” (Гегель). Но в силу того, что каждый индивид реализует свои частные интересы через отношения с другими такими же индивидами, через участие в определенных социальных группах, объединенных общим для данной группы интересом, то индивидуальные интересы для своего осуществления нуждаются в социальных коллективных объединениях.

Окончательное становление частной собственности и соответственно гражданского общества происходит в эпоху капитализма. Именно капиталистическая социально-экономическая система с ее требованием личной (гражданской) свободы человека становится стержнем гражданского общества.

Основу капитализма как социально-экономического уклада хозяйства составляет, как известно, частная собственность на капитал, экономическую форму которого приобретают средства производства. Поэтому социальная структура капитализма представлена двумя основными классами: собственниками средств производства (капитала) – буржуазией и пролетариатом, который, будучи лично свободным, но лишенным своих средств производства, остается лишь собственником своей рабочей силы. Формальное равенство перед законом в данном случае лишь определяет и гарантирует возможность для каждого быть частным собственником, но то, каким образом реализуется эта возможность, выходит за рамки данной гарантии. В экономической сфере реализация возможностей всех стать частными собственниками приводит к конфликтам частных интересов, которые принимают форму борьбы за наиболее выгодные условия производства и сбыта товаров, то есть форму капиталистической (свободной) конкуренции как объективного закона товарного производства. Поэтому свободная конкуренция является неотъемлемой характеристикой функционирования гражданского общества.

Примат частного интереса и конкурентной борьбы выдвигают на первый план экономического пространства гражданского общества личность предпринимателя.

Впервые о необходимости изучения этого феномена было заявлено в рамках классической политической экономии, где предпринимателем считался собственник капитала, который сам организует свое дело и управляет им.

В целом место и роль предпринимательства в социально-экономической системе гражданского общества изменяется вместе с развитием самой этой системы. Классическая капиталистическая модель общества предполагает, что владелец предприятия (собственник капитала) также и управляет им, то есть функция владения и функция управления совпадают. Однако стремление капитала к концентрации производства, и, соответственно, рост предприятий, развитие технологической стороны производства, расширение ассортимента выпускаемых товаров вызвали усложнение и дифференциацию функции управления, в результате чего стало невозможным совмещение данных функций одним лицом. Происходит разделение экономической и юридической сторон капиталистической собственности. Управленческая функция как организационно-технологическая отошла к инженерам и специалистам, владельцы стали осуществлять функцию владения и финансового учета. Реальная же управленческая функция все больше переходила к менеджерам постепенно формировалась группа совладельцев, реализовывался переход от фамильной капиталистической частной собственности к корпоративной, поскольку распределенные между субъектами хозяйствования функции владения, пользования, распоряжения и присвоения образовали расчлененную собственность. Субъект собственности уже перестал быть единичным, стал представлять собой коллектив, группу совладельцев, распределение дохода среди которых осуществляется пропорционально капиталу, вложенному каждым (акционерному капиталу). Поэтому предпринимателя перестают отождествлять с собственником капитала, все больше придавая значение организационной составляющей его деятельности.

Между тем все не могут быть предпринимателями и частными собственниками. Капиталистический уклад хозяйства, основанный на развитом общественном разделении труда и крупной индустрии, кроме предпринимателя требует живой труд, то есть труд непосредственного производителя, без которого невозможно существование не только капиталистической, но и любой другой хозяйственной системы. Институт предпринимательства сопровождается и дополняется институтом наемного труда, форму которого принимает труд в гражданском обществе. Поэтому непереносимое условие реализации принципов гражданского общества – это законодательное закрепление и гарантия свободной продажи труда и свободного распоряжения своей способностью к

труду, то есть продажи своей рабочей силы, но для наемных работников, а не работодателей. Реализация права обладания частной собственностью как принадлежностью либо к частным собственникам средств производства, либо к собственникам своей способности к труду означает, что именно экономические критерии становятся главными критериями формирования социальной структуры капиталистического общества.

За капиталистический период своего развития западный мир выработал две экономические модели – классический (чистый) капитализм и капитализм со смешанной экономикой. Какая же из них наиболее полно и адекватно реализует основные требования гражданского общества как принципа общественного устройства?

Главным отличительным моментом этих двух моделей выступает роль, место и степень участия государства в рыночной экономике. Модель классического капитализма предполагает, что государство практически не вмешивается в игру рыночных сил, предоставляя рынку саморегулироваться. Соответственно государственная собственность как ресурсная база проведения общегосударственных интересов практически отсутствует. Данная модель противопоставляется этатристической модели, где государство играет господствующую роль в регулировании экономической системы общества.

Смешанная экономика занимает промежуточное положение между вышеназванными двумя моделями. Данная модель являет собой эволюционное продолжение модели классического капитализма и в настоящее время преобладает практически во всех развитых странах Запада. В таких хозяйственных системах государство играет важную не только регулирующую, но и хозяйственную роль, формируя особый общественный (государственный) сектор экономики. Необходимость такого участия в хозяйственной жизни определялась по мере того, как рыночная система, основанная на взаимодействии частных интересов и направленная на их реализацию, обнаруживала свою неспособность к удовлетворению все возрастающих общественных потребностей и интересов. Такая неспособность в современной экономической литературе связывается с понятием “провалов” рынка (в качестве синонимов встречается термины “ошибки” рынка, “неэффективности” рынка, “изъяны” рынка), когда частному собственнику невыгодно производить то или иное благо, необходимость производства которого для социально-экономической системы диктуется условиями развития всего общества. Поэтому функцию по обеспечению производства общественных благ вынуждено брать на себя государство как единственный в обществе социальный институт, способный организовать необходимую для этого ресурсную базу.

Для того, чтобы определить противоречит или нет участие государства в качестве экономического агента в реализации социальной свободы личности, необходимо обратиться к структуре и диалектике интересов.

В системе интересов традиционно выделяются три основных структурных уровня. Первый из них представлен индивидуальными интересами, носителем которых выступает индивид как конкретный представитель данного общества. Индивидуальные интересы имеются у всех индивидов в силу одинаковости базовых (прежде всего биологических) потребностей. Но в то же время они и различаются по возможностям и способам их удовлетворения, так как индивиды занимают разное положение в общественной системе, в системе форм собственности и неравное положение в системе распределения общественного продукта.

Второй уровень представлен групповыми (коллективными) интересами, чьи носители – социальные группы – могут выделяться на основе различных критериев. Особенность интересов данного уровня состоит в том, что они, с одной стороны, производны от интересов индивидов, входящих в данную группу, с другой стороны, – полностью не сводимы к какой-либо сумме индивидуальных интересов. В данном случае индивид уступает часть своих второстепенных интересов в пользу приоритетного для него интереса, который совпадает с преобладающим интересом группы.

На третьем уровне находятся общественные интересы. Носителем данных интересов выступает все общество в целом, а сами они производны как от индивидуальных, так и от групповых, и, соответственно, непоглощаемы и не сводимы ни к тем, ни к другим. Поскольку общее существует и реализуется не иначе как через единичное, то общественный интерес всегда присутствует в интересе индивидуальном, так как последний выступает в той или иной мере его способом бытия (например, интересы безопасности, охраны окружающей среды, порядка и т.п.). Несмотря на это они могут выступать и как взаимоисключающие друг друга сущности, когда реализация интересов одних индивидов или их групп ограничивает или вовсе исключает реализацию интересов других. В данном случае имеет место конфликт интересов.

Поскольку общество как субъект общественных интересов уже не способно четко выражать и формулировать свои интересы, то эту функцию берет на себя государство, в противопоставлении которому и заключается смысл функционирования институтов гражданского общества. Тем самым общественный интерес приобретает форму общегосударственного, который, в свою очередь, характеризуется “мнимой

всеобщностью” (К.Маркс). Дело в том, что государство интегрирует в себе множество интересов практически всех уровней, которые, будучи частными интересами, находятся между собой во взаимоисключающем состоянии.

Как единственная в обществе организация, централизованная в масштабах всей страны и способная обслужить достигнутый уровень развития обобществления производства и труда, государство выступает выразителем общественных интересов. Именно в этом качестве оно и представляет общественный сектор экономики. В этом смысле государство соотносится с обществом и противопоставляется множеству обособленных (частных) экономических агентов.

Помимо этого государство как организация, не тождественная обществу, представлено государственным аппаратом, который, являясь достаточно сложной иерархически организованной структурой, также стремится максимизировать свою функцию полезности и потому обладает своими особыми корпоративными интересами. В данном случае государственный интерес противопоставляется не только обособленным частным интересам других групп и отдельных индивидов, но также и общественным. Это означает, что оно в своем функционировании может преследовать общественные цели, когда законы его деятельности будут определяться обществом и тем самым оно будет выступать как правовое государство, как одна из общественных структур; но может проводить и свои частные, корпоративные интересы, используя для этого ресурсную базу всего общества, оказывая власть, предписывающую обществу определенный характер жизнедеятельности, то есть оказывая “над обществом”. В этой ситуации преобладание частных интересов государства ущемляет реализацию одновременно и общественных, и индивидуальных интересов как взаимополагающих друг друга сущностей.

Кроме того сам государственный аппарат, в свою очередь, представлен конкретными людьми, государственным служащими, каждый из которых, следуя принципу экономической рациональности, также стремится наиболее полно реализовать свой частный интерес. Всеобщей принцип, согласно которому каждый индивид реализует свои частные интересы через участие в функционировании той или иной организации, применительно к государству принимает форму коррупции. Она возникает вместе со становлением института государства и непременно присутствует во всех государственных формах правления.

Общегосударственная форма общественного интереса интегрирует в себе интересы множества уровней помимо собственно самих общественных интересов. Последние же в

процессе формирования и проведения государственной политики на практике могут подменяться частными интересами самого государства, отдельных государственных структур, различных общественных групп и отдельных индивидов (в связи с чем и возникают “провалы” государства). Поэтому когда посредством государственной политики проводятся разного рода частные интересы, то они, соответственно, входят в конфликт с такими же частными интересами других общественных субъектов, в том числе и индивидов. Поскольку государство по отношению ко всем другим общественным субъектам обладает законным правом принуждения, то проведение им частных интересов может принимать форму произвола, существенно ущемляя все прочие интересы.

Если же государство как экономический агент реализует общественные интересы, которые всегда присутствуют в каждом из множества индивидуальных интересов, то его деятельность не только не ущемляет или исключает возможность самореализации отдельного человека, но выступает в качестве основы данной возможности, существенно расширяет ее и тем самым предстает как обязательное условие развития каждого. Именно в этом качестве государство и призвано участвовать в экономической жизни общества при функционировании экономики общественного типа.

Повышение степени участия государства в функционировании экономики связывается с общемировой тенденцией социализации собственности как постепенным естественноисторическим отрицанием частной собственности, поскольку последняя не является универсальной и имеет свои ограничения для дальнейшего социально-экономического развития. Этим ограничением становится чрезмерная концентрация средств производства в руках немногочисленных частных субъектов, когда распределение общественного богатства по праву частной собственности на средства производства перестает обеспечивать дальнейший социально-экономический прогресс. Данный принцип распределения результатов общественного труда не способен сформировать материальную основу развития личности непосредственного производителя как обязательное условие и базис дальнейшего развития всего общества.

Означает ли это, что естественноисторическое отрицание частной собственности как центрального экономического основания гражданского общества предполагает отрицание самого гражданского общества?

В данном случае речь идет о существенном признаке гражданского общества, о выходе за рамки собственно европейской цивилизации, с которой традиционно связывается становление и функционирование гражданского общества. В этом смысле само существование государства определяет наличие противостоящей ему более или менее развитой системы общественных институтов, проводящих отличные от государственных интересы. Становление и конкретные формы функционирования данной системы будут зависеть от уровня развития самого общества и формы государственного устройства. Естественноисторическое отрицание частной собственности означает, что социально-экономическое развитие общества начинает требовать изменений частнособственнической

системы распределения общественного продукта, то есть показывает, что частная собственность, исчерпывающая свой потенциал для общественного прогресса, перестает быть основой развития личности. Вместо гражданского общества образуется обобществленное человечество (К.Маркс).

В настоящее время у нас в стране проблемы становления гражданского общества приобретают актуальность в связи с практикой социально-экономических реформ, направленных на тотальное разгосударствление экономики. Исходя из приведенных характеристик гражданского общества, можно сказать, что оно уже получило законодательное, конституционное оформление своих экономических основ. Прежде всего принципиальное значение имеют закрепленные в Конституции РФ права частной собственности и государственная гарантия свободы деятельности обособленных экономических агентов. Данное положение содержится в действующей Конституции РФ в ст.8 п.2: “В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности”; в ст.9 п.2: “Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности”; в ст.35 п.1: “Право частной собственности охраняется законом”; в ст.36 п.1: “Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю”. Свобода экономической деятельности и конкуренции как другое необходимое экономическое условие закрепляются статьей 8 п.1: “В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, *свобода экономической деятельности*”. Свобода быть наемной рабочей силой фиксируется в ст.8 п.1 и в ст.37 п.1: “Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, *выбирать род деятельности и профессию*”. Статьей 37 п.1 гарантируется также и свободный труд как право распоряжения своими способностями к труду.

Более конкретно правовая характеристика гражданского общества раскрывается в Гражданском Кодексе РФ, в котором осуществлено юридическое закрепление основополагающих социально-экономических отношений, реализующих принципы и требования гражданского общества. Наиболее подробно определяется предпринимательство, которое по ст.2 п.1 выступает основным объектом регулирования гражданским законодательством: “Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке”.

Практически вся система норм Гражданского Кодекса направлена на регламентацию совокупности сторон и аспектов предпринимательской деятельности.

Конкуренция упоминается лишь в ст.10 п.1: “Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке”. Ее регулирование выходит за рамки Гражданского Кодекса и осуществляется посредством специального антимонопольного законодательства. Институт свободного наемного труда тоже закреплен в действующем Гражданском Кодексе, хотя более детальную регламентацию отношений в сфере наемного труда можно найти в трудовом законодательстве.

Действующий в настоящее время Гражданский Кодекс представляет собой кодекс, обслуживающий жизнедеятельность гражданского общества и проводящий в жизнь его требования и принципы, а значит сложившееся у нас в стране на текущий момент общество и по состоянию экономики, и по сформировавшейся социальной структуре можно охарактеризовать как гражданское.

На практике реальный процесс формирования экономических основ гражданского общества в России как реформирование отношений собственности испытывает влияние со стороны двух объективно действующих тенденций. Это прежде всего частная собственность как организационная основа производства. Вторая тенденция – это общемировая тенденция социализации собственности. Она свидетельствует о том, что дальнейшее социально-экономическое развитие общества происходит на основе развития общественных производительных сил и развития личности каждого работника, что требует расширения материальной базы воспроизводства каждой личности и делает необходимым изменения в частнособственнической системе распределения произведенного всем обществом продукта.

В связи с этим на первом плане проводимых сейчас реформ остается определение места и функций государства в обществе, и, в частности, в российской экономике, поскольку это имеет принципиальное значение для определения характера общества в России, где государство традиционно играет доминирующую роль во всех сферах общественной жизнедеятельности. Становление экономических институтов общества в современной России предполагает решение двух проблем: во-первых, это определение оптимальных масштабов общественного сектора (государственной собственности), и, во-вторых, выработка основных положений регулирующей деятельности государства, которые обозначили бы его место и роль в экономической системе российского общества.

Текущая государственная экономическая политика характеризуется ярко выраженной непоследовательностью. Так, например, при реформировании государственного сектора в промышленности выявилась необходимость определения перечня предприятий, производящих продукцию (товары и/или услуги), имеющую стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности государства (в связи с чем они имеют особый правовой режим реформирования). Первый такой перечень, утвержденный 18.09.1995 г. насчитывает 1075 предприятий промышленности, второй (от 17.07.1998 г.) – 486, а третий (от 31.12.1999 г.) – уже 512, причем увеличение количества предприятий по третьему перечню произошло за счет исключенных при составлении второго (то есть в 1995 г. предприятия имели стратегическое значение, к 1998 г. они потеряли его, но через год вновь обрели). Такая противоречивость свидетельствует не только об отсутствии четких принципов государственной экономической политики, но и о сильном влиянии текущей политической конъюнктуры на выработку решений по насущным социально-экономическим проблемам. Сформировавшаяся в результате этого структура государственного (общественного) сектора экономики носит неоптимальный (нередко случайный) характер, что ставит проблему его дальнейшего реформирования, упирающуюся главным образом в выработку единой государственной программы развития, учитывающей кроме всего прочего и современные общемировые тенденции развития труда и производства.

По тем же причинам регулирующая деятельность государства является крайне несовершенной:

- отсутствие норм регулирования по ряду важных аспектов (например, практически нет возможности информационного отслеживания процессов оборота результатов интеллектуальной деятельности в сфере науки и техники внутри страны, процессов передачи объектов промышленной собственности и т.д.);
- обилие слабо систематизированных и противоречащих друг другу норм (совершенствование регулирования в данном направлении идет не по линии обеспечения логичности и целостности правового пространства, а по пути нагромождения разнообразных норм);
- отсутствие четко определенных “правил игры”, не позволяющее говорить о единой системе правил регулирования экономической системы общества, что “создает основу для развития коррупции и использования возможностей государства одними частными лицами в ущерб другим”.

Поэтому правовое закрепление экономических основ функционирования общества требует формирования в экономике отношений, на практике реализующих принципы и требования социального развития российского общества как гарантию развития каждой человеческой личности, что предполагает прежде всего определение единой, целостной и последовательной государственной политики как важного элемента всей социальной и структурной политики государства. Эти цели в существующих условиях могут быть реализованы, если действительным сувереном станет народ и его суверенитет получит правовую реализацию.

При обсуждении проблемы соотношения прав социальных общностей и отдельного человека мы встречаемся с двумя противоположными концепциями. Одни авторы стоят на позиции безусловного приоритета отдельного индивида, самоценности и самодостаточности личности, что обычно связывается с главной парадигмой западной цивилизации - индивидуализмом. Другие защищают первенство коллективного субъекта - общества, что служит обоснованию общинности, соборности, приоритета общих интересов, и что характерно для отечественной цивилизации. В системе этих двух парадигм общество и индивид предстают как две противоположные сущности, противостояние которых не удастся преодолеть ни в теории, ни в практике. В настоящее время перекося в сторону самоценности и самодостаточности отдельного индивида становится все более очевидным: все международные акты, конституции разных стран охотно провозглашают права и свободы отдельного человека и почти совсем обходят права народа и других социальных общностей.

Как общество в целом, так и различные формы социальных общностей (народы, нации, классы, трудовые коллективы), до сих пор не имеют или почти не имеют соответствующих их социальному статусу прав. Между тем войны и другие большие социальные конфликты возникают не по поводу нарушения прав отдельной личности, а из-за непризнания прав народов, наций, классов и других общностей. Достаточно напомнить, что для защиты прав русского народа (а не отдельных русских) как в самой России, так и в странах СНГ нет ни одного международного документа, не говоря уже о существующей Конституции России. В ней правам и свободам отдельного человека отведена целая глава из 48 статей, а народу одна статья, где сначала народ объявляется носителем суверенитета (неизвестно кого или чего), а затем освобождается от этой функции, поскольку там же утверждается, что "никто не может присваивать власть в Российской Федерации" (ст. 3), т.е. и сам народ не может присваивать вроде бы свою власть, источником которой он вроде бы является.

С принятием ныне действующей Конституции народы России лишились права верховного собственника. Общеправовая собственность, лежащая в основе единения народа, была устранена. Не допускается существование общей собственности у самоуправляющихся трудовых коллективов, насчитывающих более 50 человек. Согласно вновь принятому Гражданскому кодексу общая собственность возникает при поступлении имущества в собственность двух или нескольких лиц, т.е. общей собственностью может быть имущество, находящееся в собственности лишь нескольких лиц.

Народ по существу лишился прав на власть, рабочие и крестьяне уже не представлены в законодательном органе России, в государственных органах. Народ не имеет возможности присваивать власть, т.е. делать ее своей. Его высшие властные функции сведены к участию или не участию в выборах и референдумах, причем достаточно 20-25% участия. Результаты референдумов, да и выборов, как это случилось с референдумом по поводу сохранения СССР, не обязательны для власти. В этих условиях народ не может быть источником власти и носителем суверенитета.

Народы по существу лишены возможности самоопределения: это право, декларируемое формально, между прочим, отрицается суверенитетом федерации на всю ее территорию и на ее государственную целостность. О каком самоопределении русского народа может быть речь, если он не имеет ни своей собственной единой государственности, ни прав единого субъекта федерации. В этом отношении он не равноправен с другими народами, выступающими самостоятельными субъектами федерации. Вряд ли можно надеяться, что Псковская или Костромская области, Москва или Санкт-Петербург, да все вместе взятые области и края, смогут представлять единые интересы русского народа, они, скорее, представляют свои собственные региональные интересы, далекие от общих интересов народа.

Не лучше обстоят дела с правами народов в международных правовых документах, особенно в их западных вариантах. Кое-что удалось сделать в области правовой защиты малых народов, национальных меньшинств. Их права как коллективных образований сводятся к двум пунктам: к праву на защиту от деятельности, угрожающей их существованию, и к праву на самобытность. Большая же часть их фиксированных прав опять-таки сводится к правам отдельных лиц, т.е. подменяется правами отдельного человека.

Что же касается больших народов, то их права, декларируемые в "Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах"(1966), "Международном

пакте о гражданских и политических правах"(1966) ограничиваются: а) правом на самоопределение, в силу которого они могут свободно устанавливать свой политический статус и обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие; б) правом свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами и не быть лишенными принадлежащих им средств существования. Очевидно, что сами народы непосредственно эти права осуществлять не могут, эта обязанность возлагается на соответствующие государства, которые, в свою очередь, это осуществляют опять-таки через права отдельного человека. Отдельный человек и здесь выходит на первое место, а народ отодвигается на второй план.

По-другому и быть не может, ибо без признания собственности народа (общей собственности) на естественные богатства, ресурсы и средства существования, подобные права и право на свое свободное экономическое, социальное и культурное развитие народ осуществить не может, лишаясь при этом и возможности установить свой политический статус.

Под отрицание за социальной общностью (народом) самостоятельного статуса и возможностей его реализации в соответствующих правах подводится теоретическое обоснование, определенная концепция (и идеология), согласно которым реальным и самодостаточным существованием обладает только индивид. Что же касается общества и общественного целого, особенно их субстанциональности, то они лишаются этих своих свойств, т.е. если, например общественная собственность лишается своего основания в действительности, то ни о каком реальном праве собственности народа (общества в целом) на свою землю, естественные богатства и ресурсы речи быть не может. Без права общей собственности народ распоряжаться своими естественными богатствами тоже не сможет. В то же время охотно признается ничем не ограниченное право индивида на свою собственность, т.е. право частной собственности, но только не право человека быть собственником общего достояния, иметь в нем свою долю для удовлетворения своих потребностей в совместных благах. Полагают, например, что если признать право каждого индивида на общественное богатство, скажем на землю как на общее достояние, то каждый в качестве собственника исключает всех других и общественная собственность становится невозможной, т.е. если всем, то никому в отдельности, а если каждому, то уже не всем. В итоге только частному лицу должна принадлежать собственность.

Конечно, если общество понимать формально логически, как общий признак, не имеющий реального существования в единичном, или в виде чего-то особенного, то всякие общие состояния лишаются объективности. Пустым всеобщим является то, что

свойственно всем, но само не является реально существующим явлением, не присутствует в отдельном (Гегель).

С этой номиналистической точки зрения и общество как таковое, и народ - это лишь имена, создания головы, понятия без реальности. Этим обстоятельством, т.е. отрицанием объективного существования общего, во многом объясняется отсутствие конституционно оформленных прав народа. Признаются лишь права, относящиеся к абстрактной личности. Что же касается прав, имеющих своим основанием субстанциональные отношения, характерные для общества и социальных общностей, в том числе и народа, то они исключаются из конституций и других правовых актов. Права личности как бы поглощают права общества, имеющие своей предпосылкой иные, отличные от оснований прав личности субстанциональные отношения.

Чтобы обесмыслить понятие общенародности и лишить отдельного человека права на общенародное достоинство (если всем, то никому), приводится и другой теоретический аргумент – отрицается общественная сущность личности, т.е. существование общества и общественных отношений в качестве сущности человека, отвергается его определение как совокупности общественных отношений. Ведь в науке давно признано, что общее составляет основу бытия всех единичных явлений, что оно укоренено в единичном как его сущность, что человек – существо общественное по своей сущности. Но многие наши социальные антропологи и “новые” социальные философы никак не хотят допустить применимость указанного общепринятого положения к человеку, полагая, что если признать общество образованием, в котором формируется сущность человека и в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности, то этим выводится сущность человека за пределы его личности и переносится во вне - в общество (общее), что вроде бы недопустимо. Так, например, В.С. Барулин, а еще раньше М.С. Каган, обрушиваются на определение К. Марксом сущности человека как совокупности общественных отношений, полагая, что такая трактовка расходится с мировой социально-философской мыслью и “идеально соответствовала определенному политическому режиму, именуемому “социализмом”, и подпитывалась им”⁶. Чтобы не попасть в объятия “социалистов”, В.С. Барулин отказывает обществу и общественным отношениям быть сущностью человека, полагая, что “определяющая роль человека в обществе абсолютна и принадлежит к числу его фундаментальных качеств”⁷. Поэтому вроде бы надо не общество принять за сущность человека, а человека – за сущность общества. Если придерживаться этой позиции, то ничего другого не остается, как следовать требованиям другого режима, установленного действующей Конституцией

России. Ее гарантом является не народ, который ее принимает, а Президент. Тем самым суверенитет народа подменяется суверенитетом отдельной личности.

Личность в праве, в конституции должна фигурировать со стороны своей социальной сущности, социальных, а не частных качеств: государственные функции – не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека, его общественной сущности. Соответственно, суверенитет государства может существовать только как суверенитет многих лиц, ибо отдельное, единичное лицо не сможет заполнить собой всю сферу существования социальной сущности личности⁸. К. Маркс выявил непоследовательность и дуализм Гегеля, у которого народ и общество в качестве субстанции государства приобретают мистический характер (общество не рассматривается как действительная сущность действительного человека), а суверенитет государства сводится к личности государя (монарха). В результате абстрактная личность как субъект абстрактного частного права у Гегеля оказывается личностью государства в том же качестве абстрактной личности. Но в этом качестве суверенитет государя, по словам К. Маркса, может означать лишь произвол его воли (“я так хочу”, “государство – это я”). Глава государства может быть сувереном лишь постольку, поскольку в нем представлено единство народа, поскольку он сам только представитель суверенности народа, ее символ. Суверенитет народа – не производное от суверенитета главы государства, наоборот, суверенитет последнего основан на суверенитете народа. В принципе же здесь не может быть дуализма: если суверенитет существует в государе, то нельзя говорить о противоположном суверенитете на стороне народа, ибо по своему понятию суверенитет не может иметь двойного, а тем более, противоположного себе существования⁹.

Для обоснования социального статуса и суверенитета народа необходимо, во-первых, отказаться от противопоставления общества и индивида как двух самостоятельно существующих противоположных сущностей, особенно от превращения сущности индивида в самостоятельную, противоположную обществу сущность, придания индивиду определяющей роли по отношению к обществу в качестве абсолютного и фундаментального определения назначения отдельного человека. Общество и индивид не составляют двух противоположных сущностей, они различные, противоречивые стороны одной и той же сущности - общества людей, человеческого общества. К этому и сводится теоретическое решение вопроса. Что же касается их противопоставления как двух противоположных сущностей, то раз последние не могут быть одинаково действительными, т.е. дуализма сущности общества быть не может. Поэтому не могут

быть истинными ни абсолютизация самодостаточности личности, ни превращение общества в существо вне людей. Индивид и общество как две стороны одной и той же сущности находят в последней свое определение согласно требованиям к такого рода понятиям, т.е. общество и есть то общее, которое образует сущность и является основанием существования как своих частей, так и себя как целого.

В этом отношении можно сослаться на авторитет Гегеля по решению им другого вопроса – вопроса о соотношении принципа особого лица и принципа всеобщего в гражданском обществе. Если настаивать на том, что каждый для себя есть цель, а все остальное для него ничто, то эта цель без соотношения индивида с другими лицами как средствами не достижима. Отдельный человек вынужден вступать в отношения с другими и тем самым связывает себя с условиями всеобщности, которая становится почвой опосредования деятельности всех особых лиц. В результате особенное лицо получает право на развитие всех своих сторон, а общество (всеобщее) – право выступать основанием и необходимой формой существования особенного¹⁰.

Важно, во-вторых, не сводить общество и социальные общности к сумме, к множеству составляющих их индивидов. Именно такое понимание общества (народа) служит основанием для отрицания за общностями (народами) специфических общих, коллективных прав и для редукции прав народа к правам человека. Права той или иной социальной общности (народа) возникают не из суммы прав составляющих ее единиц и не из их одинаковости для всех индивидов, а из различности, социально-генетической связи особенных лиц, из их принадлежности к единой субстанции, имеющей особую форму своего реального существования. На этой основе только и могут возникнуть права той или иной социальной общности, народа.

Такое решение вопроса в теории позволяет предположить и обосновать программу по выработке и реализации “Всеобщей декларации прав народов”, аналогичной “Всеобщей декларации прав человека”. В качестве критерия ее разработки и эффективности можно было бы принять:

а) в какой мере признается право народа (нации) владеть, пользоваться и распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами, т.е. право собственности народа на землю, право верховного собственника земли, на которой он проживает;

б) до какого уровня допускается самоопределение народа и самоопределение нации, и какие ограничения допустимы в установлении народом (нацией) своего экономического, социального и политического статуса, развития своей культуры;

в) имеет ли народ способы непосредственного осуществления своего назначения как источника и основания государственной власти кроме участия в выборах и референдумах, является ли суверенитет народа единственным принципом, гарантирующим ему все права и свободы или же возможны ограничения этого суверенитета;

г) возможен ли самостоятельный статус общечеловеческих (всечеловеческих) образований, имеет ли право на существование всемирное правительство и может ли человечество в целом служить для него основанием и источником его власти.

Можно ли надеяться, что разработанная с учетом этих критериев Всемирная декларация прав народов будет принята? Вряд ли западные страны на это пойдут. Они не откажутся от сведения прав народа к правам человека, а последних - к правам частного лица, частного собственника.

Другое дело – страны Востока. Им такая перспектива более подходит, и есть уже соответствующий опыт – это принятые "Алжирская всеобщая декларация прав народов"(1976), "Делийская декларация человеческих прав индивидов и народов" (1988). Россия с ее многочисленными народами должна максимально поддерживать такую программу и активно участвовать в ее осуществлении. Следует иметь в виду, что первым конституционным актом, принятым III Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 г. была «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая вошла в Конституцию Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в виде ее первого раздела. Согласно этой Конституции народ приобрел право собственности на землю, которая была объявлена общенародным достоянием. Национальным достоянием стали леса, недра, воды на территории России. Было признано равноправие народов и их право на самоопределение, вплоть до образования независимого государства. Вся власть передавалась трудящимся массам, рабочему населению, объединенному в Советах.

В последующих Конституциях СССР все эти права народов в основном сохранились, и лишь в действующей ныне Конституции они оказались урезанными. При разработке новой Конституции необходимо не только восстановить правовой статус народа, но и серьезно его расширить и развить, особенно в части его практической реализации. С этих позиций должны оцениваться и предлагаемые проекты.

Общепризнанно, что Конституция 1993 г. абсолютизирует права отдельного лица, в том числе президента, в ущерб правам народа. Она начинается с утверждения прав отдельного индивида (ст. 2), которым затем отводится целая глава (гл. 2), состоящая из 47

статей (ст. 17 – 64). Что же касается прав народа, то они уместаются в одной статье (ст. 3), расположенной после статьи о правах отдельного человека и состоящей всего из 4-х пунктов.

Новая Конституция, как нам представляется, должна начинаться с констатации ее основы – народовластия, с того, что Российская Федерация является общим народным государством, выражающим волю всех входящих в нее народов. Вслед за этим должна фиксироваться в общей форме сущность народовластия: а) суверенитет народа в государстве; б) принадлежность высшей власти народу; в) основные способы осуществления народом власти. Это значит, что народ должен выступать не просто источником власти и носителем суверенитета, а тем субъектом, который присваивает себе власть, т.е. признать, что власть никем, кроме как народом, не может быть присвоена, что сувереном в государстве является народ, а не президент или глава государства.

Эти общие положения, составляющие основу конституционного строя общества, подлежат раскрытию в специальных статьях, предшествующих изложению обязанности государства по защите прав отдельного человека. Подчеркивание приоритета прав народа, а не отдельного индивида, соответствует не только коллективистским традициям народа, но и логике права – тому, что общее, субстанциональное составляет исходную основу права, в том числе и прав отдельного человека. Только в обществе, в составе народа возможно свободное и полное развитие отдельной личности, реализация ее прав. По этой причине нельзя принять суждение о том, что государство исходит из приоритета прав человека при осуществлении социальной и национальной политики. Оно должно исходить из прав народа.

Важно определить статус народа как субъекта конституционной власти, а также те формы, в которых выражается этот статус. Здесь необходимо указать на то, что народ принимает, изменяет и отменяет Конституцию, для осуществления своей власти организуется в общественные объединения, политические партии, в трудовые, потребительские и иные коллективы, т.е. признать эти объединения в качестве конкретных коллективных субъектов власти.

Нуждается в значительном расширении круг способов прямого воздействия народа на власть и непосредственного осуществления своей суверенной власти. Кроме участия населения в референдумах и выборах важно предусмотреть последствия его неучастия для судеб власти и решения наиболее важных вопросов общественной жизни. Если, например, более 1/3 граждан не принимает участия в референдуме по изменению общественного

стройка или приватизации государственной собственности, то его результаты не признаются действительными. То же самое относится и к неявке большинства граждан при проведении второго тура выборов или других подобных мероприятий.

Участия в референдумах и выборах явно недостаточно для непосредственного осуществления народом своей власти. Следует признать необходимость коллективной народной законодательной инициативы и коллективного обращения по поводу деятельности государственных органов, организации петиций и манифестаций, забастовок и других массовых выступлений. Представляются нужными и более серьезные способы осуществления народом своей власти, в частности, акты гражданского неповиновения, политические стачки, применение силы против тирании и угнетения, что в неявном виде предусмотрено во “Всеобщей декларации прав человека” в качестве последнего средства воздействия на власть, не говоря уже о признанном в Конституции США праве народа на восстание.

Что касается опосредованных представительными органами форм осуществления власти народом, то в этой области народ выработал наиболее соответствующие его воле Советы, которые по существу и по названию должны быть народными. Они могут быть Советами народных депутатов всех уровней, муниципальными (местными) Советами, Советами трудовых и иных коллективов, общественных объединений и т.д.

Местные Советы народных депутатов (сельские, поселковые, районные, городские) не должны быть лишены властных функций, принадлежащих народу. Здесь речь может идти о том, чтобы местные Советы как органы общественного самоуправления возложили на себя как можно больше функций, выполняемых ранее сугубо государственными исполнительными органами. Вывод органов местного самоуправления из системы органов государственной власти оставляет местную исполнительную власть без соответствующей представительной основы и тем самым урезает права народа как субъекта и источника местной власти.

Нельзя ограничиваться общими положениями о власти народа без специальной главы о правах народа, предшествующей главе (разделу) о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина. Из прав, принадлежащих народу должны быть обозначены прежде всего общепризнанные права, касающиеся равенства и самоопределения народов, т.е. признать, что все народы имеют право на самоопределение, и в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие. В соответствии с

нормами международного права и принятыми на этот счет международными документами фиксируются права малочисленных народов и национальных меньшинств – их права на защиту от деятельности, угрожающей их существованию, права на самобытность, сохранение родного языка и культуры.

Согласно международным пактам должно определяться право народов “свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами” и не оказаться лишенными принадлежащих им средств существования. Представляется важным, чтобы землю и природные ресурсы в их естественном состоянии признать народной собственностью, и не ограничиваться указанием на то, что они составляют основу жизнедеятельности народов (ст. 9 Конституции 1993г.) Без права собственности на землю и природные ресурсы народ не сможет установить не только свой политический статус, но и распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами и, следовательно, может оказаться лишенным средств существования. Без народной собственности на землю и основные средства производства не может обеспечиваться народовластие, без этого все записи о народе как носители суверенитета, источнике власти остаются пустой фразой, не будут иметь не только прямого действия, но и какой-либо маломальской практической реализации.

Серьезным конституционным установлением должно стать запрещение эксплуатации народа народом, недопущение экономических и иных соглашений, которые ухудшают экономическое и социальное положение народа, не отвечают принципам взаимной и одинаковой выгоды. Не допускается какая-либо дискриминация народа по национальной, расовой, религиозной, языковой или иной другой принадлежности. Ни один народ не может содержать в рабстве представителей другого народа, вести торговлю людьми. Уже пора предусмотреть право народов на безопасную жизнь, в том числе на жизнь без войн, которые возникают в результате нарушения прав народов. В свое время Япония создала серьезный прецедент: в Конституции 1946г. было записано, что японский народ отказывается от войны как суверенного права нации. Последующие попытки сделать это положение общепризнанным в международном масштабе успеха не имели. В этой связи серьезным делом было бы возведение права народа отказаться от войны в ранг общепризнанного международного права. В противном случае народы остаются без права на безопасность.

1. Гражданский Форум. Выпуск 2. СПб., 2002. С. 150.

2. Марахов В.Г. Стратегия и тактика формирования гражданского общества в России // Гражданское общество России: стратегия и тактика формирования / Под ред. В.Г. Марахова. СПб., 2001. С. 5.
3. Там же.
4. Там же. С. 7.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 228.
6. Барулин В.С. Социальная философия. Ч. II, М., 1993. С. 99.
7. Там же. С. 94.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 245.
9. Там же. С. 248, 250.
10. Гегель Г.В.Ф. Философия права. С. 228-229.

§ 2. Обобществление труда и социализация человека

Труду, служащему предпосылкой и постоянной основой соединения людей в общество, ныне стали приписывать противоположную роль – функцию разъединения людей, их индивидуализации. Полагают, что постэкономическое общество, переходя от труда к творчеству, базируется исключительно на индивидуализированной деятельности, осуществит де-социализацию жизни. «В той же степени, в какой процесс становления и прогрессивного развития стоимостных оценок и отношений был идентичен процессу становления и развития общественного производства и протекал параллельно с процессом социализации производителей, - пишут О. Н. Антипина и В. Л. Иноземцев, - деструкция этих отношений обусловлена прежде всего *индивидуализацией* человека в его качестве как производителя так и потребителя, имманентно присущей нашей эпохе. Та революция, которую многие ожидали как социальную революцию, проявляется как революция де-социализации, затрагивающей все стороны жизни людей»¹.

Здесь названные авторы повторяют высказывания, появившиеся в западной литературе: «трудовые процессы обретают все более индивидуальный характер, происходит фрагментация деятельности в зависимости от производственных задач с ее последующей реинтеграцией для получения конечного результата»². Соответственно, «труд ... теряет свою коллективную самобытность, становится все более индивидуализированным с точки зрения возможностей работников, условий труда, заинтересованности в нем и перспектив на будущее»³.

В данном случае, с одной стороны, все более углубляющаяся специализация технических функций труда преподносится как отрицание на этой основе совершающегося обобществления труда, с другой – на труд переносится индивидуализм буржуазного общества, а само будущее общество предстает как скопление людей на вокзале, или, в лучшем случае, на барахолке, не знающих друг друга и безразличных друг другу.

Теоретическим основанием для такой индивидуализации труда обычно берется субъективизация его результатов как полезностей, оцениваемых исключительно субъектом. Такого рода субъективные оценки вроде бы ведут к устранению общественного характера затрат и их сводимости к абстрактному среднему труду. Как издержки труда, так и полезности, по мнению названных выше отечественных авторов,

«утрачивают свой универсальный общественный характер, становятся индивидуальными потребностями и издержками»⁴.

В действительности, общество никогда не откажется от измерения затрат труда временем. Даже тогда, когда меновая стоимость будет устранена, рабочее время остается созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства. По уничтожении капиталистического способа производства, писал К. Маркс, определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами общественного производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было⁵.

В качестве аргументов против обобществления труда и соизмеримости его затрат обычно используется нерешенность (или не умение решить) задачи соизмерения потребительных стоимостей на объективной (трудовой) основе. Приходится обращаться к субъективным оценкам, людским предпочтениям, имеющим чисто индивидуальный характер. Оценки результатов труда как субъективных полезностей затем переносятся на труд, а его естественно-историческая, качественная, дифференциация преподносится как его индивидуализация, как результат чисто субъективного выбора формы деятельности.

Для этих целей обычно ссылаются на особенности труда по созданию знаний, информации, которые, якобы, призваны заменить обычный жизнеобеспечивающий труд. Производство знаний, научный труд представляются настолько индивидуализированными и субъективизированными, что уже вроде «никто не может воспроизвести созданное человеком знание»⁶.

Автор последних строк почти дословно повторяет тезис М. Штирнера о том, что в отличие от обычных (человеческих) работ есть работы единственного, которые «никто не может выполнить за тебя... Это – работы единственного индивида, и их может выполнить только тот единственный, между тем как первые следует назвать человеческими работами... Нельзя установить общего тарифа для оплаты Моей единственности, как это можно сделать для тех работ, которые Я выполняю в качестве человека. Только для этих последних работ может быть установлен тариф»⁷.

Провозглашая единственность научного и художественного труда, М. Штирнер отделял человеческие работы от работы единственного индивида, подгоняя, как и современные апологеты индивидуального труда, первые под стоимость (тариф), а вторые – под индивидуальную оплату, иногда очень высокую, за единственность.

У В. Л. Иноземцева получается то же самое: постэкономическое общество знает только индивидуализированный умственный труд, который не укладывается ни в какие общественные мерки, теряя всякий общественный характер, становится достоянием единственной в своем роде личности.

Между тем умственный труд, как и всякий другой, подчиняется общим законам труда, в частности, закону обобществления: развитие культуры, образования, науки не может происходить без воспроизводства полученных в них ранее результатов, в том числе новых. К. Маркс и Ф. Энгельс, возражая М. Штирнеру, в свое время отмечали, что не сам Моцарт, а другой композитор сочинил большую часть моцартовского «Реквиема» и довел его до конца, что Рафаэль «выполнил» сам лишь ничтожную долю своих фресок⁸. Известно также, что на А. Дюма, оставившего 647 произведений (более шестисот томов) работал целый штат профессиональных литераторов.

Что касается научного труда, то воспроизводимость его результатов и его характер как всеобщего труда не подлежат никакому сомнению. Ученый всегда опирается на результаты предшественников и достижения современников. Он не может из самого себя черпать знания и на основе лишь собственного опыта развивать науку.

То же самое можно сказать об образовании. Образованными, по свидетельству Гегеля, можно считать в первую очередь тех людей, которые способны делать все то, что делают другие, не подчеркивая свою единственность, тогда как у людей необразованных бросается в глаза именно их частность, поскольку их поведение не следует всеобщим свойствам вещей. Соответственно, истинное образование есть сглаживание особенности, необходимое для того, чтобы она вела себя согласно природе вещей. Оно предполагает тяжкий труд, направленный на преодоление голый субъективности, посредством этого труда субъект обретает в себе объективность⁹. Если обособленный труд и может создавать отдельные ценности, то ни общественного богатства, ни общей культуры он создавать не может.

Кооперативная организация научного труда, необходимого в современный период, является необходимым условием научной деятельности. Причем кооперативным здесь выступает как непосредственно совместный труд ученых, так и труд всего научного сообщества. «Всеобщим трудом, - писал К. Маркс, - является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»¹⁰.

Из сказанного следует, что аргументы, приводимые для отрицания общественного характера труда, его социализации не имеют сколько-нибудь серьезного основания. Они испирированы чисто идеологическими мотивами – стремлением сохранить навечно индивидуальную частную собственность, а вместе с ней и частные формы деятельности. Прикрывают же эти мотивы ссылками на специализацию труда, которая не только не отрицает необходимости его обобществления, но и требует его.

На самом деле именно частная собственность вызывает отчуждение труда, а вместе с этим отчуждением и десоциализацию человеческой сущности. Непосредственным следствием отчуждения труда, т.е. отчуждения человека от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, выступает отчуждение его общественной (родовой) человеческой сущности. Это, по словам К. Маркса, ведет к отчуждению человека от человека: «положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности»¹¹. Поэтому устранение частной собственности и отчуждения труда становятся условием преодоления индивидуализма и восстановления общественной сущности человека как совокупности отношений людей друг к другу как общественных существ, что несовместимо с основными принципами гражданского общества.

Отсюда отрицательное отношение к гражданскому обществу как у К. Маркса, так и у Гегеля. С одной стороны, писал Гегель, погоня за удовлетворением особых потребностей, субъективных желаний и произвола разрушает личность; с другой – делает ее жизнь случайной. «В этих противоположностях и их переплетениях гражданское общество представляет собой зрелище как излишества, так и нищеты и общего обоим физического и нравственного упадка»¹².

В этой связи К. Марксом был выставлен тезис о том, что гражданское общество после устранения частной собственности уступит место человеческому обществу, или обобществившемуся человечеству.

Что же понимал К. Маркс под человеческим обществом в противоположность гражданскому?

В своих ранних произведениях К. Маркс имел в виду общество, в котором прежде всего реализуется социальная сущность человека как совокупности всех общественных отношений. Эта социальность предполагает преодоление антропологического подхода к человеку, т.е. преодоление старого материализма, сводящего сущность человека к природным связям изолированных индивидов. По Марксу, необходимо исходить не из

абстрактного человеческого индивида, что было присуще антропологическому методу Л. Фейербаха, а из определенного общественного характера человека, обусловленного определенной исторической формой общества.

Человеческое общество, в отличие от гражданского, базируется на общественной собственности, которая, в свою очередь, своим основанием вместо порожденной частной собственностью отчужденности труда имеет, обобществленный труд. Такое общество К. Маркс называл гуманистическим, видя в нем «как положительное упразднение *частной собственности* – этого *самоотчуждения человека* – и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека; а потому, как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека и самому себе как человеку *общественному*, т.е. *человечному...*» В нем произойдет «*действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом*»¹³.

В этом обществе деятельность и пользование ее плодами, как по своему содержанию, так и по способу существования носят общественный характер, причем не только в форме непосредственно коллективной деятельности. Даже тогда, писал К. Маркс, когда человек занимается научной деятельностью, которую он может осуществлять и без непосредственного общения с другими, он занят общественной деятельностью. Ему не только дан, в качестве общественного продукта, материал его деятельности, в том числе язык, на котором работает ученый, но и его собственное бытие как общественная деятельность¹⁴.

Общество, названное К. Марксом, человеческим, отличается от гражданского прежде всего тем, что индивидуализации человека, его индивидуализму противопоставляется обобществление (социализация) его сущности. Всякое проявление жизни человека здесь, по словам К. Маркса, даже если она не выступает непосредственно в форме коллективной, совершаемой совместно с другими, является проявлением и утверждением общественной жизни. Индивид непосредственно приобретает качество общественного существа¹⁵, всеобщей формой существования которого является труд, причем, в первую очередь, созидание орудий производства, с помощью которых совершается обмен веществ между человеком и природой.

По-иному выглядит человек в трактовке некоторых современных социальных и культурных антропологов. Он у них подогнан под члена гражданского, т.е. буржуазного, а не человеческого общества.

Прежде всего в этом вопросе приходится встречаться с отрицанием сколько-нибудь серьезного значения для антропологии (социальной и еще более — культурной) определения сущности общества и человека как совокупности общественных отношений. Социальные антропологи не хотят связывать социальную сущность человека с общественными отношениями под тем предлогом, что в системе этих отношений нет места для индивидуальности и все общее, принадлежащее обществу как системе в ее целостности, не может принадлежать отдельному человеку¹⁶. Их рассуждения таковы: общество как система обладает свойствами (системными качествами), которых нет ни у каждого его компонента в отдельности, ни у их суммы, т. е. они возникают не из отдельных и особенных составляющих общества, а только из их связанности в целое, из надындивидуальных, деперсонифицированных общественных связей и отношений. Поэтому, мол, методами социологии, особенно материалистическим пониманием общества как учением об «односторонней» детерминации человека обществом, социальность человека в антропологии и не раскрыть, и не обосновать. И вообще, в рамках исторического материализма теорию целостности человека реализовать невозможно.

Какое же понимание общества (социальной системы) устраивает сторонников указанного подхода? Им, оказывается, выступает давно уже преодоленное представление об обществе как совокупности отдельных людей, множества относительно автономных, относительно самостоятельных индивидуумов. В этом контексте человек якобы приобретает личностность, индивидуальное бытие, а его деятельность не рассматривается в контексте общества как безличной субстанции. Наоборот, только в сфере индивидуального создается имманентная человеку субъективная структура, что открывает широкую перспективу для развития социальной антропологии.

Верны ли обвинения в адрес социологии, в частности исторического материализма, относительно того, что в ее трактовке общества не остается места индивидууму и индивидуальному? Нет, такие претензии не состоятельны. К. Маркс, конечно, не отвечает за современных толкователей природы системных качеств, но у него был случай специально высказаться против понимания П. Прудона общества как особого существа, стоящего над составляющими его лицами и имеющего свои особые законы, безразличные к этим лицам. В анализе системы «человек-общество» К. Маркс придерживался

диалектического понимания отношения общего (общества) к единичному (индивиду). Он полагал, что существование общества реально лишь в форме существования особенных индивидов. Не персонифицируясь в особенных лицах, общество будет выглядеть пустой абстракцией. Общественные отношения, по его мнению, можно только мыслить, если их хотят фиксировать в отличие от тех субъектов, которые находятся между собой в этих отношениях¹⁷.

Что же касается наиболее подходящего для современных социальных антропологов толкования общества как «множества относительно автономных индивидуумов», то в нем по сути отвергается социальная сущность человека, на нет сводится значение общества (общего) для понимания индивида, поскольку не принимается во внимание реальность общества (общего). Ведь в данном случае общим для каждого из множества относительно автономных индивидов может быть лишь тот или иной родовой признак, т.е. тождественность людей по этому признаку. Рассмотрение же общества с точки зрения этого общего (общечеловеческого) признака как раз и упускает из виду различия людей, специфическую черту каждого, ибо общество (общее), образуемое по этому признаку, не будет знать никакой разницы между рабочими и капиталистами, католиками и мусульманами и т.д., поскольку все они — люди. Вот почему недостаточно сказать, что общество состоит из индивидов, людей. Люди как люди, как одинаковые существа не нуждаются в обществе. В обществе же, определяемом как совокупность (сумма) отношений и связей, человек получает свое «лицо». Люди, вступая в отношения друг с другом, тем самым выявляют свои различия, особенности, индивидуальность. Последние существуют только в обществе и посредством общества¹⁸. Вот почему желание угодить антропологам, определяя общество как «множество относительно автономных индивидов», оборачивается отрицанием человеческой индивидуальности и восстановлением, вопреки первоначальным намерениям авторов, критикуемой ими надындивидуальной, деперсонифицированной системы социального бытия и, следовательно, традиционного антропологического метода, не знающего социальных различий людей, классов.

В этом случае социальным антропологам приходится соглашаться с представителями структурно-функционального, системного анализа, которые существенно умаляют роль общества и социальной системы как средств познания индивида. У Т. Парсонса социальная система и система личности представлены как однопорядковые подсистемы. Личность выносится за пределы социальной системы и фигурирует лишь как часть среды, окружающей общество. Личность отсутствует и в

составе структурных компонентов общества, к которым отнесены лишь нормы, ценности, коллективы и роли. Н. Луман отказывает индивиду в праве быть элементом, составляющим общество, считает эпистемологическим предубеждением суждения о том, что общество состоит из людей или из общественных отношений. Оперативная закрытость общества, по его мнению, исключает людей из общественной системы. Он призывает гуманистов не обижаться на это, ибо личность в его теории общества совсем не отбрасывается, а лишь помещается в окружающую его общество среду. Такое понятие общества исходит из полного разделения индивидуума и общества. Соответственно, как полагает Н. Луман, социология не может принять трактовку индивидуума как части общества, и лишь на основе их разделенности можно серьезно рассматривать личность¹⁹.

Источник подобных суждений — в непреодоленности дуализма в решении вопросов о соотношении общего и единичного, общества и индивида, социологического и антропологического методов. Через этот дуализм, как известно, не смог перешагнуть даже Гегель, поскольку общее и единичное у него в конечном счете выступают как две противоположные сущности: общее как особая духовная сущность (идея) противостоит единичному, которое из-за своей конечности никогда не сможет подняться до истинной всеобщности. У Гегеля общее — принадлежность абсолютной идеи, обладает самостоятельным от единичного существованием только мистически воплощается в единичном, эмпирически и конечно существующем. В вопросах соотношения общества и человека действительным субъектом, по Гегелю, становится мистическая субстанция, а реальный субъект предстает как нечто, как инобытие и момент этой субстанции. Дуализм здесь проявляется как раз в том, что Гегель не рассматривает всеобщее как действительную сущность действительного человека, т.е. существующего, определенного, конечного. Другими словами, действительное существо он не считает подлинным субъектом общества.

Исторический материализм в лице К. Маркса, а не его истолкователей из числа неокантианцев, всегда настаивал на приоритете действительного человека, на том, что именно он составляет базис общества (носитель общего), является его творцом (субъектом истории), его исходным пунктом и т. д. К. Маркс не мог согласиться с Гегелем и тем более с Прудоном в том, что человек (единичное) есть лишь превращенная форма некой духовной субстанции, некоего общего, стоящего над действительными индивидами. На самом деле, общество (общее), по К. Марксу, образует свойство, сущность действительного субъекта, и именно индивид есть подлинный субъект всеобщего и бесконечного. Поэтому общественная история людей есть всегда лишь история их

индивидуального развития, а свободное развитие каждого — условие такого же развития всех. Общественные отношения, посредством которых происходит это развитие, относятся к индивидуальности людей, а не являются чем-то внешним для них. Общество (общее) есть не некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а его творение. Оно является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его жизнью. С этой точки зрения человек всегда остается субъектом создаваемых им социальных форм своего существования — семьи, государства, гражданского общества и т.д., которые выступают как общие для всех людей.

Итак, преодоление дуализма общего и единичного сводится к следующему: общество и индивид не есть две противоположные сущности. Если одна из них, скажем, общество, преподносится как некая особая над индивидами (надиндивидуальная, деперсонифицированная) сущность, то она теряет свою действительность (необходимость), свою истинность, свое оправдание. И, наоборот, если другая сущность — индивид — лишается свойства быть носителем общего, субъектом общества, не доводится до уровня всеобщности, то и он не будет действительной, истинной личностью. Общество и индивид по необходимости образуют две различные, противоречивые стороны одной и той же сущности. Сущность у общества и индивида одна, она и составляет основание для них обоих, для их различия и единства, выступает единством различия и единства, и одновременно различием единства и различия.

Такое решение вопроса о соотношении человека и общества, т. е. преодоление дуализма общего и единичного, предполагает соблюдение двух исходных правил метода познания социальной сущности человека. Первое из них — это рассмотрение человека (индивида) в качестве отправного пункта анализа общества и его базиса. Ни обществу в целом, ни социальной группе не следует приписывать самостоятельное, независимое от составляющих их личностей существование. Действительным субъектом общества и всех социальных образований остается человек, индивид. В той мере, в какой социология при анализе общества исходит из реального человека (а не из социального действия или отношения взаимодействия и т. п.), она принимает антропологический метод, делая его и своим методом. Социология не может не согласиться с социальной антропологией в том случае, когда последняя стремится наполнить себя специфическим содержанием на пути движения познания от человека как субъекта к обществу, к объективизированным формам социального бытия. Нужно лишь дополнить эту мысль: отдельный человек приобретет мощь, станет человеком с большой буквы, если будет возведен на уровень всеобщности, т. е. если его индивидуальная сущность станет одновременно и его общественной

сущностью, совокупностью всех общественных связей и отношений. Лишь когда индивидуальный человек в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет родовым (общественным) существом, будет действовать по меркам любого вида, освоит свои собственные силы как общественные, тогда совершится человеческая эмансипация²⁰. Очевидно, что такое понимание проблемы не имеет ничего общего с приписываемой К. Марксу мыслью об однолинейной детерминированности человека социальной средой, системой общественных отношений, о безоговорочном приоритете общества над личностью, о вторичности человека по отношению к объективным, деперсонифицированным, надличностным структурам. Приходится лишь сожалеть, что авторы подобных суждений не подтверждают их ссылками на работы самого К. Маркса, ограничиваются «безличностными» обвинениями в адрес исторического материализма, полагая, видимо, что антропологический метод не учитывается социологическим методом материализма.

Не следует забывать о втором требовании метода исследования социальной сущности человека: исходя из действительного человека как субъекта общества, следует раскрывать сущность человека через социальные формы его существования. Здесь дуализм сущности снимается другим способом — путем превращения общего (общественного) в свойства единичного (индивида), т.е. общественная сущность становится сущностью индивида. Имеется в виду не только возвышение и превращение индивидуального в общественное, но и, наоборот, общественного — в индивидуальное, т.е. не только измерение общества с точки зрения человека (человек — мера всех вещей), но и измерение человека общественной меркой. Необходимо, чтобы общее «снизошло» до единичного, реализовалось в нем, стало его свойством. К анализу единичного с точки зрения общего и сводится основная задача теоретического анализа всеобщего²¹.

Исторически общество в лице «верхов» монополизировало родовую (общественную) сущность человека в форме максимального развития представителей «верхов» в ущерб «низам», оставляя последним область частного, знание единичного, отдельного. Отсюда — недоверие ко всем, кто имеет дело с общим, у кого высокое развитие индивидуальности происходит за счет принесения в жертву индивидуального развития большинства человеческих индивидов. Чисто теоретический дуализм общего и единичного оказывается практическим дуализмом общества и индивида. Можно надеяться, что общество, в конце концов, разрушит этот антагонизм, раздвоение на противоположные сущности единой родовой сущности человека, и развитие общества совпадет с развитием каждого отдельного индивида.

1. Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998. С.403.
2. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 496 – 497.
3. Там же. С. 501 – 502.
4. Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. С. 403.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 265; Т. 25. Ч. II. С. 421.
6. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. С. 337.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 389, 390.
8. Там же. С. 392.
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 233.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 116.
11. Там же. Т. 42. С. 95.
12. Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 230.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.
14. Там же. С. 118.
15. Там же. С. 119.
16. Пуляев В. Т., Шаронов В. В. Социальная антропология: статус, предмет, проблемы // Социально-политический журнал. 1993. № 7;
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 46. Ч. I. С. 84.
18. Человек как объект социологического исследования // Под ред. Л. И. Спиридонова, Я. И. Гилинского. Л., 1977. С. 31 – 32.
19. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль // Под ред. В. И. Добренкова. М., 1996. С. 502, 512; Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А. О. Бороноева. СПб., 1994. С. 27, 30, 37.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 406.
21. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960. С. 153.

§ 3. Ассоциированный труд и очеловечивание общества.

Чтобы общество из гражданского превратилось в человеческое, необходимо еще одно условие – нужно, чтобы развитие каждого предполагало развитие всех. В этом пункте очеловеченное общество тоже противостоит гражданскому. Лучшее, что может дать гражданское общество – это развитие отдельных индивидов, идеал которого был выражен М. Штирнером в образе «единственного и его собственности».

Обобществление труда в рамках частной собственности и отношений меновой стоимости еще не приводит к очеловечиванию всего общества. В этих условиях свои социообразующие функции труд осуществляет не непосредственно, а косвенно. Их берет на себя обмен его стоимостных результатов, что с самого начала ограничивает социальные связи людей. Люди оказываются соединенными в одно общество, становятся зависимыми друг от друга только как носители меновых стоимостей, т.е. не прямо посредством самого обобществленного труда, а через отношения стоимостного обмена. В результате общественная связь людей предстает как зависимость безразличных друг к другу индивидов – носителей исключительно частного интереса, каждый из которых противостоит интересам других индивидов.

Кроме того, здесь как общественный характер труда, так и общественная (стоимостная) форма его продукта выступают как нечто чуждое самим индивидам, как нечто вещное: не как отношение людей друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от их воли и возникающим из столкновения безразличных индивидов друг с другом. В меновой стоимости общественное отношение лиц превращается в общественное отношение товаров, (вещей) и представляется людям как нечто чуждое, от них независимая потусторонняя сущность¹. Подчиненность этих отношений общественному разуму и контролю отсутствует. В итоге отчужденность общественного труда, вызванная отношениями частной собственности, самым непосредственным образом препятствует очеловечению общества, его гуманизации.

С точки зрения степени очеловеченности общественных отношений людей, общество, согласно обобщениям К. Маркса, может приобретать три формы или стадии: а) первоначально – это отношения личной зависимости; б) затем отношения личной независимости, основанные на вещной зависимости; в) и, наконец, отношения, базирующиеся на свободной индивидуальности, предполагающей универсальное развитие

индивидов и превращение коллективных, общественных производительных сил их труда в их общественное достояние².

Третья форма, будучи характерным признаком гуманистического общества, возникает из процессов обобществленного труда, но из труда, обобществленного непосредственно, т.е. когда еще до обмена деятельностью люди работают на общий результат, принадлежащий всем и каждому. Это – общество людей, ассоциированных на основе совместного владения средствами производства и совместного контроля над ними, что позволяет труду заранее приобрести коллективный характер, делает его продукт тоже общим, коллективным.

В противоположность гражданскому обществу, в котором взаимная личная независимость и безразличие людей по отношению друг к другу еще не создают условий для действительной социальной жизни, новая ассоциация предполагает действительную общность и всеобщность социальной жизни и социальных отношений. Она не отрицает индивидуальность и свободу личности, наоборот, делает их достоянием каждого. Более того, эта новая социальная общность, преодолевая капиталистическую частную собственность, в то же время восстанавливает индивидуальную трудовую собственность, основанную на кооперации и общем владении землей и произведенными самим трудом средствами производства (К. Маркс).

Здесь общество социализируется через максимальное развитие каждого, в то время как в обществе, основанном на частной собственности, неизбежна ограниченность каждого не только из-за однообразности самих меновых связей, но и из-за подчиненности этим связям как вещным и внешним по отношению к индивидам отношениям. В последнем случае только кажется, будто индивиды независимы и свободно сталкиваются друг с другом в рамках этой свободы. Это – иллюзия, таковыми они являются лишь по видимости, поскольку не берется в расчет их полнейшая зависимость от стихийно складывающихся производственных отношений. Конечно, отдельное лицо может случайно освободиться от подчинения этим внешним отношениям, но этого не может добиться «масса закабаленных ими людей, ибо существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям»³. Соответственно, свободная самоорганизация людей в общество возможна лишь на основе их контроля над своими общественными отношениями. Этого может дать только новое, т.е. человеческое общество, являющееся продуктом ассоциации, распределяющей труд своих членов и подчиняющей общественное производство индивидам, которые управляли бы им как своим общим достоянием.

Гражданское общество, сколько бы ни приписывали ему свойств самоорганизованности, стабильности, солидарности и т.п., не способно освободиться от стихии рыночных экономических процессов. Поэтому, предупреждал К. Маркс, не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль индивидов над своим производством и своими общественными отношениями⁴.

О какой стабильности и солидарности гражданского общества в современной России может идти речь, если за 1990 – 2000 гг. строительства этого общества общая преступность выросла в 3 раза. Только в 2001 году зарегистрировано свыше 3 миллионов преступлений, совершено 32 тысячи убийств, около 25 тысяч тяжких телесных повреждений, более 30 тысяч человек пропали без вести, каждый четвертый мужчина имеет судимость. В настоящее время обитателями «социального дна» является 14 млн. человек: 4 млн. бомжей, 3 млн. нищих, 4 млн. беспризорных детей, 3 млн. уличных проституток. «Разве мыслимо достичь в обществе согласия, примирения, - пишет декан социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор В. И. Добренков, - если идет жестокая борьба за передел собственности, когда не брезгают ничем – подкуп, шантаж, заказные убийства. Всюду царит насилие и беззаконие. Общество разбалансированно, полностью разрушены духовные основы нации, традиционные представления о добре и зле... Россия медленно сползает в пучину зла, нравственно деградирует и превращается в уникальную по своим масштабам и глубине криминальную страну»⁵. Профессор Добренков уверен, что тот путь развития, на который встала Россия, исторически бесперспективен и грозит для нее огромными жертвами и будут стоить большой крови.

Очевидно, что без перевода отношений собственности, социальных и нравственных отношений людей на трудовую основу приостановить деградацию российского гражданского общества не представляется возможным. Сама эта основа, чтобы выполнить свою функцию по гуманизации общества, в свою очередь, должна приобрести еще одно существенное свойство – освободиться от старого социального разделения труда между различными классами и социальными группами, несовместимого с дальнейшим обобществлением самого труда.

С одной стороны, разделение труда, будучи формой естественно-исторической дифференциации человеческой деятельности, способствует процессам обобществления и социализации общества, с другой стороны, оно, как общественное, социальное разделение труда, лежит в основе деления общества на классы и соответствующего социально-

классового неравенства людей, противоположных классовых интересов. В этом отношении оно предполагает отчужденность общественного труда и не может служить признаком обобществившейся ассоциации людей.

Гражданское общество необходимо организуется как политическая ассоциация. Пока существуют социальное разделение труда, и следовательно, классы и социальные группы, люди неизбежно организуются в государство, посредством которого регулируются их общественные отношения. Экономической основой существования как государства, так и классов гражданского общества является противоположность города и деревни, умственного и физического труда, производительной и непроизводительной деятельности.

По-иному организуется общество, поскольку оно основывается не на разделении, а соединении прежде социально разведенных видов общественного труда. Оно будет представлять собой ассоциацию, содружество людей труда, не знающих классовых различий. Обобществление труда, позволяющее сочетать членам общества физический и умственный, производительный и непроизводительный, управленческий и исполнительский труд, приводит к качественно новому типу социальной организации, в которой критерием объединения людей в общность явится их совместная трудовая деятельность.

Новое общество в отличие от гражданского предполагает установление общественной жизни, функционирующей на принципах разума, общественного интеллекта. В нем люди наконец-то будут строить свои общественные отношения согласно требованиям социальной науки. В этой связи следует отметить, что благородное желание освободиться от сегодняшних пагубных, неконтролируемых людьми стихийных рыночных процессов у ряда авторов принимает форму отказа от материальной детерминации общественных процессов в будущем обществе в пользу их идеальной детерминации. Выдвигается тезис о наступлении «исторического идеализма» вместо исторического материализма, т.е. тезис об определяющей роли общественного интеллекта (сознания) по отношению к общественному бытию, если не в гносеологическом, то в онтологическом аспекте. Вместо принципа об усилении обратного влияния общественного сознания на общественное бытие выставляется закон роста идеальной детерминации в истории: «действует всемирно-исторический закон роста идеальной детерминации в истории через общественный интеллект, т.е. происходит «эволюция сдвига» от доминанты стихийной, материальной детерминации на базе конкуренции и

отбора к доминанте идеальной детерминации на базе кооперации и общественного интеллекта»⁶.

Безусловно, автор прав в том смысле, что роль сознательности по сравнению со стихийностью возрастает, особенно если иметь в виду общество ассоциированного труда и общественного самоуправления, способного контролировать свою деятельность. Никто иной как Ф. Энгельс, оставаясь сторонником исторического материализма, утверждал, что если до сих пор результаты деятельности людей оказывались иными, чем те, какие желали и даже противоположные тому, что желали, то в более или менее отдаленном будущем люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли⁷.

Из приведенных слов Ф. Энгельса не следует, что стихийность тождественна с признанием материальной детерминации общественного развития, а сознательность – с ее отсутствием. Независимо от того, ведут ли люди свою общественную жизнь со знанием дела и социальных законов, планируют и прогнозируют ее ход, или этот ход осуществляется стихийно, они подчиняются законам своих общественных действий, своей общественной практики, причем подчиняются вместе с управляющей их делами головой, т.е. общественным интеллектом. Объективная, соответственно материальная детерминация общественного развития сохраняется и при переходе от стихийности и сознательности. Точно также управление своими общественными действиями у людей не будет делом субъективного произвола, как это стали утверждать «новые социологи».

С тех пор как в России началась эпоха рыночных реформ, их идеологи вновь взялись за отрицание обусловленности развития общества и управления им объективными экономическими и социальными законами. Налицо новая волна субъективизма кантианского и феноменологического толка: объективные законы функционирования и развития общества выносятся за пределы управленческой деятельности, не признаются законами, необходимыми для управления и планирования. Так, автор недавно опубликованной книги по социологии управления А. В. Тихонов, солидаризируясь с Э. Бернштейном в критике марксизма, ставит вместе с последним «очень современный и по сей день вопрос: если обществом управляет непреложная поступь «железных» экономических законов и все происходит независимо от воли человека, то что остается на его долю?»⁸.

При такой постановке вопроса, или в случае с «невидимой рукой» А. Смита, ответ для вышеупомянутого автора очевиден: на долю человека вроде бы ничего не остается;

там, где есть объективные законы, человеку делать нечего. Нужен, по его мнению, не какой-нибудь «железный» закон, а человек (правда, не всякий, а управленец), который всем управляет (и природой, и экономикой, и обществом, и самим собой). Поэтому автор не испытывает никакой нужды обращаться к объективным общественным, так и природным законам. Более того, с его точки зрения, управляться собственными законами общество не может. Нужен всегда управленец, правитель. Объективные социальные законы и управленческая деятельность человека противопоставляются друг другу как несовместимые способы функционирования общественного организма, составляют необходимую антиномию.

Так ли это? На самом деле никакой антиномии между ними нет. Ее или выдумывают на манер неокантианства, или не умеют решить проблему взаимоотношения сознательной человеческой деятельности с ее объективными законами. Так, например тот же В. А. Тихонов, заменяя понятие объективного термином «естественное», а субъективного - словом «искусственное», вместо характеристики развития общества как естественноисторического процесса предлагает «рассматривать общество ... как симбиоз принципиально неоднородных и неоднородных систем: искусственной и естественной»⁹. При этом он полагает, что «признание социальной реальности в качестве искусственно-естественной социосферы имеет для социологии далеко идущие теоретико-методологические последствия, что искусственно-естественная дихотомия получит признание как важная оппозиция для описания и объяснения общества»¹⁰.

Никаких двух, да еще принципиально неоднородных, находящихся в оппозиции социальных реальностей на самом деле нет. Социальный мир не делится на мир, с одной стороны, «вещей в себе», «потока событий», естественных «социальных тел», безличностных отношений, с другой, - искусственно созданный мир людей (мир «для нас»), личностных отношений, сознательной человеческой, в том числе управленческой деятельности. Нет независимо от людей, от их деятельности существующего особого социального мира имманентных надличностных процессов (кроме природы и сделанных из нее вещей и технологических процессов). Существует один единственный объективный социальный мир, отражаемый в сознании. Сознание противопоставляется объективной реальности только при решении гносеологического вопроса о первичном и вторичном. Вне этого вопроса социальная реальность и есть обладающие сознанием люди, их отношения и их деятельность. Когда говорят о естественноисторическом процессе, то имеют в виду их единство, а не разделенность человеческой истории на естественную и

искусственную*.

Противопоставление деятельности и объективных законов обычно сопровождается разделением общества на объективное и субъективное начала, что нередко выдается за исходное понимание истории, а решение вопроса сводится к признанию нерасторжимой координации указанных двух начал. Механизм действия законов общества в этом случае изображается как взаимодействие двух координат - субъекта и объекта, а возрастающее влияние субъекта (человека) на объект как бы определяет «кривую» этого взаимодействия. На место субъекта обычно вставляется одно лишь его сознание, которое объявляется равноправным с объективным естественноисторическим процессом. Этим вроде бы однокоординатное (монистическое) понимание общества заменяется двухкоординатным его пониманием, исходящим из субъектно-объектного отношения как базисного отношения общества, в котором тем самым независимость общественного бытия от общественного сознания заменяется их функциональной зависимостью.

Научное, материалистическое решение вопроса, преодолевающее субъективизм, лежит в иной плоскости. Во-первых, материализм не допускает дуализма в понимании сущности общества. Люди с их деятельностью и отношениями составляют, как подчеркивалось, единственную применительно к обществу форму собственно социального объективного процесса: нет двух отдельно существующих начал - объективного общественного процесса и деятельности людей. Объективный общественный процесс есть ни что иное, как деятельность вступающих друг с другом в общественные отношения людей. История вся и слагается из действий личностей, «ход вещей» и состоит в действиях людей и ни в чем больше (В. И. Ленин). Соответственно законы общественного развития являются законами собственной общественной деятельности и отношений людей, а не какого-то вне людей находящегося естественного, но социального процесса.

Объективные социальные законы не должны выноситься по ту сторону отношений людей и человеческой деятельности вообще, а также управленческой деятельности. Их нельзя исключать при рассмотрении управленческой деятельности, заключать, как часто пишут, «в скобки», то есть не принимать во внимание. Вместо нередко встречающегося неокантианского противопоставления (антиномии) объективных социальных законов и сознательной человеческой деятельности должен быть выставлен преодолевающий эту антиномию тезис: объективные законы функционирования и развития общества и есть

* Есть «две формы объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целепологающая деятельность человека» (Ленин В. И. Поли. Собр. соч. Т. 18. С. 156).

законы деятельности и отношений самих людей, обладающих сознанием. Причем люди подчиняются законам своих действий и отношений вместе со своим сознанием, волей. Они не могут «игнорировать», «обходить» законы своей же деятельности и своих отношений, подобно тому, как и тело, падая, не может «игнорировать» законы своего падения - законы тяготения. В свою очередь, определяя общественные законы законами общественной человеческой деятельности, мы не должны исключать из их действия людей. Люди, их деятельность составляют необходимое составляющее объективной закономерной цепи событий. Объективные законы являются законами деятельности людей, законами производимых ими изменений, исправлений, в том числе и ошибочных. В этой связи лучше всего характеризовать место человека в механизме действия закона словами К. Маркса: «надо изображать... людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы»¹¹.

К сожалению, в современной социологии люди чаще всего изображаются не как авторы, а лишь как введенные в историю действующие лица, чьи роли играют на общественной сцене социальные актеры (А. Турен). В этой ситуации люди нуждаются в управлении со стороны режиссера, деятельность которого отождествляется с функциями субъекта управления. В качестве примера приводится также деятельность дирижера, которому передаются все функции управления оркестром. При этом забывается, что дирижер или режиссер в своей сценической деятельности сами подчиняются тому, что заложено авторами произведения - композитором или драматургом. Последние исключаются из этой деятельности, хотя они олицетворяют творцов истории, законам которой подчиняется сценическое действие. Применительно к истории, человек выступает исполнителем законов своих общественных действий, законов совершаемого им дела, автором которого он сам является и которое осуществляется им самим так же, как им пишется и исполняется сценарий собственной исторической драмы. Будучи его исполнителем, он подчиняется законам своего дела, своей общественной деятельности.

Разница здесь лишь в одном: будут ли законы собственных общественных действий применяться людьми со знанием дела, что увеличивает их господство над своей жизнедеятельностью, или же они не познали их и вынуждены им подчиняться слепо. К сожалению, этого рода разграничение нередко представляется превратно: стихийное, не осознаваемое людьми протекание событий отдается под власть законов, «невидимой руки» рынка, а планомерное, осознанное управление общественными процессами освобождается от подчинения объективным законам, ибо таковыми считаются лишь те законы, в осуществлении которых люди участвуют бессознательно. Под этим предлогом

Н. Бухарин, Е. Преображенский в свое время считали невозможным совместить планомерную управленческую деятельность государства с признанием действия объективных законов.

В наше время это же самое делается посредством противопоставления организационно-управленческой деятельности людей самоорганизации и самоуправлению. Последние вроде бы осуществляются стихийно и в принципе исключают организацию и управление. «Стихийного управления, - заявляет, например А. В. Тихонов, - не бывает»¹². Что же касается организации и управления, выставляемые как альтернатива самоорганизации, то их связывают с упорядочивающей деятельностью человека, его сознанием и деятельностью, но не с действием объективных социальных законов. Для апологетов «управляющего, доминирующего» субъекта «социальный порядок» может устанавливаться лишь сознательно при помощи управленцев. Там, где он устанавливается на основе действия имманентных законов, там вроде бы сознание отсутствует и нет никакого управления. Не случайно поэтому в упомянутой «Социологии управления» нет ни слова о самоуправлении.

В действительности же организовывать или самоорганизовываться, управлять или самоуправляться люди не могут, не подчиняясь законам этих своих действий. Законы составляют основу их управленческой деятельности. Если этого не признавать, не использовать законы, то ждать какого-либо положительного эффекта от управленцев бесполезно.

В полном соответствии с признанием объективного характера законов должен решаться вопрос об их использовании. Использование человеком законов общества не образует особую сферу - социальную субъективную деятельность с присущим ей особым социальным механизмом, принципиально отличным от механизма действия объективных законов. Поскольку законы и есть законы деятельности человека, то управление есть ни что иное, как сознательное или бессознательное использование законов природы и общества. Неправильно думать, отмечал В. П. Тугаринов, что «объективными являются лишь те законы, в осуществлении которых люди участвуют бессознательно... Надо различать действие, не зависимое от сознания, и действие, совершаемое с помощью сознания»¹³. Управление совпадает с действием и использованием законов.

Использовать закон - значит, использовать знания о нем, совершать такие действия и вступать в такие отношения, которые соответствуют знаниям о законах, и не делать того, что не соответствует им. Поэтому проблема использования законов - это проблема

их знания и деятельности согласно этому знанию. Здесь субъективность приобретает свойственный ее понятию смысл: сознательность действия, знание дела.

Из того факта, что объективный закономерный процесс общественной жизни складывается из практических действий, не проходя через общественное сознание и не схватываясь полностью им, не следует, что социальная управленческая деятельность не может быть обоснована и рационально направлена на достижение определенных целей, согласуемых с объективным ходом событий. Нельзя согласиться с доводами современного антирационализма, отвергающего возможность осуществления научно обоснованной управленческой и планирующей деятельности, основанной на объективных законах.

Ф. Хайек, например, положение о рыночной самоорганизации, не требующей управления и тем более планирования, превращает в аргументы против возможности рациональной управленческой практики:

- а) против требования следовать на практике тому, что научно обосновано и не делать того, что не поддается этому обоснованию и не подтверждается опытом;
- б) против правила выполнять то, что понятно и не следовать тому, что непонятно;
- в) против идеи о неразумности того действия или поведения, цель которого не определена заранее;
- г) против того, чтобы делать что-либо, если следствия дела не предусмотрены заранее или не выгодны¹⁴.

В итоге, по мнению Ф. Хайека, «самонадеянный рационализм» считает неразумным все то, что либо не доказано научно, либо не вполне понятно, либо не имеет определенной цели, либо ведет к каким-нибудь неизвестным следствиям. Рыночный «расширенный порядок сотрудничества» не может базироваться на принципах научности, конструктивного рационализма, планирования. Ни традиционные нормы морали, ни традиционные практики не удовлетворяют критериям рациональности, не являются заключениями нашего разума.

Рыночный «порядок» выходит за пределы человеческого понимания, желаний, намерений, т.е. индивиды не знают и не могут знать, каков будет конечный результат их деятельности, и соответственно, не могут заранее определять свои цели. Человек в своей практической деятельности, с этой точки зрения, больше походит на пчелу, которая в отличие от архитектора заранее не планирует и не замышляет, что и как строить, но строит, руководствуясь чем-то вроде инстинкта (как пчела), лежащим, однако, выше

животного инстинкта, но не охватываемого разумом.

На самом же деле естественноисторический процесс, складываясь помимо общественного сознания создающих его лиц, тем не менее, образуется, складываясь из действий людей, которые каждый раз ставят перед собой определенные цели и ждут заранее предполагаемых результатов, так или иначе понимают, что они делают, что хотят. Цель, воля людей, осознанность ими своих индивидуальных поступков, готовность к участию в той или иной деятельности - это субъективное сопровождение практической деятельности, без которого история не делается. Этого не отрицают материалисты, которым приписывается теория «железной» необходимости: «Что это за чепуха, будто разум и чувства не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чем же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых не было бы разума и чувства, мы еще не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на «ход вещей» было «ничтожно»¹⁵. Люди и тогда, заметил В. И. Ленин, в здравом уме и твердой памяти, находили чрезвычайно искусные способы, при помощи которых загоняли непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплуатации, проводили политические и финансовые мероприятия, посредством которых осуществлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация.

Объективная закономерность, складывающаяся из практических действий людей независимо от их замыслов, целей, намерений, тем не менее, открывается наукой, человеческим разумом. Законы же науки становятся правилами практического действия и в этом смысле не только осознаются, но и используются людьми в своей практической деятельности. Люди, действуя, всегда подчиняются тем или иным законам, и в этом смысле их практическая деятельность совпадает как с использованием, так и с действием социальных законов.

Управляющая деятельность членов общества и соответствующих институтов образует звено механизма действия и использования законов общественного развития. Изменяют ли люди свои производительные силы или они перестраивают свои управленческие органы, они одинаково попадают под действие объективных законов этой своей деятельности. В этом смысле не может быть особого механизма использования законов, отличающегося от их действия тем, что первый относится к объективным образованиям, а второй - к субъективным. Явления или формы практического проявления внутренних законов, например, конкуренция или планирующая деятельность, не менее объективны, чем сами имманентные законы общественного развития. В противном случае

понятия «использования закона», «механизма использования закона», неизбежно приобретают смысл некоего «воздействия» людей на объективные законы, т.е. из механизма использования можно создать особую субъективную сферу, где не человек подчиняется законам своего действия, а законы подчиняются ему и он волен их игнорировать, отклоняться от них и даже устранять их по своему желанию. Независимо от того, добиваются ли люди своих целей или нет, ошибаются ли они в своих действиях или нет, они не могут в своей деятельности игнорировать ее законы, не подчиняться им. Ведь речь идет о том, что действующие и на практике используемые законы - это законы самой деятельности людей.

Когда речь идет об использовании законов в смысле их знания и деятельности согласно этому знанию, то и категория субъективного фактора приобретает адекватное ей значение: сознательность действия, знание дела, интерес к данному делу. Названная субъективность в своем движении может не совпадать с объективными законами как законами собственных общественных действий тех же самых обладающих сознанием людей. «Под субъективным фактором понимается не всякая сознательная деятельность людей (ибо человек всегда и везде действует сознательно, целенаправленно, а не инстинктивно, как действует животное), а деятельность сознательная в смысле общественного сознания, т.е. не просто деятельность отдельного человека, направленная на удовлетворение его повседневных, будничных личных нужд, но деятельность, исходящая из понимания задач общества или того или иного класса в нем. Субъективный фактор в истории есть сознательная деятельность людей в смысле общественного сознания»¹⁶. Соответственно, роль субъективного фактора в смысле общественной сознательности, целенаправленности действий, а не просто роль деятельности людей, по мере овладения законами общественной науки может повышаться.

Нельзя, однако, это трактовать как возможность возвышения управленческой деятельности над объективными законами. Это было бы субъективистским пониманием общественного развития, опасность которого в последнее время возрастает. Было время, когда возрастание роли сознательного начала представлялось как возможность создания или уничтожения людьми объективных законов общества. Теперь говорят в более мягкой форме: люди вроде бы могут игнорировать эти законы, использовать или не использовать их, отклоняться или не отклоняться от них в своей деятельности. Целые периоды истории страны нередко объявляются ошибочными, общество вроде бы только то и делало, что отклонялось от объективных законов собственной деятельности, и игнорируя их, вставало на ложный путь. Так, например, полагают, что сегодняшний кризис, упадок производства

и жизненного уровня народа произошли не потому, что страна экономически перешла к рынку и стали действовать рыночные законы, а потому, что игнорируются законы рынка, в том числе закон стоимости. Но разве не этими законами определяется известный принцип: повышение благосостояния одних сопровождается соответствующим ухудшением благосостояния других (В. Парето). То, что стало с экономикой страны, произошло не вопреки законам рынка, а благодаря этим законам. Если не реализуются одни законы, то это лишь значит, что деятельность людей осуществляется по другим законам.

Склонность видеть главные причины современной деформации экономической и социальной сферы в ошибках управленцев, в том числе президентов, в их неумении правильно оценить те или иные явления и во время принять решение есть субъективистский подход. Субъективист, признав нечто желательным или нежелательным, должен найти условия осуществления желательного или устранения нежелательного. Им не допускается даже мысли об объективном характере процесса развития общества и потому ничего другого не остается, как говорить только о разных отклонениях от «желательного», о «дефектах», случившихся в истории вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требуется, не умели найти условия осуществления разумных порядков. Ясное дело, что идея о естественноисторическом закономерном процессе развития общества в корне подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии¹⁷. Сегодня эту же мораль можно встретить в расхожей фразе - «зачем законы истории надо любить больше, чем мать родную».

Люди не могут игнорировать объективные законы прежде всего потому, что последние являются законами их собственных общественных действий и отношений. Что и как люди делают, в какие отношения вступают - таковыми и будут законы, которым подчиняются их деятельность и отношения. Поэтому нельзя отклоняться от закона собственной деятельности. Не бывает так, чтобы деятельность, если даже она нежелательна с точки зрения тех или иных социальных групп, не подчинялась собственному закону. Не бывает периодов, или «участков» истории, свободных от действия объективных законов. Если то или иное действие идет в разрез требованиям одного закона, то это не значит, что оно не подчинено другому закону.

Речь может идти лишь о том, что люди, изменяя характер своей деятельности, свои общественные отношения, подчиняются законам этой своей новой деятельности и измененных отношений. Если, например, свою экономическую деятельность общество

направляет на получение прибыли и люди завязывают между собой товарно-денежные отношения, то законами этой деятельности и этих отношений будут законы рыночного производства и обмена. Управленческая власть, какое бы положение не занимала, не может игнорировать законы, ведущие к последствиям капиталистического производства. Остается лишь их санкционировать в управленческих решениях и отделаться соответствующей фразой: «хотели как лучше - получилось как всегда». Управленческая деятельность в современных условиях подчиняется законам рыночного хозяйства, последствия функционирования которого в виде безработицы, кризиса возникают спонтанно, вопреки благим желаниям и обещаниям руководителей «поднять», «улучшить» жизнь людей.

Подчинение людей законам своей деятельности и своих отношений не означает отрицания общеизвестного факта, что историю делают люди, живые личности. Вопрос лишь в том, как понимать это «делание» людьми истории. Они ее делают не тем, что создают новые законы или их изменяют, игнорируя существующие законы, а тем, что изменяют средства и продукты своей деятельности, создают вещи, продукты в той или иной социально-экономической форме. Изменения общественных отношений тоже исходят от людей - их носителей. Однако из признания активности делающих историю людей вовсе не следует, что объективные законы являются результатом, продуктом человеческой деятельности. Объективные законы могут выражать результаты, к которым люди приходят в своей деятельности и в своем общении, но сами не могут быть созданными людьми по своей воле законами.

Исходным здесь является то, что управление есть воздействие людей, общества на собственное функционирование и развитие, на производство и воспроизводство общественных отношений (общества и человека) на основе объективных законов природы и общества. Чем полнее и глубже люди познают законы своих общественных действий и опираются на них в своей управленческой деятельности, тем эффективнее осуществляется управление их собственной общественной жизнью.

Трактовка управления как одного из способов воздействия общества на самого себя проистекает не из какой-то постнеклассической социологии, а из давно известного положения о самодвижении и саморазвитии общества, о порождении человека человеческим трудом (Гегель), из разработанной К. Марксом концепции о том, что производство не сводится к созданию вещей, что оно есть одновременно производство и воспроизводство общественных отношений, то есть самого общества и человека.

Теперь многие пользуются формулами «саморазвивающаяся человеческая система», «производство обществом самого себя», выдавая их за постиндустриальную парадигму всей науки или некой постнеклассической социологии. На самом деле они представляют собой достижения той социологии и той теории управления, которые достойны называться научными.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 100.
2. Там же. С. 101.
3. Там же. С. 107.
4. Там же. С. 102.
5. Советская Россия, 10 сентября 2002 г.
6. Суббето Н. И. Противоречия экономического развития России и стратегия выхода из исторического тупика. Спб. – Кострома – Луга. 2000. С. 53.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 639.
8. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. СПб., 2000. С. 142.
9. Там же. С. 67.
10. Там же. С. 68.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 138.
12. Тихонов А.В. Указ. соч. С. 55.
13. Тугаринов В.П. Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1954. С. 14.
14. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 108-109.
15. Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 1. С. 415-416.
16. Тугаринов В.П. Указ. соч. С. 175.
17. Ленин В.И. Указ. соч. С. 134.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОБЩЕСТВО ТРУДА – ОБЩЕСТВО ПРАВДЫ

Авторский коллектив, определяя круг рассмотренных выше проблем современного российского общества, четко осознает, что экономические отношения, сердцевину которых составляют трудовые отношения, представляют собой базисное основание общества. Это фундамент, но не все здание.

Не менее важно исследовать с точки зрения примата трудовых отношений все «здание» общества, во всем его многообразии, во всем, если возможно такое сравнение, богатстве его архитектуры и декора. Конечно, это очень сложная проблема. Ее раскрытие требует всестороннего, комплексного исследования с позиций многих научных дисциплин. В свете этого можно высказать некоторые соображения относительно значимости труда для выявления правды и лжи в самой жизни.

Хронические неудачи российской экономики последнего десятилетия вопреки радужным ожиданиям, навешанным переходом к официальному господству рыночных отношений и частной собственности, во многом связаны с тем, что в основу экономической и социальной политики положены отношения и категории, несущие с собой онтологическую ложь мистифицированных, фетишизированных форм жизни. Частная собственность делает людей не только глупыми, но и лживыми. Стоило только Б. Ельцину и его соратникам пообещать всех россиян сделать частными собственниками, как все погнались за ваучерами – за своей долей в общенародной собственности. Ложь и обман оказались в исходных предпосылках реставрации капитализма.

Строить новое общество на иллюзиях, на неких превращенных формах сродни попытке строить дом из неподходящих материалов, без запаса прочности. При благоприятных условиях такое здание может существовать какое-то время, и в нем можно жить. Но при смене погоды, в ее экстремальных проявлениях – жара, мороз, дожди, ураганы и т. п., а такое случается в ходе смены времен года, этот дом станет непригодным для жизни. Также и общество, государство при благоприятном стечении обстоятельств может существовать сравнительно сносно. Но при изменении экономической, политической, социальной конъюнктуры оказывается непригодным для существования. В истории такое случалось нередко.

Вспомним наше недавнее прошлое. Руководство Советского Союза вместо последовательной работы в направлении развертывания научно-технического прогресса, социального развития на основе культа труда, совершенствования планового управления обществом в 60–80 гг. двадцатого века погналось за сравнительно легкой прибылью путем добычи и продажи за рубеж сырьевых ресурсов, прежде всего нефти, газа, леса и т. п.

Полученные в результате этого «нефтедоллары» позволили создать видимость благополучия. Их уродливое, рыночное распределение привело к социальному расслоению общества и в итоге к краху как правящей партии, так и всего режима. «Нефтедоллары» позволяли некоторое время существовать без борьбы за новые технологии, прогрессивное развитие материально-технической базы, совершенствование человека труда, социальное благополучие.

Когда же партия попыталась опомниться, время уже ушло. Начались метания от «ускорения» к «перестройке». Все это вылилось в действия трусливого, малоквалифицированного механизатора, оказавшегося в мощнейшей машине на покрытой гололедом трассе. Итог известен: машина марки СССР была разбита. Из ее разрушенных частей наспех собираются разнообразные уродцы и они, дребезжа, дымя и взрываясь, пытаются ползти по трассе истории.

Немного прошло времени, и снова теперь уже Россия попала под иллюзии лживого роста экономики, хотя это – всего лишь удачная конъюнктура на нефтяных рынках. По некоторым оценкам за 2000–2002 гг. за счет роста цен на нефть Россия получила дополнительно более 50 млрд. долларов. Очень хорошо! Но как это отразилось на реальной экономике? Сколько построено новых заводов, фабрик, предприятий сельского хозяйства, дорог, школ, больниц? Может быть, модернизируется армия? Или получили государственную поддержку научные проекты, развивается система образования и высшей школы? Нет, этого не происходит. В лучшем случае государство участвует в обустройстве новых офисов, дворцов, резиденций. В общем, налицо «офисная экономика». Но время опять уходит. Новые «нефтедоллары» рано или поздно потратятся.

На государственном уровне не делается даже попытки осознать на каком фундаменте строить экономические отношения. Все надежды связываются с повышением экономической активности. На самом деле этим лозунгом прикрывается деятельность по переделу сырьевых ресурсов и захвату новых плацдармов в транспортной инфраструктуре, связи, металлургии, пищевой промышленности.

Чубайсово-грефовские поводыри в наше время, пытаясь теоретически обосновать свою разрушительную деятельность или замаскировать ее, высматривают все новые и новые желтые болотные огни. Ваучеры, ценные бумаги, независимость, биржевые курсы, кодексы и т. п. Им, видимо, невдомек, что все эти, сами по себе может быть и полезные экономические инструменты, не будут служить базовыми категориями, на основе которых строится экономическое развитие. Это – инструментарий.

Не случайно в последнее смутное десятилетие разгула спекулятивной, рыночной экономики как основы общества в стране бурно расцвела преступность, прежде всего

мошенничество, аферизм, злоупотребление служебным положением, взяточничество. Потом уже все это одевается в кровавые халаты разбоя, рэкета, терроризма.

Рыночный обман порождает ложь общественную. Именно этим, на наш взгляд, порождаются, продвигаются, занимают на какое-то время ведущие посты в обществе и государстве разного рода авантюристы, лжепророки и прочие политические ничтожества. Из них формируются целые общественные движения и партии.

Всему этому может противостоять только общество труда. Только на базе развития трудовых отношений, поддержки всей сферы развития человека труда возможно последовательное создание мощной экономики, современного промышленного и аграрного производства. Только это будет здоровой основой для всей системы социальных отношений. Правда труда – порождает и правду жизни. По этому поводу справедливо написано у В.Г. Комарова: «1) принадлежность к негосподствующим и занятым жизнеобеспечивающим трудом «массам» гарантирует их от самого страшного греха – от участия в общественном каннибализме, в деятельности по отчуждению жизни других людей; 2) социальное положение работников жизнеобеспечивающего труда в этическом и гносеологическом отношении не что иное как расположенность к точке зрения правды; 3) у них, следовательно, больше, чем у господствующих «элит», объективных социально-антропологических предпосылок и глубинной заинтересованности в том, чтобы не имитировать следование, а на деле следовать ... принципам справедливости»⁵.

Только при господстве трудовых отношений как основополагающих возможно построение правдивых, правильных человеческих отношений между людьми. В труде не обманешь: либо сделано, либо нет. Ибо чтобы добиться конкретного результата, создать продукт с его потребительной стоимостью, необходимо выполнить совершенно конкретный и последовательный набор операций. Невыполнение какого-либо действия, конкретной операции приведет к ущербу продукта, к изменению его качества, можно даже сказать, что будет уже другой продукт. В этом сила конкретного труда, ибо он, изменяя форму предмета труда, делает его годным к потреблению. Здесь конкретный труд путем создания потребительной стоимости превращает последний в фактор производства и потребления. Использование потребительной стоимости кроме удовлетворения потребности влияет еще и на структуру применяемого труда, ведет к его экономии. Продукт конкретного труда, обладая более совершенной формой, несущий силу науки и природы, замещает, высвобождает большее количество труда, чем пошло на его создание.

⁵ Комаров В.Г. Правда: Онтологическое основание социального разума. СПб., 2001. С. 398.

Трудовые отношения не только создают экономическую основу для социального развития путем создания все большего количества свободного времени общества, но и напрямую влияют на гуманитарно-нравственные отношения. В отличие от слепых рыночных отношений всеобщей купли–продажи в кооперативно-трудовых отношениях возрастает роль осознанной истинно человеческой деятельности. Если в продажной экономике в основу маркетинговых стратегий как правило закладываются инстинктивные качества потребителя как физические (голод, жажда, похоть и т. д.), так и психологические (страх, суеверие, честолюбие, тщеславие и прочее), то в трудовой кооперации ведущую роль играют разумные потребности, стремление к их удовлетворению с целью развития личности трудящегося человека.

Разумная, гуманитарная составляющая общества получает в таких условиях больший простор для своего воплощения. Она получает естественную, здоровую, социально-экономическую среду для реализации и развития. Это безусловно находит свое проявление в искусстве, литературе, юриспруденции, нравственности, морали, этике и эстетике, в культуре в целом. Исследование реализации трудовых отношений как базы развития общества во всей многообразной сфере жизни общества – задача других социологических работ. По этому вопросу отсылаем читателя к замечательному труду В.Г. Комарова «Правда: Онтологическое основание социального разума» (СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2001. 556 с.), возрождающем высокую научную социально-философскую теорию, в центре которой – обоснование правды труда и общества, основанного на правде труда. Автор высказывает серьезное беспокойство по поводу того, что засилье товарно-денежных иллюзий и предрассудков вытесняет из миллионов человеческих голов социалистические идеи, а вместе с ними и всякую сколько-нибудь систематизированную социальную теорию, заменяя ее плоским конъюнктурным дискурсом.

Обществу, охваченному системным кризисом и подвергающемуся распаду, не нужны ни социальная теория, ни социальная наука. В условиях, когда знания и научная информация отнесены к миру товаров, люди науки перестают служить истине. Рыночные отношения делают из ученого владельца своей исключительной интеллектуальной собственности, т. е. собственности на свою интеллектуальную рабочую силу, без продажи которой эта его сила ничего ему не дает. Его знания, даже если их называют интеллектуальным капиталом, не возьмет ни один банк и не будет платить за них проценты. Продавая свою интеллектуальную силу, ученый вынужден служить ее покупателю, носителю реального капитала.

Последний, особенно если он фиктивный, воровской, не позволяет наемному научному работнику искать причины своего происхождения, заставляет работника науки скрывать истину. В результате, общественная атмосфера, как справедливо утверждал академик А.Д. Александров, «наполнена у нас ложью, которая распространяется средствами массовой информации и даже академическими журналами»⁶. (1)

Не лучше обстоит дело и с образованием, особенно гуманитарным. Согласно требованиям, изложенным в докладе Всемирного банка о реформе образования в РФ, всякие вложения в систему образования должны рассматриваться как инвестиции в «товарный труд», в подготовку интеллектуальной рабочей силы. Соответственно, как призвал в своем выступлении на VII съезде ректоров вузов России Президент В.В. Путин, «необходимо стимулировать естественный процесс интеграции разных уровней и организационных форм образования и науки в единый рынок знаний».

Всему этому опять-таки может противостоять только наука, служащая интересам труда. Именно служба труду может превратить науку, как утверждал К. Маркс, в народную силу, превратить ученых из пособников классовых предрассудков, из честолюбивых государственных паразитов и союзников капитала в свободных тружеников мысли. Наука может выполнить свою истинную роль только в обществе труда⁷.

⁶ Советская Россия. 2 августа 1997 г.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 559.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА 1. В ЗАЩИТУ ИСТОРИЗМА	6
§ 1. Нищета постмодернизма в трактовке настоящего и будущего	6
§2 Медвежья услуга системно-структурного анализа: статика вместо развития	24
§ 3. Неотвратимая поступь формационного развития общества.....	34
ГЛАВА 2. ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	48
§1 Отказ от экономики как жизненной основы общества.	48
§ 2. Деструкция трудовой стоимости и виртуализация экономики.	60
§3. К производству на основе закона трудовой потребительной стоимости	68
ГЛАВА 3. ОТ КАПИТАЛА К ТРУДУ	77
§ 1. Капитализм под маской постсовременности.	77
§ 2. Несовместимость капиталистической стоимостной основы с дальнейшим развитием общества.....	90
§ 3. Перспективы развития общества – за развитием труда.	105
ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕК ТРУДА ВМЕСТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	124
§ 1. Противоположность труда и капитала.	124
§2. Умственный труд вместо интеллектуального капитала	137
§ 3. Инновационная сущность труда.....	147
ГЛАВА 5. К СОБСТВЕННОСТИ, ОСНОВАННОЙ НА СОВМЕСТНОМ ТРУДЕ	158
§ 1. Труд и собственность: диалектика развития	158
§ 2. Обобществление труда и социализация собственности.....	164
§ 3. Обмен труда и потребительных стоимостей как форма присвоения	188
ГЛАВА 6. ОТ ОБЩЕСТВА ГРАЖДАНСКОГО К ОБЩЕСТВУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ	195
§ 1. Гражданское общество и суверенитет народа	195
§ 2. Обобществление труда и социализация человека	217
§ 3. Ассоциированный труд и очеловечивание общества.	228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОБЩЕСТВО ТРУДА – ОБЩЕСТВО ПРАВДЫ	243